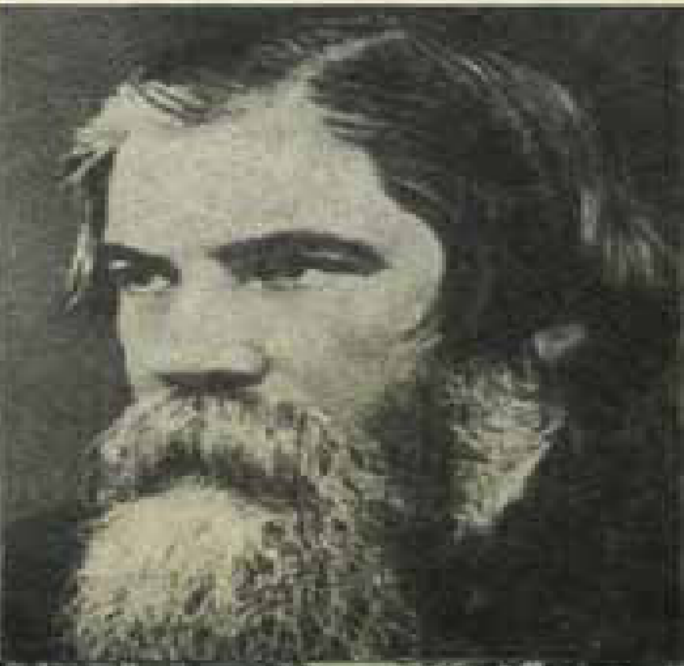
БЕХТЕРЕВ



А. Никифоров

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой научно-художественную биографию Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927) — замечательного русского невропатолога, психиатра, психолога и физиолога. Его исследования внесли много ценного в познание нервной и психической деятельности человека. Много сил отдал Бехтерев борьбе с таким общественным злом, как пьянство и алкоголизм. Крупный общественный деятель, В. М. Бехтерев был в числе тех ученых, которые после Великой Октябрьской социалистической революции безоговорочно стали на сторону рабочих и крестьян, способствовали становлению советской науки.

Рецензенты: генерал-майор медицинской службы доктор медицинских наук профессор Г. А. АКИМОВ; заслуженный деятель науки РСФСР доктор медицинских наук профессор М. М. КАБАНОВ; доктор медицинских наук А. М. ШЕРЕШЕВСКИЙ.

- А. С. Никифоров
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. БЕХТЕРЕВА
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

А. С. Никифоров
БЕХТЕРЕВ

Глава 1
ДЕТСТВО

Зима в тот год удалась снежной, морозы стояли суровые: птицы на лету замерзали. А в избе натоплено, душно… Раннее утро. Свет чуть брезжит через занавешенные, подслеповатые окна… Новорожденный покричал и успокоился. Мать его, Мария Михайловна, пребывает в полудреме, набирается сил… Перед мысленным взором проплывают картины пережитого. Вспоминаются родители. Отец — титулярный советник Михаил Тимофеевич Назарьев, мать — Надежда Львовна… Хоть и строгими они были, любили по-своему. Стремясь дать образование, устроили в пансион, где учили и музыке и французскому… вспоминается свадьба, рождение дочери Марии, что лежит теперь под крестом на погосте; потом рождались сыновья… Вот уже третий… С мужем Мария Михайловна живет в ладу. Все вроде бы хорошо, да вот начальство его не жалует: в службе неусерден, добр к людям, может быть, слишком… Взяток не берет… А жалованье-то какое?

Послышались легкие шаги… Глаза у Марии Михайловны прикрыты, но она четко представляет, как муж, Михаил Павлович, осторожно вышагивает без обуви в связанных ею недавно шерстяных носках. Вот он наклонился к ней, и они соприкоснулись губами. Она подняла руку, погладила его буйную шевелюру и впервые за сегодняшнее утро улыбнулась. «Ну как там?» — «Все в порядке. Сын — богатырь!» И в это время из соседней комнаты донесся плач новорожденного.

Владимир Михайлович Бехтерев родился 20 января 1857 года в семье станового пристава в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии (ныне это территория Татарской АССР). Просторная деревянная изба, принадлежавшая крестьянину Панфилу Байгулову, в которой он появился на свет, в следующем году сгорела, и семья Бехтеревых перебралась в двухэтажный кирпичный дом, где когда-то жил Красильников — владелец Вондюжского медеплавильного завода. В первом этаже этого дома располагался полицейский участок, Бехтеревы занимали второй этаж.

Село Сорали раскинулось на заболоченной пустоши вдоль реки Кринки в восьми верстах от города Елабуги. Населяли его русские «казенные» крестьяне, а также вотяки и татары. Название села, по-видимому, происходит от татарского слова «сераль» —

дворец. Однако ничего похожего на дворец в селе не было. Была скромная каменная церковь, построенная в 1804 году. Кроме этой церкви с колокольней, расположенной в центре села, и заводских построек на его окраине, над крестьянскими избами возвышалась лишь паровая мельница купца Шишкина.

После рождения сына Владимира в селе Сорали семья Бехтеревых задержалась недолго, так как Михаила Павловича перевели но службе в село Унинское Глазовского уезда. Здесь разместились в двухэтажном казенном доме с рощицей хвойных деревьев во дворе, надворными постройками и огородом. Завели Бехтеревы хозяйство: купили корову, пару лошадей, развели уток — благо, что воды кругом сколько угодно. Хозяйство кормит, но работы по дому невпроворот. А дети малые требуют внимания. И взяли в дом няню Акулину. Няня неграмотная, но жизнь знает, умеет многое и, главное, детей любит. Да и по дому от нее польза немалая. Хозяин-то все на службе, а когда бывает свободен, норовит податься в лес. Возьмет ружье, пороху, дроби да котомку с харчами и уйдет. Вокруг села деревни все больше вотяцкие. Там у него много знакомых, и заночевать всегда есть где.

Сами себя вотяки называли «уд» или «уд-мурт». «Уд» — означает «вода», «мурт» — «человек». Следовательно, «уд-мурты» можно перевести как «люди на воде» или «народ на воде». И действительно, вотяки, или удмурты, поселялись обычно вблизи ручья или речки на опушке леса. Семьи у вотяков большие, так как сыновья с семьями живут там же, где и их родители. Так что в одном дворе, как правило, обитает человек двадцать и более. Деревню составляют несколько дворов, в каждом из которых изба, надворные постройки. Избы обычно «курные». Печи в них не имеют дымохода — топятся «по-черному». У вотяков зажиточных — избы побольше и состоят из двух частей: зимней — «черной» и летней — «белой».

Многие вотяки на лето уходят из деревни в лес, где из палок, циновок и холста устраивают временные жилища, напоминающие цыганские шатры. Костры для приготовления пищи и напитков и хотя бы временного отдыха от назойливой мошкары разводится в таких случаях около жилища.

Отец, забредая в лесные дебри, предпочитает ночевать у таких костров, а не в деревенских избах. Здесь и воздуха больше, и блохи не заедят, просторно, вольготно… А вокруг люди, которые лес понимают и потому могут порассказать много удивительного и про травы, и про деревья, и про звериные повадки. Но особенно Михаил Павлович любит птиц. Все в лесу интересно, но общение с птицами доставляет ему особое удовольствие, и что там ни говорят охотники, что ни пишут

ученые-орнитологи, но непонятным остается — почему птица способна взлетать и парить в небе. Ведь это не пушинка какая-нибудь. Часами мог Михаил Бехтерев смотреть на это чудо и не переставал им восторгаться. Восхищали его и пестрое оперение птиц, и дальние сезонные перелеты, и трогательная забота о потомстве…

В просторном доме своем на незаселенном первом этаже выделил он для птиц большую комнату. Поместил в ней кадку с березкой, чтобы птицы могли чувствовать себя как в привычной лесной стихии. Березка вскоре зачахла, но птицы прыгали по ее оголенным ветвям и гомоном своим радовали хозяина. Некоторых птиц он вместе со старшим сыном Николаем поймал в силки в своем же дворе или на краю ближайшего леса, но были и такие, которых покупал на базаре в уездном городе Глазове, а певчих канареек привозил даже из Вятки, куда приходилось иногда выбираться по воде или на лошадях по делам службы.

Мария Михайловна смотрела на увлечения мужа как на забаву, недостойную того, чтобы отвлекаться на нее от дел, подобающих солидному мужчине, представляющему на селе государственную власть. А детям его увлечение по душе. Помогают отцу птиц содержать: и воды подольют, и корма подсыплют, и порядок наведут. Любят ребята отца послушать. Много знает он и о людях, и о зверях, и о птицах. На вопросы отвечает подробно и так, что все становится ясным и понятным. Все ли? Если сказать но правде, то бывает, что и он, подобно матери или няньке Акулине, отвечает: «Так богу угодно». А о боге распространяться не любит. О боге все знает мать. Но человек она строгий, да к тому же еще и постоянно занятый. Потому, кроме отца, первый собеседник — Акулина. Она знает много сказок и в долгие зимние вечера может часами рассказывать разные диковинные истории, которые, хотя и бывают временами страшноваты, заканчиваются всегда благополучно: бедный становится богатым, одинокая работящая девушка выходит замуж за красавца царевича, трусишка заяц обманывает злого волка, добро же неизменно торжествует над злом.

Когда Володе было лет пять, отец стал часто покашливать, уставал быстро, временами чувствовал жар. Сельский фельдшер, лечивший главным образом настоями трав, которые сам же и собирал в окрестных лесах и лугах, настоял на поездке Михаила Павловича в уезд. Там доктор с грустными, усталыми глазами долго слушал через трубку его дыхание, стучал по собственному пальцу, перемещая его по груди и спине пациента, а потом, усевшись в кресло, долго протирал пенсне, висевшее на черном

шнурке, не торопясь закрепил его на носу и, глядя куда-то в угол, произнес: «Ну что, батенька, дела-то наши того… так сказать, не совсем… — а потом, еще помолчав, продолжил: — Чахотка это». Затем он стал писать рецепт на пилюли, в состав которых включил дюжину бесполезных или почти бесполезных лекарств. Пилюли эти готовить мог только аптекарь, а в селе Унинском аптекаря не было. И тогда-то по настоянию решительной Марии Михайловны отец подал по начальству рапорт. В рапорте он писал о своей болезни и о том, что жить ему следовало бы там, где есть и аптекарь, и врач. Просьба отца была удовлетворена осенью того же года, и семейство Бехтеревых переехало на жительство в уездный город Глазов.

Можно предположить, что просьба Михаила Павловича Бехтерева о служебном переводе из села Унинского в город Глазов была удовлетворена без обычных проволочек, так как оказалась на столе начальника почти одновременно с утвержденными 26 апреля 1863 года «царем-освободителем» Александром II «Правилами полицейского надзора над лицами, обнаруживающими вредные политические устремления». «Правила» включали Вятский край в число 28 отдаленных российских губерний, которые официально утверждались «местами политической ссылки». Среди 72 городов, входящих в состав этих губерний и указанных в «Правилах» как «подходящие» для проживания там ссыльных, оказался и Глазов. В этих городах полиции надо было обеспечить должный надзор над сосланными, поэтому в них расширялся штат полицейских чиновников. Только в городах Вятской губернии, где предполагалось дополнительно разместить 185 политических ссыльных, количество штатных должностей по министерству внутренних дел увеличивалось на 39 единиц; часть из них предназначалась городу Глазову. К приему прибывающих не по своей воле «гостей» надо было быстро подготовиться, а для этого требовалось без промедления заместить открывшиеся штатные вакансии.

Разработка «Правил» о политических ссыльных была обусловлена ростом в начале 60-х годов XIX века революционно-демократического движения в России. Подписанные императором Александром II 19 февраля (в день его восшествия на престол) 1861 года «Манифест» и «Положения», в которых сообщалось об освобождении крепостных крестьян, не оправдали крестьянских надежд на «полную» волю. «Освобождение» должно было осуществиться в течение двух лет, при этом земля, обрабатываемая крестьянами, оставалась у помещиков. Это вело к тому, что «освобожденные крестьяне» на неопределенный срок оказывались в тисках экономической кабалы, зависимость их от

землевладельцев оставалась практически незыблемой. Даже министр внутренних дел Валуев писал в своем дневнике после выхода «Манифеста»: «Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления…» В редакционной статье «Колокола» значение «Манифеста» было определено короче и куда ясней: «Народ царем обманут». И народ это понимал. Как писал позже В. И. Ленин: «Крестьяне в большинстве губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало… Но падение — крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».

Только за 1861 год на Руси было 1859 крестьянских волнений. Наиболее крупные бунты имели место в селах Кандеевка (Пензенская губерния) и Бездна (Казанская губерния), они окончились кровавым «усмирением», во время которого сотни крестьян были убиты и ранены. Несправедливость и жестокость, проявленные правительством по отношению к народным массам, вызвали возмущение русской интеллигенции. Демократически настроенное студенчество проявляло себя опасным для самодержавия «возмутителем спокойствия». Антиправительственные выступления студентов временами приобретали четкую политическую окраску. Так было, например, во время панихиды-демонстрации, устроенной студентами Казанского университета в связи с похоронами крестьян, расстрелянных при подавлении бунта в селе Бездна.

В ответ на студенческие выступления правительство отреагировало репрессивными мерами. В середине 1861 года им вводятся «временные правила», ограничивающие доступ в университеты молодежи из разночинцев. Студенты протестовали. В результате в сентябре в Петербургском, Московском и Казанском университетах прекратились занятия. 25 сентября 1861 года в Петербурге состоялась первая в России уличная демонстрация, организованная студентами. В результате — избиение демонстрантов, аресты студенческих вожаков, массовые исключения из университета.

Герцен, Огарев, Чернышевский, Шелгунов явились вдохновителями группы революционеров-разночинцев, создавших в 1862 году тайное общество «Земля и воля», в центральный комитет которого вошли братья Николай и Александр Серно-

Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, поэт-сатирик В. С. Курочкин. Программой общества были требования обобществления земли, самоуправления крестьянских общин и создания выборного правительства.

Летом 1862 года были закрыты отражавшие взгляды демократически настроенной общественности журналы «Современник» и «Русское слово», арестованы Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Серно-Соловьевич и некоторые другие революционные демократы. Все это вызвало возмущение общественности. Обстановка продолжала накаляться. Новая волна возмущения захлестнула студенческие круги. К тому же в ночь на 23 января 1863 года началось давно назревавшее восстание в Польше. На его подавление были брошены войска. Пленные осуждались на казнь, на каторгу, в ссылку…

Уже в 1863 году ссыльные студенты и участники польского восстания появились и в городе Глазове, куда только что перебралась семья Бехтерева. Позже попавший сюда же в политическую ссылку из кипящего событиями Санкт-Петербурга Н. Г. Короленко назовет этот город «ненастоящим»: «ненастоящая торговля, ненастоящий покупатель, ненастоящее ремесло и ненастоящий заказчик. Самый город выходит ненастоящий, и жизнь его как будто призрачная, чего-то ожидающая…»

Н. Г. Короленко характеризовал Глазов как «типичный городок северо-востока. Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре полукруглая площадь, лавки, навесы, старинная церковка, очевидно пришедшая в негодность, а рядом недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами…

Подальше от центра домишки окраины подходят к ельничку, сосняку, который, вырастая вверх по реке, становится спокойным дремучим бором». Короче, как сказал писателю о Глазове смотритель вятской тюрьмы, «городишко плохонький, что толковать».

Приезжающих в него ссыльных в одном из немногих каменных домов, занимаемых полицейским участком, встречал чиновник с впалыми щеками, который то и дело покашливал, прикладывая ко рту большой клетчатый платок. Записав в книгу необходимые сведения, он охотно советовал, где можно подешевле устроиться на квартиру, как найти приработок к тем 15 рублям в месяц, которые казна отпускала на содержание ссыльного, успокаивал и подбадривал отчаявшихся.

Как-то один из ссыльных, участник польского восстания (фамилия его осталась неизвестной, а звали его все просто по

имени — паном Казимиром), был приглашен Михаилом Павловичем домой к воскресному обеду. Гость вел себя за столом непринужденно, хозяйку он покорил изяществом манер, хозяина и детей — занимательными рассказами о Париже, где ему пришлось провести несколько лет, о родной Польше, о недавно отгремевших боях между восставшими и войсками, направленными царем на их усмирение. В последующем он стал время от времени захаживать в дом Бехтеревых на огонек. Мария Михайловна встречала его всегда радушно, старалась накормить и обогреть. Когда все собирались за самоваром, разговоры велись и о новинках техники, и о книгах, и о самобытной природе вятского края. Пану Казимиру захотелось сделать что-то приятное гостеприимным хозяевам, и он предложил позаниматься с их шестилетним сынишкой Володей. Мальчик оказался любознательным и смышленым учеником, к тому же наделенным великолепной памятью. Заниматься с ним было необременительно, и пан Казимир вскоре начал готовить своего подопечного к поступлению в гимназию. От предложенной ему платы категорически отказался, но мелкие услуги, которые оказывал ему хозяин дома, принимал охотно. Так, он теперь мог не являться систематически на регистрацию в полицейский участок. Присутствие пана Казимира в Глазове удостоверялось заочно.

Летом из Вятки в Глазов приезжал старший сын Бехтеревых Николай, к тому времени уже обучавшийся в гимназии. Он много и охотно рассказывал о своих товарищах, об учителях, о создававшемся при Вятской публичной библиотеке естественноисторическом музее. Особенно тепло Николай отзывался о директоре гимназии Иване Михайловиче Глебове. Иван Михайлович по-отечески относился к гимназистам, был справедлив, демократичен, боролся с формализмом в преподавании. Много позже, в 1911 году, на праздновании столетия Вятской гимназии, будет отмечено, что период с 1856 по 1866 год, когда гимназией руководил Глебов, представлял собой «самое благородное, возвышенное ее время».

Братья вместе с паном Казимиром совершали прогулки в ближайший лес. Их интересовало все. Особенно впечатляли рассказы учителя о жизни муравьев. Сложность организации муравейника, а главное — распределение среди муравьев обязанностей и неустанный труд каждого для блага всех были поразительны. Братья, в свою очередь, немало интересного могли поведать пану Казимиру о птицах, которых так любил и знал их отец. Птицы были постоянными обитателями дома, и дети знали их повадки и легко выделяли в птичьем гомоне леса знакомые

голоса.

Во время одного из таких лесных походов маленький Володя поймал крупную пеструю бабочку. Это стало поводом к охватившему всех увлечению коллекционированием этих удивительных созданий. Бабочками заинтересовался и отец, всегда проявлявший живейшее внимание к ребячьим занятиям. Пан Казимир добыл где-то «Определитель насекомых», по которому можно было опознать каждую бабочку и узнать ее русское и латинское названия. Отец вскоре привез из Вятки том Брема. В нем просто и понятно описывалась жизнь насекомых и излагались сведения об их необычайных превращениях.

Вообще жизнь маленькому Володе казалась полной загадок и неожиданных открытий. Чем больше он узнавал, тем больше возникало новых вопросов.

Жизнь Бехтеревых, казалось бы, устроилась: материально окрепли, уважаемы в уезде, сыновья подрастают, семья дружная. Что еще для счастья надо? Но напоминала о себе старая истина: для счастья необходимо здоровье. А здоровье отца, несмотря на докторские снадобья и усиленное питание, неуклонно ухудшалось. Он исхудал, на впалых щеках его пылал нездоровый румянец, по ночам мучил надрывный кашель, а как-то на рассвете во время очередного приступа кашля хлынула горлом кровь.

Чахоточных вокруг было немало. И все прекрасно понимали, чем грозит эта жестокая болезнь. Уездная медицина явно была бессильна помочь больному, но Мария Михайловна со свойственной ей энергией принялась хлопотать о переводе больного мужа в главный город губернии. Опять она уговорила его обратиться с рапортом по начальству. Однако начальство на этот раз с ответом не спешило. Тогда Мария Михайловна, оставив хозяйство на попечение няньки Акулины, поехала в Вятку на собственной конной паре. Во время визита Марии Михайловны в Вятку губернское начальство внимание к залежавшемуся было рапорту Михаила Павловича проявило, видимо, достаточное, так как вскоре последовало распоряжение о переводе его из уездного города в губернский.

Возможно, что хлопоты жены в переводе Михаила Бехтерева и не сыграли такой уж важной роли: ведь полицейские чиновники требовались и в губернских учреждениях. А Михаил Павлович, хотя и не проявлял в службе большого усердия, зарекомендовал себя человеком, умевшим ладить с поднадзорными. Он не строчил на них жалоб и доносов, но ведь и на него не жаловались.

Весна 1864 года прошла у Бехтеревых в хлопотах, связанных с переездом. В Глазове предстояло ликвидировать хозяйство, да к

тому же позаботиться и о жилье на новом месте. Там отцу семейства по малому его чину казенной квартиры не полагалось, и потому решила Мария Михайловна купить в Вятке дом.

Накопления кое-какие к тому времени были, пошла в ход и выручка за продажу лошадей, скота, птицы, некоторых вещей, перевозить которые в губернский город не имело смысла. Марии Михайловне удалось таким образом сколотить сумму вполне достаточную и с помощью вятских родичей сторговать полукаменный дом в два этажа с порядочным двором и надворными постройками, среди которых был и деревянный флигелек, который прежние хозяева использовали в качестве летней кухни.

Переезжали Бехтеревы летом на трех нанятых подводах. Пыльная, ухабистая дорога виляла вдоль реки Чепец. Местность вокруг лесистая, временами попадаются вырубки с полосками поспевающей ржи да растянутые вдоль дороги деревни с расставленными как попало в отдалении друг от друга рублеными избами. В одной из таких деревень останавливались на ночлег.

В Вятку въезжали в воскресенье. На краю города маленький обоз встретил Николай в зеленой гимназической форме. Он уже кончил четыре класса и чувствовал себя почти взрослым. Его радовали переезд семьи и предстоящая возможность жить вместе с родителями и братьями. Поцеловав мать и отца, пошел он дальше вместе с братьями за последней подводой и с удовольствием рассказывал им о том, что попадалось на пути.

Володе все было интересно. Все ему казалось необычным, грандиозным, великолепным. Он был рад переезду и потому, что с ним в семье связывали возможность успешного лечения отца, и потому, что он теперь будет жить вместе с любимым братом, и потому еще, что и сам он надеялся вскоре поступить в гимназию.

Отношение к новому месту жительства зависит, как правило, от того, насколько желанно переселение, откуда переезжает человек, по своей ли воле, чего он ждет от жизни на новом месте. Весной 1848 года в Вятку въезжал политический ссыльный М. Е. Салтыков, недавний выпускник Александровского лицея, чиновник военного министерства. Он оказался одной из первых жертв созданного по воле Николая I негласного комитета по надзору за печатью, возглавляемого реакционером Д. П. Бутурлиным. Пострадать Салтыкову пришлось за публикацию в петербургском журнале «Отечественные записки» статей «Противоречие» и «Запутанное дело». Будущего великого сатирика из Петербурга в Вятку сопровождал хмурый жандарм, и Вятка воспринималась Михаилом Евграфовичем как место

крушения надежд. Все это и определило характер первых впечатлений об этом городе, которые он позже отразил в «Губернских очерках»: «…ни… одного трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы-то все немощеные… Въезжая в этот город, вы как бы чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания». Хотя с тех пор прошло 16 лет, в Вятке мало что изменилось, однако Володя Бехтерев воспринимал этот город вовсе не как жизненный тупик, «откуда даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец света…», а как город надежды, надежды на интересную, насыщенную событиями, новую жизнь.

Жизнь в Вятке у семьи Бехтеревых складывалась нелегко. Местные доктора надежд Марии Михайловны тоже не оправдали, здоровье Михаила Павловича продолжало ухудшаться. Правда, в первые месяцы пребывания на новом месте он еще крепился. Придя со службы, брался за топор или лопату, занимался благоустройством своего жилища. Ему охотно помогали сыновья, выполняя посильную для них работу: укрепляли и красили забор, приводили двор в порядок, копались на грядках… Материальное положение семьи ухудшилось: жалованье у главы семейства осталось практически прежним, а расходы семьи росли — все надо было покупать, так как своего хозяйства здесь не было, да к тому же и лечение отца обходилось недешево.

Весна 1865 года выдалась тяжелой. С апреля зарядили бесконечные дожди, было холодно и сыро. Земля уже не впитывала влагу. Талые и дождевые воды заполнили дворы, дороги, а дождь все лил и лил. Казалось, конца ему не видно и серое низкое небо теперь уже вечно будет извергать дождевые потоки. У отца опять повторились кровохарканья, он обессилел вконец и слег. Доктор велел растирать грудь скипидаром, кормить жирной пищей, летом советовал поехать на кумыс. Все его наставления выполнялись, но они оказались бесполезными или запоздалыми, так как с кумыса, на который отец отправился в июле, его привезли в гробу.

Тяжело пережила семья эту смерть. Убивалась Мария Михайловна, горевали дети. Но после похорон вдова стала думать о том, как жить. Пенсия за мужа мизерная: последний чин его весьма невелик — коллежский секретарь[1], да и служил недолго — ведь молодым умер, не прожил и 40 лет. Деньги, что скопились было в семье, ушли на покупку дома. Может быть, дом продать? Но ведь где-то жить надо, да и деньги разойдутся… А потом? И

решила Мария Михайловна сдавать дом внаем, оставив себе лишь флигель. Вскоре нашлись и наниматели-квартиранты. При этом Мария Михайловна, как хозяйка, обязывалась проводить в доме текущий ремонт и поддерживать порядок во дворе. К тому времени в гимназии учились уже два сына. Несмотря на материальные затруднения, Мария Михайловна считала необходимым сделать все, чтобы дети могли учиться. Упорно готовился к поступлению в гимназию и младший сын — Володя. По мере возможностей помогали ему в этом мать и старший брат Николай. Второй брат, Александр, к наукам оказался неспособным, учился кое-как и в итоге одолел лишь четыре класса.

Поступающий в гимназию в то время должен был сдать три экзамена. Чтобы сдать экзамен по русскому языку, требовалось «умение бегло и со смыслом читать и пересказывать прочитанное», а также различать части речи, уметь склонять существительные и местоимения, спрягать глаголы, писать под диктовку и, наконец, знать и декламировать некоторые стихотворения из «Родного слова» К. Д. Ушинского. На экзамене по арифметике надо было показать «основательное знакомство с первыми четырьмя действиями над простыми числами (умножение — на три цифры и деление — на две цифры)», а также осуществлять «умственное решение практических задач» до 100 включительно по первой части «Сборника арифметических задач» Е. А. Евтушевского. На экзамене по закону божьему полагалось знание «общеупотребительных молитв и основных событий священной истории Ветхого и Новою завета» и умение читать по-церковнославянски. К весне 1867 года Володя твердо усвоил необходимые сведения и, кроме того, немало «начитал наперед».

В июле 1867 года Мария Михайловна подала официальное прошение на имя директора Вятской гимназии с просьбой допустить к вступительным экзаменам ее сына Владимира. Прошение тогда составлялось по определенной форме и содержало обязательство одевать ученика в соответствии с узаконенными правилами, снабжать его всем необходимым для учения, уведомлять о месте его жительства, которое должно быть «устранено от дурных сообществ и примеров», и вообще содержать сына по правилам, внушаемым ему в учебном заведении. К прошению прилагались свидетельство о рождении и крещении сына, выданное консисторией, свидетельство от врачебной управы или от известного в городе врача за его печатью о том, что сыну привита оспа и у него нет хронических болезней. Прилагался также послужной список отца, а если

будущий ученик был из лиц податных сословий (крестьян, мещан), требовалось еще и «увольнительное свидетельство».

Вступительные экзамены в гимназии проходили в течение четырех дней. Володя Бехтерев сдал их весьма успешно, в связи с чем было вынесено редкое решение о зачислении его сразу во второй класс. До начала учебного года оставалось несколько недель, и начинающего гимназиста надо было срочно обмундировать буквально с головы до ног.

Гимназическая форма в соответствии с уставом 1864 года шилась из сукна. При этом брюки должны были быть темно-серыми, однобортный же кафтан с отложным воротником, жилет, пальто и фуражка — темно-зелеными. Околыш на фуражке, а также петлицы на воротнике кафтана и пальто были также суконными, но темно-синими. Черными должны были быть суконный или шелковый галстук и все пуговицы. Мария Михайловна форму и необходимые учебные принадлежности подготовила для Володи вовремя, и с 16 августа 1867-го он приступил к занятиям. В тот же день ему было вручено и пять рублей серебром: плата за полгода обучения в гимназии.

Вятская гимназия — одна из старейших в России. Основана она была в соответствии с Уставом учебных заведений, подведомственных университетам, 21 ноября 1811 года на основе существовавшего с 1786 года Вятского главного народного училища и входила в состав Казанского учебного округа. Временем ее расцвета в период празднования столетия Вятской гимназии назовут десятилетие, предшествовавшее году поступления в нее Володи Бехтерева, пост директора занимал И. М. Глебов. Инспектором гимназии тогда был Н. О. Шиманский, славившийся своей добротой, которой гимназисты нередко злоупотребляли.

Когда в гимназию поступил Володя Бехтерев, глебовские традиции в ней начинали уступать место новым порядкам. 19 ноября 1864 года Александр II утвердил гимназический устав, по которому гимназии разделялись на классические и реальные. В классических ведущими предметами становились древние языки, в реальных — взамен древних языков увеличивался объем преподавания математики и естественных наук. Право на поступление в университет имели только выпускники классических гимназий, «реалисты» же имели некоторые преимущества лишь при поступлении в технические учебные заведения.

Долго решали вятские власти — какой быть гимназии в их городе? Верх взяло соображение о праве «классиков» становиться

студентами университетов, ведь Вятка с давних пор тяготела к Казани, и возможность обучаться в Казанском университете составляла предмет мечтаний многих гимназистов. Стала таким образом Вятская гимназия классической, а так как в городе преподавателя греческого языка не нашлось — классической, но лишь с одним древним языком — латинским.

Новый устав в Вятской гимназии поначалу вводился не спеша. Однако весной 1866 года положение в учебных заведениях России осложнилось в связи с покушением студента Дмитрия Каракозова, который 4 апреля пытался застрелить императора Александра II. Следствие установило, что покушавшийся входил в тайное общество, которое состояло главным образом из московских студентов, возглавлял его Н. И. Ишутин. Император высказал недоверие ко всему русскому студенчеству. Слывший либералом, министр народного просвещения А. В. Головин был заменен крайним реакционером графом Д. А. Толстым. Новый министр признавал в гимназиях классические языки «основой всего дальнейшего образования». Им насаждался строгий надзор за учащимися и предпринялись меры для ограничения наметившейся в предыдущие годы демократизации состава учащихся средних и высших учебных заведений. Целью своей деятельности на посту министра народного просвещения Д. А. Толстой считал борьбу «с материализмом и нигилизмом».

Уже в мае 1866 года новый министр народного просвещения в связи с опубликованным «высочайшим рескриптом» издал распоряжение попечителям учебных округов о мерах, которые им надлежит предпринять «для поддержания власти и уважения к закону, для охраны коренных основ веры, нравственности и порядка». От всех служащих системы министерства просвещения требовалось «точное, неослабное и неукоснительное исполнение обязанностей, предписываемых общими законами государства и частными постановлениями министерства». Директорам учебных заведений рекомендовался «неусыпный надзор за поведением учащихся и постоянное строгое наблюдение за преподаванием».

Когда Володя Бехтерев стал гимназистом, в Петербурге приступили к разработке нового гимназического устава. На его создание потребовалось пять лет. Все эти годы Вятской классической гимназией руководил сменивший умершего в декабре 1866 года И. М. Глебова приехавший из Казани педантичный немец Э. Е. Фишер, стремившийся добросовестно выполнять все поступавшие сверху циркуляры. Однако в гимназические годы Владимира Бехтерева порядки не были еще слишком строгими. Володя учился охотно и достаточно успешно. Учили его разные учителя, их умение преподавать во многом

определяло отношение гимназистов к отдельным предметам.

Несколько позже великий химик Д. И. Менделеев в статье «Заметки о народном просвещении в России» писал так: «В отношении умственного и волевого развития учеников, стремления их к дальнейшему высшему образованию и запасу сведений, спрашиваемых в жизни, все зависит, по моему крайнему мнению, в наибольшей мере от качества преподавателей, их примера, их любви к делу… Можно и из естествознания сделать такую зубрежку, сушь и «слова», как из греческого… Вспоминая влияние своих гимназических учителей, я всегда останавливаюсь на двух учителях… И сколько я ни расспрашивал людей сознательных и вдумчивых, всегда слышал от них, что и у них были один или два учителя, оставивших добрый след на всю их жизнь».

Если из преподавателей, обучавших Владимира Бехтерева в Вятской гимназии, попытаться выбрать наиболее ярких и запоминающихся, то надо назвать, пожалуй, учителя физики, математики и естественной истории Василия Петровича Хватова и историка Якова Григорьевича Рождественского.

В. П. Хватов внешностью обладал запоминающейся и особенной: небольшого роста, но крепкого сложения, широкоплеч, с гладко стриженной головой и мохнатыми бакенбардами. Несмотря на уже немолодой возраст, был всегда бодр, подвижен, нетерпелив, любил пошутить, иногда язвительно. Во время урока обычно ходил между рядами и, даже когда сидел за столом, напоминал сжатую пружину, готовую распрямиться в любую минуту. Говорил быстро, но отчетливо. Вдохновенно излагаемый материал иллюстрировался рисунками, схемами, чертежами, моментально выполняемыми цветными мелками на доске.

Во время занятий Василий Петрович широко пользовался собственноручно заготовленными учебными таблицами, гербарием, зоологической коллекцией. Любой учебный материал преподносился им просто, понятно, занимательно. Гимназисты слушали его всегда с интересом, внимание на уроках было полным.

Опросы Василий Петрович проводил в виде собеседования, в которое в течение урока вовлекался едва ли не весь класс. Он умел буквально с полуслова оценивать степень подготовленности гимназиста. К наказаниям он никогда не прибегал, но к урокам его ученики всегда готовились с особой тщательностью, так как опасались в случае неудачного ответа услышать удивленно-насмешливую реплику преподавателя. Реплики эти обычно были неожиданны, остроумны и нередко сопровождались дружным

смехом товарищей. Преподаватель сам любил пошутить, допускал, понимал и ценил шутки гимназистов. На его уроках царил дух «глебовского» демократизма. К ученикам относился он всегда доброжелательно, хотя знания своих предметов требовал; гимназисты же его искренне уважали.

Я. Г. Рождественский, преподававший историю и географию, был сыном пономаря, закончил духовную семинарию, а затем академию. Но там, в учебных заведениях, призванных готовить служителей культа, он потерял всякий интерес к религии и к духовной карьере и в 1860 году экстерном сдал экзамен в Казанском университете на звание учителя гимназии.

Внешность Яков Григорьевич имел самую заурядную, вел себя скромно, даже стеснительно, по на уроках преображался до неузнаваемости. Материал излагал живо, увлеченно, при этом зачастую усаживался на учительский стол и опирался руками на поставленный на колени ребром классный журнал. Когда он повествовал о восстании Спартака, о войне Алой и Белой розы или об отражении нашествия поляков на Россию ополчением Минина и Пожарского, то казалось, что сам он был непосредственным участником всех этих событий. Обладая великолепной памятью, он знал много исторических сведений, не нашедших отражения в рекомендованных гимназистам руководствах Карамзина, Смарагдова, Устрялова и во введенном с 1868 года учебнике Иловайского.

Любовь к истории сочеталась у этого преподавателя с каким-то особенным, прямо-таки рыцарским отношением к ней. Гимназисты шутили, что ошибки в ответах Яков Григорьевич воспринимал столь же горячо, как Дон-Кихот Ламанчский непочтительные отзывы о Дульцинее Тобосской. Брови его в таких случаях поднимались, лицо выражало удивление, обиду, и в классном журнале против фамилии ученика, допустившего фальсификацию исторических фактов, дрожащей от волнения рукой выводилась крупная единица. Гимназисты понимали, что гневается учитель всегда по делу, и никогда на него не обижались, историю же любили и представления о ней имели значительно более обширные, чем предусматривалось учебной программой.

Эти два преподавателя, проявлявшие искреннее увлечение своими предметами, были, к сожалению, исключением. Большинство же преподавателей дело свое по-настоящему не любили и зачастую относились к нему формально.

Делясь своими впечатлениями о гимназии, Бехтерев позже писал так: «…Гимназия в наше время еще… не обременяла учеников уроками так, как в настоящее время. Тем не менее она

мало привлекала к себе симпатии своих учеников и почти не вселяла в последних любовь к занятиям, а скорее производила на них противоположное действие… При этих условиях самое главное, что спасало нас от невежества, — это некоторый остаток свободного от гимназических занятий времени, которое мы по инстинктивному влечению, в особенности в старших классах гимназии, посвящали чтению посторонних книг. В этот период я увлекся сочинениями естественнонаучного характера и перечитал решительно весь запас их (в общем довольно значительный) в местной публичной библиотеке».

Книги гимназистам можно было брать и в ученической библиотеке, основанной при гимназии в 1851 году по подписке, проведенной среди родителей гимназистов и элиты города. Но особой популярностью в Вятке пользовалась губернская Публичная библиотека — одна из старейших публичных библиотек России, имеющая небезынтересную историю.

В России существовало лишь три публичных библиотеки (в Петербурге, Москве и Одессе), когда в 1830 году президент Вольно-экономического общества граф Н. С. Мордвинов выдвинул предложение о создании публичных библиотек в губернских городах, при этом он убеждал, что библиотеки являются «средством для поднятия промышленности». Предложение это было поддержано правительственным циркуляром, но средств для создания библиотек правительство не выделило. Мало того, последовало запрещение расходовать на библиотеки деньги из земских сборов. Источником их финансирования могли, таким образом, стать лишь добровольные частные пожертвования, а в дальнейшем — плата с читателей.

В Вятке сбор средств на библиотеку провели сразу же после опубликования циркуляра. Удалось сколотить лишь скромную сумму в 480 рублей, которые ушли на ремонт купленного ранее на общественные деньги дома купца Степана Сунцева на улице Спасской. Но когда ремонт завершился, его заняла… канцелярия губернатора. Общественность Вятки от нанесенного ей губернатором удара оправилась лишь к апрелю 1836 года, когда организовался попечительский комитет по устройству губернской Публичной библиотеки из семи человек. В составе комитета оказались, по-видимому, достаточно энергичные люди, так как за первые же восемь месяцев они собрали 4714 рублей и 732 книги. Губернскую канцелярию удалось потеснить, подготовили помещение, приобрели кое-какой инвентарь, прикупили литературу. К открытию библиотеки фонд ее состоял из 1313 книг. Заведующим библиотекой стал секретарь губернского комитета «земских повинностей» Титов, а помощником его —

недавний выпускник физико-математического факультета Московского университета, двадцатишестилетний политический ссыльный, осужденный по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни». Звали этого ссыльного Александр Иванович Герцен.

Открытие губернской Публичной библиотеки в Вятке состоялось 6 декабря 1837 года. После молебна в зале губернского собрания с речью выступил А. И. Герцен. Текст его речи официально утвердил губернатор, ее даже предварительно напечатали в местной типографии на отдельном листе. Но произнес ее Герцен столь увлеченно и вдохновенно, что она надолго запомнилась услышавшим ее вятичам. В речи прозвучали, в частности, такие слова: «Библиотека — это открытый стол для идей, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет…»

Вскоре после того, как ссыльного А. И. Герцена перевели из Вятки во Владимир, библиотека стала чахнуть от безденежья, и постепенно ее полностью вытеснили из занимаемого помещения соседствующие с ней губернские учреждения. Вновь возрождалась она лишь в начале 50-х годов главным образом благодаря заботам местного общественного деятеля и этнографа П. В. Алабина. Вновь проведенный сбор средств позволил приобрести для нее двухэтажный дом разорившегося купца Машковцева на Копанской улице. Приобретение дома для библиотеки оказалось необходимо, потому, что построить для нее дом по проекту, составленному ссыльным архитектором А. Л. Витбергом, автором неосуществленного проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве в создателем величественного Александровского собора в Вятке, оказалось невозможным «ввиду недостатка средств».

Возродившаяся в бывшем купеческом доме библиотека оказалась жизнеспособной и постепенно стала наращивать свой книжный фонд. В 1856 году там числилось 2775 книг. В библиотеке насчитывалось и 407 постоянных читателей. Мало это или много? Не так уж и мало, если учесть, что все население Вятки тогда составляло 15500 человек, да к тому же книги в библиотеке выдавались не даром. Месячная плата — 75 копеек, а если читатель желал заплатить за услуги библиотеки вперед, то с него взималось 4 рубля за полгода. С тех, кто не мог вносить плату регулярно, попечительский совет библиотеки разрешил взимать по 3 копейки за читаемую книгу в сутки при условии внесения залога или предоставления письменной гарантии. Такое решение попечительского совета открывало возможность пользоваться библиотечными книгами многим неимущим

обывателям и учащимся.

Надо сказать, что книги в библиотеку не только прибывали, порой некоторые из них, как и люди, преследовались и исчезали.

Так, например, в 1852 году из Вятской публичной библиотеки по предписанию департамента полиции было изъято 12 томов журнала «Отечественные записки» со статьями А. И. Герцена. В 60-х годах изъятие книг, признанных крамольными, проводилось нередко. И в итоге с полок Вятской публичной библиотеки исчезли произведения Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Лаврова, Шелгунова, Писарева… Но, как это нередко бывает, именно те книги, которые подвергались гонениям, возбуждали к себе повышенный интерес. Исчезая с библиотечных полок, они начинали «ходить по рукам». Изъятые из библиотек книги пользовались у учащейся молодежи особым вниманием. Они давали ей возможность знакомиться с идеями революционных демократов.

Вятское начальство чтение «крамольной» литературы в то время преследовало не слишком рьяно. Оно не видело в этом большого смысла хотя бы потому, что в городе находилось немало живых «крамольников», отбывавших политическую ссылку, а отношение к пострадавшим за идею «в местах отдаленных» было тогда довольно либеральное. Сочувствующие им встречались всюду: даже в губернском управлении, даже в полицейском участке. А уж гимназисты проявляли к политическим ссыльным особенный интерес. Да и вятские педагоги ссыльных не чурались: им надоело «вариться в собственном котле», где все давным-давно все знают друг о друге. Политические же ссыльные люди, как правило, умные, интересные собеседники, и преподавателям тоже не хочется лишаться удовольствия общения с ними.

Знают педагоги, что немало ссыльных своим вынужденным и нередко затянувшимся не по их воле пребыванием в Вятке украсили ее историю. Многое об этом известно и гимназистам.

Первые политические ссыльные в Вятском крае появились еще во времена Бориса Годунова. В 1601 году привезли сюда в «цепях и железах» бояр Василия и Ивана Романовых, племянник которых, Михаил, в 1613 году оказался избранным на царство. С ними был и их родственник князь Иван Черкасский. В Москве в ту пору было неспокойно: шла борьба за власть между боярами. И пробившийся на царский трон Борис Годунов расправлялся с недругами круто — иных казнил, а кого не решился жизни лишить, ссылал от себя подалее. Вятка тогда еще именовалась городом Хлыновом, первые сведения о котором можно найти в летописях XIV века. В 1780 году Хлынов назвали Вяткой и

создали Вятское наместничество, которое с 1797 года стало именоваться губернией.

Во время войны с Наполеоном в Вятке побывал пленный французский генерал Вандам, который в ссылку попал «за дерзость»: на замечание Александра I о том, что он обагрил свои руки кровью жертв наполеоновского режима, генерал ответил: «Но зато я не убивал своего отца».

Гимназистам известно и о том, что в 1827 году в Вятку без суда был сослан шестнадцатилетний юноша Н. Р. Тюрин, виновный в «антиправительственных» разговорах. После восстания в Польше в 1830 году потянулся в Вятский край поток плененных его участников. Ссылкой в Вятку позже наказывалась и неугодная властям деятельность на литературном поприще (князь П. В. Долгорукий, М. Е. Салтыков, помещик Селиванов и др.), и «старание пробудить в детях неповиновение правительству» (профессор Шаполинский, учитель из Москвы Трайман и др.), и даже составление и пение «пасквильных песен» (А. И. Герцен, профессор Казанского университета Берниковский, Яворский и др.).

Политические ссыльные вносили в застойную жизнь глухой провинции свежую струю. Это понимали и ценили даже некоторые губернаторы. Так, в 1846 году вятский губернатор А. И. Середа счел возможным обратиться к министру внутренних дел с просьбой о направлении в вятский край побольше «политических», так как «образованность и добропорядочность жизни политических ссыльных могут приносить некоторую пользу, в то время как вредные политические мнения их по свойству вятских жителей не могут быть распространены между последними».

Политические ссыльные нередко оказывались людьми довольно состоятельными, и тогда они пользовались особым вниманием вятских властей, да и всего местного «света», особенно же губернских чиновников, имеющих дочерей на выданье. Некоторые ссыльные удостаивались даже «чести» быть приглашенными в дома высшего губернского начальства. Такие визиты далеко не всем доставляли удовольствие, но отказываться от них было непросто. А. И. Герцен с отвращением вспоминал посещения дома вятского губернатора: «…Приглашения Тюфяева на его жирные сибирские обеды были для меня истинным наказанием. Столовая его была та же канцелярия, но в другой форме, менее грязной, но более пошлой…». М. Е. Салтыков, напротив, от некоторых визитов к «отцам» города, надо думать, получал удовольствие. Так, он охотно посещал дом вице-губернатора Болтина, где его привлекала дочь хозяина Лиза. В

конце концов Михаил Евграфович женился на ней.

Вятские гимназисты знали, что с их краем связано имя А. Н. Радищева. В последнее десятилетие XVIII века проезжал он по вятским землям, направляясь в ссылку в Сибирь, а через семь лет совершал по ним же путь обратный. Свои дорожные впечатления отразил он в «Записках путешествия в Сибирь» и «Дневниках путешествия из Сибири». Он писал в них о природе вятского края, о промыслах, которыми занимались его жители.

Судьбы многих людей, побывавших ранее в вятской ссылке, интересны, но не менее интересными подчас оказывались и люди, которые отбывали ссылку в то время, когда Владимир Бехтерев был гимназистом. К тому же с ними он мог встречаться, общаться, беседовать. Они были живыми участниками и свидетелями событий, происходивших в столицах и в западных губерниях, они доносили рокот революционных бурь до вятского захолустья.

Особое внимание гимназистов вызвал сосланный в Вятку весной 1869 года известный петербургский издатель Флорентий Федорович Павленков — будущий создатель серии книг «Жизнь замечательных людей». Этот человек, как характеризовал его другой столичный издатель, Н. А. Рубакин, «весь свой век кипел и злобой и негодованием против… режима… был одним из тех фанатичных издателей, которые поставили своей задачей создать книги в целях создания кадров глубоко честных (да, не только сведущих и умных, но и честных) созидателей нового строя, борцов против строя старого». Недаром некоторые современные исследователи характеризуют Ф. Ф. Павленкова как демократа-просветителя с революционной направленностью.

В 1867 году Ф. Ф. Павленкова привлекли к суду за издание первого собрания сочинений его друга и шурина Д. И. Писарева. Обвинялся он за то, что во вторую часть сочинений включил статьи Писарева «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль», содержащие, как значилось в обвинительном заключении, «мысли вредные по их направлению и цели и противные существующим узаконениям по делу печати». Тогда судьи были вынуждены Павленкова оправдать. В следующем году властям все-таки представился случай разделаться с дерзким издателем: утонул Писарев. После его похорон Павленков организовал сбор средств по подписке на памятник ему и студенческую стипендию имени безвременно погибшего публициста. В сентябре 1868 года Павленков был арестован с пачкой изготовленных в связи с этим специальных бланков в руках. 10 месяцев пробыл Флорентий Федорович в Петропавловской крепости, а затем в административном порядке был выслан в Вятку, где ему

пришлось пробыть восемь лет.

В Вятке вокруг Павленкова сплотился кружок демократически настроенных местных и ссыльных интеллигентов, общался он и с гимназистами-старшеклассниками. Губернатор В. И. Чарыков доносил министру внутренних дел, что «у Павленкова часто собираются молодые люди, на которых он имеет большое влияние», что «он знаком и дружен с лицами, привлеченными к дознанию о государственном преступлении», что «через него выписывают в Вятскую губернию книги, имеющие противоправительственное направление», что из окружения Павленкова «может составиться тесный кружок, не совсем благонадежный в политическом отношении».

Знаменательно, что у вятской администрации к тому времени изменилось отношение не только к политическим ссыльным, но и к их возможности влиять на местное население. И в донесениях губернатора в центр уже появляются такие высказывания: «Политические ссыльные зачумляют молодых людей своими вредными идеями, делают их учителями и проповедниками своего зловредного учения между товарищами и подругами».

Есть основание предполагать, что Павленков содействовал созданию в Вятке нелегальной библиотеки, находившейся в комнате с отдельным входом в доме купца Шуравина. В комнате этой жил сын хозяина дома гимназист Петр Шуравин, который и принял на себя функции хранителя библиотеки. Один из читателей этой библиотеки, в ту пору также гимназист, Н. А. Чарушин, позже писал о ней следующее: «В нашей библиотеке имелись книги и изъятые из обращения, и хотя она была конспиративна, но клиентов у нас всегда было в изобилии. В то время фискальство и доносительство были не в моде, и потому некому было осведомить начальство. Благодаря этому библиотека просуществовала многие годы, содействуя духовному развитию подрастающего поколения». Вятские гимназисты имели возможность брать книги и у местного издателя и владельца книжного магазина с библиотекой А. А. Крисовского, который охотно давал вятской молодежи книги для чтения.

Таким образом, возможностями найти нужную книгу не в одном, так в другом месте вятские гимназисты располагали, книголюбы в этом отношении сетовать на судьбу не могли. А Володя Бехтерев книги любил и читал много. Позже, вспоминая свои гимназические годы, он напишет: «Полагаю, что не было сколько-нибудь известной популярной книги по естествознанию… которая бы не побывала в моих руках и не была бы более или менее основательно проштудирована с соответствующими выписками. Нечего говорить, что такие книги

того времени, как Писарева, Португалова, Добролюбова, Дрейпера, Шелгунова, и других перечитывались с увлечением по многу раз. Нашумевшая в то время теория Дарвина была, между прочим, предметом самого внимательного изучения с моей стороны». Судя по этому высказыванию Бехтерева, уже в гимназические годы он был читателем серьезным, целеустремленным и не только читал, но и штудировал, прорабатывал интересующие его статьи и книги. «Результатом этого увлечения, — читаем мы далее в воспоминаниях Бехтерева, — было то, что еще в бытность мою в гимназии самою дорогою для меня мечтою было сделаться в будущем естествоведом». А естествознание во второй половине XIX века было одной из главных арен борьбы между наукой и мракобесием, между прогрессом и реакцией, между сторонниками материалистической и идеалистической философии.

В библиотеках Володя Бехтерев должен был не раз встречаться с другим книголюбом — своим ровесником Константином Циолковским. Циолковский в девятилетнем возрасте тяжело болел скарлатиной и потерял слух, тогда же умерла его мать. Весной 1869 года отца его, чиновника ведомства государственных имуществ, перевели по службе из Рязани в Вятку. Там Циолковский, уже двенадцатилетним, был принят в гимназию, но учиться в ней из-за практически полной глухоты не смог. Через два года ему пришлось покинуть ее стены, и с тех пор образование он получал самостоятельно, работая с книгой. Установить, были ли знакомы в Вятке Бехтерев и Циолковский, не удалось, но известно, что они внимательно следили за научными успехами друг друга.

Знаменательно, что хотя Циолковский в отличие от Бехтерева рано стал проявлять повышенный интерес к точным наукам, его также увлекали идеи революционных демократов. В то время это увлечение было свойственно передовой части учащейся молодежи и вообще образованным людям России, так как в трудах революционных демократов они находили ответы на многие волнующие их злободневные вопросы, видели примеры смелости, бескомпромиссности, правды, призыв к совершенствованию социального строя общества, к борьбе за лучшее будущее.

Подобные откровения будили у молодых людей стремление к познанию, чтобы с большей отдачей можно было трудиться на благо своего народа, своей Родины. Революционные демократы были истинными наставниками и учителями молодежи тех времен. Недаром, вспоминая годы своей молодости, К. Э. Циолковский об одном из них писал, к примеру, такие слова:

«Известный публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе «я»… Это один из самых уважаемых мною моих учителей».

Пока Владимир Бехтерев, Константин Циолковский, многие их сверстники и в том числе будущие революционеры Степан Халтурин, Николай Желваков, Анна Якимова, жившие и учившиеся в то время в Вятке, готовили себя к различным формам будущей активной деятельности, направленной на благо своего народа, жизнь в этом отдаленном от столиц, захолустном, провинциальном городе, насчитывавшем в ту пору 25 тысяч жителей, текла потихоньку своим чередом.

Безрадостно тянуло свою лямку многочисленное чиновное сословие — «класс, — как говорил А. И. Герцен, — искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме служения, ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полиции и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых». Многочисленным в Вятке было и духовенство «духовное». Оно с давних пор здесь процветало. Еще в 30-х годах XIX века один из посетивших здешние места по служебным делам столичных ревизоров писал, что «нигде священники не живут столь богато и не имеют домов столь обширных, из коих некоторые даже каменные, как в Вятской губернии, потому что нигде священники не обременяют поселян столь тягостными поборами под видом добровольных приношений».

А «обремененные тягостными поборами» вятские «поселяне» занимались главным образом кустарным промыслом и торговлей. Шили одежду, тачали сапоги, плели кружева, строгали косяки и оконные рамы, мастерили колеса и бочки, игрушки и гармонии. Но в забытой богом Вятской губернии уже зарождался промышленный капитал — как грибы, вырастали здесь мелкие пока что фабрики и заводы: кожевенные, мыловаренные, клееваренные, лесопильные, винокуренные, а в мастерской исправительного отделения при Вятском тюремном замке стали выпускать едва ли не первые в России духовые фортепиано (фисгармонии).

И уже открывались в Вятке банковские учреждения, и богатело купечество, скупало за бесценок дары здешней природы и произведения рук человеческих и отправляло их туда, где они могли быть проданы с большой выгодой. Тянулись вниз по светлой реке Вятке пароходы и баржи с лесом, хлебом, льном, куделью, овчинами… Выплывали они в суровую красавицу Каму,

а далее и в Волгу-матушку — главную водную артерию России.

Как и всюду, по-разному живут люди в Вятке: есть и богатые и бедствующие; чиновничью вдову Марию Михайловну Бехтереву богатой никак не назовешь, а назови бедной — обидится. Женщина она с характером, самолюбива, по-своему горда: копейки пересчитывает, на керосине и спичках экономит, однако старается виду не подать — как-никак домовладелица, сыновья-гимназисты, а с 1868 года старший, Николай, уже студент Казанского университета, занимается юриспруденцией.

Трудно Марии Михайловне, но изо всех сил старается она сделать все, чтобы сыновья могли получить хорошее образование. А для этого надо, чтобы и одежда и обувь у них были форменные, не хуже, чем у одноклассников, и плату за обучение нужно вовремя внести. Немало и других расходов. Помогает ей все-таки дом, на который когда-то возлагала она надежды. Правда, самим Бехтеревым в этом доме жить не приходится, но с жильцами ей повезло: люди культурные, дружелюбные и деньги платят аккуратно.

Нижний этаж дома занимает приехавшая из Таврической губернии семья земского деятеля Петра Яковлевича Базилевского. Ему уже за 50 лет, но он моложав, энергичен, близко к сердцу принимает все беды народные, живет надеждами на новые реформы. «И голову сронывши в руки, дивлюся, чему не иде апостол правды и науки», — нередко повторял он слова любимого поэта. Жена его, Екатерина Ивановна, женщина хлебосольная, большая мастерица готовить диковинные в этих краях украинские яства. По праздникам Базилевские нередко приглашали отобедать и Марию Михайловну с сыновьями. Обстановка у них всегда была демократичной. К прислуге в доме обращались на «вы». Она имела свое место за общим столом. Нередко среди гостей оказывались политические ссыльные… У Базилевских двое детей: Наташа и Андрей. Замечает Мария Михайловна, что младший сын ее Володя подружился с Наташей. Учится она в женской прогимназии. И нередко по утрам видит Мария Михайловна, как уходят они вместе со двора с набитыми книгами ранцами за спиной, как Володя оказывает девочке всяческие знаки внимания.

Хлопот по дому у Бехтеревых немало: с утра надо воды наносить, а в зимнее время — и дровишек, да печи затопить, да дорожки во дворе и на улице вдоль дома от снега очистить, а летом — заготовка дров, огород. Сыновья матери во всех этих делах помочь стараются, и любая работа спорится в их руках. Александр, а теперь уже и Володя временами с отцовским ружьем дичь промышляют, к тому же они заядлые рыбаки, а летом и осенью в ближайших лесах собирают немало грибов и ягод. Все

это вроде бы и развлечение приятное, но в какой-то степени все-таки помогает и кормиться. Скромен достаток семьи, но живут Бехтеревы дружно.

Бежит год за годом, и Володя Бехтерев, переходя из класса в класс, дошел до шестого. И вот невезенье какое! Сработала-таки бюрократическая машина управляемого графом Д. А. Толстым министерства просвещения. Летом 1871 года газеты опубликовали новый указ о гимназиях. По этому указу классические гимназии становились, если так можно сказать, еще более «классическими», а реальные гимназии преобразовывались в шестилетние реальные училища. Время для изучения в гимназиях древних языков по новому учебному плану увеличивалось в полтора раза. Зато сокращалось число учебных часов, отводимых на новые языки, историю, географию, естествознание. Но это для шестиклассника Бехтерева было бы полбеды, переучиваться ведь не заставят. Главное же для него в том, что седьмой класс вдруг становился не выпускным, как раньше, ибо курс обучения в гимназии увеличивался до восьми лет. В результате до выпускных экзаменов Володе оставалось целых три года, и к тому же значительно возрастала плата за обучение.

Новый гимназический устав, кроме изменений в учебном плане, требовал круто ужесточить дисциплину, усилить надзор над гимназистами. Он не содержал в себе каких-либо педагогических нововведений и отражал профессиональную несостоятельность руководства министерства просвещения. В 1905 году крупный русский психиатр профессор И. А. Сикорский, в ту пору весьма умеренный либерал, во всеуслышание назовет этот устав «чудовищным документом». «Устав гимназий, — скажет тогда И. А. Сикорский, — останется навсегда в истории отечественного просвещения памятником упрямого обскурантизма, готового вести агнецов на заклание!»

В Вятской гимназии прежние относительно либеральные отношения между учителями и гимназистами быстро уступили место более строгим. Значительно изменился и директор гимназии Э. Е. Фишер. Если раньше он еще как бы подстраивался под укоренившиеся при Глебове порядки, то теперь взял жесткий, начальствующий тон даже в обращении с преподавателями. В гимназии завели «кондуиты», усилилось преследование любых видов свободомыслия. В 1872 году Вятскую гимназию ревизовал инспектор Казанского учебного округа действительный статский советник И. А. Сахаров. Первое из сделанных им администрации гимназии «предложений» звучало так: «Подвергнуть строгому взысканию гимназистов, у которых найдутся стихи

безнравственного содержания».

В гимназии стало совсем безрадостно и неуютно. Володе хотелось поскорее вырваться из все теснее сжимающихся тисков, но перспектива такой возможности в связи с новой реформой отодвигалась. К переходу на новый учебный план гимназия оказалась неподготовленной. «…Преподавание, — вспоминал позже Бехтерев, — проходило в одном помещении как для седьмого, так и для восьмого класса. Это обстоятельство сразу уронило значение реформы в наших глазах, так как мы убедились воочию, что от прибавления восьмого класса мы не могли приобрести новых знаний, а должны были потратить целый год на повторение пройденного, в котором, кроме отрывочных сведений, содержалось так много никому не нужного балласта». Некоторые преподаватели, желая продемонстрировать руководству свое понимание новых требований, стали чаще наказывать учеников, снижали баллы. Администрация гимназии откровенно поощряла наушничество, ярче проявилось чинопочитание. 25 мая 1872 года в Вятской гимназии отмечался юбилей директора, на котором произносились верноподданнические речи преподавателями и подготовленными заранее гимназистами «из хороших семей». Кстати, на социальное происхождение учеников администрация гимназии стала обращать повышенное внимание.

Сразу же после директорского юбилея проводились переводные экзамены, а для восьмиклассников — экзамены на аттестат зрелости. Обстановка, в которой сдавались экзамены, оказалась, как никогда, напряженной. Если раньше неудовлетворительные оценки на переводных экзаменах получал приблизительно каждый четвертый (на выпускных экзаменах оценки обычно были повыше), то теперь их количество достигло 40 процентов. За неудовлетворительные оценки учителей тогда не порицали. Зато администрация осуждала и даже порой наказывала преподавателей за выставленные ими завышенные баллы. В связи с этим в гимназиях нередко проявлялась тенденция занижать оценки своим воспитанникам. Особенно заметно она усилилась с вводом в действие нового гимназического устава.

Поступить в гимназию могли далеко не все желающие, но и из поступивших полный курс оканчивал не каждый: одним не хватало способностей, другим — средств, третьих родители спешили приучить «к настоящему делу», считая, что пять-шесть лет обучения дают достаточные для жизни знания. Каждый год покидающих Вятскую гимназию, не доучившись, было больше, чем выпускников приблизительно в два раза. А из дошедших до

выпускного класса не все допускались к экзаменам, из экзаменующихся же иные их не выдерживали. Так, в 1870 году из 15 экзаменующихся в выпускном классе сдали экзамены 11, а в 1871 году — из 16 человек право на получение свидетельства об окончании гимназии («свидетельства зрелости») получили только 13. Правда, получение свидетельства обязательным и не считалось, так как оно было необходимо, по сути, лишь тем, кто после окончания гимназии намеревался поступить в университет. Володя Бехтерев, несмотря на испытываемые семьей материальные трудности, мечтал вслед за старшим братом поступить в Казанский университет, и в этом его полностью поддерживала Мария Михайловна.

Экзамены за седьмой класс Володя Бехтерев сдал относительно успешно. Летом он намеревался самостоятельно позаниматься латынью, знания которой были необходимы не только в восьмом, выпускном классе, но и на естественном факультете университета, на котором он надеялся учиться в недалеком будущем. Надо было уделить внимание и другим дисциплинам. Вместе с тем Володя собирался летом и отдохнуть, рыбу половить, походить с ружьишком по лесу.

Однако случилось так, что осуществление летних планов в 1873 году вдруг круто прервалось. В августовских столичных газетах было опубликовано объявление о том, что к вступительным экзаменам в Петербургскую медико-хирургическую академию допускаются лица, окончившие семь классов классической гимназии. Это Володю вполне устраивало, и Мария Михайловна стала собирать его в дальнюю дорогу. Требовалось получить необходимые документы в гимназии, позаботиться о деньгах, о продуктах на дорогу, об одежде. Следовало торопиться, так как газеты из Петербурга в Вятку шли медленно, и, когда Володе удалось прочитать объявление, до вступительных экзаменов в Медико-хирургической академии оставались считанные дни. В связи с этим пришлось немало поволноваться.

Вместе с Володей Бехтеревым в столицу уезжало три его одноклассника. Предстоял путь в 1500 верст. Железная дорога тогда к Вятке не подходила, и юношам требовалось добираться до Нижнего Новгорода на пароходе компании «Кавказ и Меркурий», который уходил в плавание вечером 23 августа. Володю провожали мать с братом Сашей, а в последний момент на пристань прибежали Наташа и Андрей Базилевские.

Пароход протяжно загудел и отчалил от пристани, шумно стуча по воде лопастями огромных колес. Вчерашние гимназисты стояли на верхней палубе и следили, как медленно удалялись и

таяли в вечерней дымке фигуры оставшихся на берегу родных и близких.

И было им радостно, словно вырвавшимся на волю птицам, но к радости примешивалась и грусть расставания с родным гнездом, и тревога за будущее, которое представлялось зыбким, так как было соткано главным образом из розовых надежд.

У Владимира Бехтерева начинался новый жизненный этап. Впереди был Петербург.

Глава 2
АКАДЕМИЯ ЗА НЕВОЙ

Столица государства Российского — Санкт-Петербург — встретила юношей из Вятки гомоном многоликой вокзальной толпы. На перроне мелькали фуражки, цилиндры, шляпы, картузы, чиновничьи и офицерские сюртуки, черные рясы священников, пестрые рубахи ремесленников и купеческие поддевки. Еще разнообразнее выглядели светские дамы в длинных платьях с множеством украшений, в невообразимых головных уборах. Бледные их лица были полуприкрыты вуалью, и это придавало им некую загадочность. Дамы прижимали к груди букетики цветов, многие держали в руках зонтики, хотя перрон, покрытый широченной застекленной крышей, был сух, а солнце через тусклое стекло едва пробивалось.

Прильнув лицом к вагонному окну, взволнованный Володя Бехтерев все воспринимал с жадностью провинциала. Он ощущал торжественность момента — шутка ли, впервые оказаться в главном городе огромной страны, величие которой Володя особенно живо ощутил во время завершающегося сегодня недельного путешествия по светлым водам родной Вятки, по могучей, сумрачной Каме, по бескрайней величественной Волге и по железным дорогам, о существовании которых раньше знал лишь по описаниям да по рассказам бывалых людей, а поезд видел лишь на картинках в иллюстрированных журналах.

Но вот пыхтящий паровоз пронзительно загудел, как бы извещая встречающих о том, что в целости и сохранности доставил в столицу всех тех, чья судьба была доверена ему на пути от Москвы до Петербурга. Как только поезд, медленно пробравшись под крышу перрона, качнулся последний раз и замер на месте, толпа встречающих еще больше засуетилась и стала фрагментироваться. При этом самая нарядная публика оказалась у красных вагонов первого класса, те, что выглядели попроще, стекались к синим вагонам второго класса, а у зеленых вагонов третьего класса вдруг образовалась пустота — встречающих здесь почти не оказалось, так как ехали в этих вагонах те, кого, за редким исключением, встречать было некому. Никто не встретил и наших юношей… Однако они, уподобившись соседям по вагону, тоже вдруг заспешили и вскоре оказались на перроне, где были подхвачены стремительной толпой и вместе с нею устремились из вокзального чрева на просторную Знаменскую площадь.

Фасады выходящих на площадь огромных каменных зданий, масса снующих повсюду людей, гомон толпы, в котором выделялись призывные крики носильщиков и извозчиков, скопление разнокалиберных экипажей — все это их ошеломило. Как же в этой бурлящей круговерти многолюдного, многоликого города найти цель путешествия — Медико-хирургическую академию? Посовещавшись, молодые люди наняли извозчика и через несколько минут уже сидели в потрепанной пролетке. Впереди маячила спина угрюмого кучера, вяло понукавшего старую, неопределенной масти лошаденку, с явной неохотой передвигавшую ноги и только время от времени, после взмахов кнута переходившую на рысь. Ехали сперва по Невскому, затем свернули на Литейный проспект и наконец выбрались к Неве. Величественная панорама набережных хорошо просматривалась с Литейного моста, по которому они пересекли многоводную, спокойную реку. Съехав с моста, оказались на Выборгской стороне, а вскоре и у огромного главного здания Медико-хирургической академии, центральная часть которого была как бы отодвинута в глубину, а крылья распластались вдоль Нижегородской улицы.

Здание, построенное в начале века зодчими Антоном Порте, Воронихиным и Захаровым, имело лишь два этажа, но казалось высоким. Шестиколонный классический портик придавал его фасаду стройность и завершенность. Перед ним простирался довольно просторный двор, отгороженный высокой чугунной решеткой от Нижегородской улицы, на которой остановился извозчик. Посреди двора громоздился массивный памятник на квадратном каменном пьедестале, украшенном барельефами, в содержании которых разобраться было не так-то просто. На пьедестале с кариатидами по углам картинно восседал важный господин из бронзы со свитком в одной руке и, по-видимому, с карандашом в другой. Это был легендарный баронет лейб-медик Я. В. Виллиа. Когда-то совсем молодым прибыл он в Россию из далекой Шотландии и вскоре оказался во главе медицинской службы русской армии. С 1808 по 1838 год он возглавлял Медико-хирургическую академию и немало способствовал становлению этого первого в Русском государстве высшего медицинского учебного заведения.

Но об этом приехавшие из Вятки юноши узнают позже. А сейчас они, побросав свой нехитрый скарб у подножия памятника, устремились к главному входу в академию, у которого толпились их сверстники. Кто-то указал вятичам, как пройти в приемную комиссию, которую представлял, по сути, один расторопный мужчина средних лет, выполнявший секретарские обязанности.

Он быстро просматривал документы и определял судьбы просителей. Успевшие уже окончить полный, восьмилетний, курс гимназии зачислялись в академию тут же. Бывшим же семинаристам и гимназистам, имеющим лишь свидетельство об окончании семи классов, предстояло сдавать проверочные экзамены. Володя Бехтерев и его товарищи в общем-то знали правила приема и к экзаменам готовились. Однако, когда в руках секретаря оказались документы Володи, выявилось препятствие: по положению в академию принимались лица не моложе 17 лет, Бехтереву же до 17 лет не хватало неполных пяти месяцев. Рушились планы и надежды. Что же предпринять? Взглянув на растерявшегося юношу, секретарь предложил ему обратиться непосредственно к самому начальнику академии профессору Я. А. Чистовичу.

В служебном кабинете начальника не оказалось, и кто-то посоветовал пойти к нему на квартиру, которая располагалась тут же, на территории академии. Идти к начальнику домой было боязно, но Володя, преодолев робость, подошел к массивной резной двери и дернул за шнурок звонка…

Когда слуга ввел Бехтерева в домашний кабинет профессора, Яков Алексеевич Чистович сидел за огромным письменным столом и что-то быстро писал. Профессор внимательно выслушал сбивчивый рассказ молодого человека, поинтересовался его планами, спросил, с какими современными работами по естествознанию он знаком, поинтересовался его семьей и ее достатком, а затем быстро набросал резолюцию на врученном ему прошении.

Несмотря на внешность, кажущуюся грозной, и некоторую суховатость в манерах, Яков Алексеевич был человеком гуманным и никогда не забывал собственной нелегкой юности. Сын дьякона, он окончил когда-то калужскую духовную семинарию, но карьерой священнослужителя пренебрег. Как и сидящий перед ним молодой человек, он хотел заниматься естественными науками; мечтал об университете, но попал в Медико-хирургическую академию. Учился, преодолевая трудности и лишения… В результате стал врачом, профессором, заведующим кафедрой судебной медицины, а последние два года возглавлял академию. Пребывая на этом посту, он делал все возможное для улучшения в ней учебного процесса и условий жизни студентов. Много сил отнимала и печальная необходимость гасить конфликты, которые то и дело возникали между немецкой и русской группировками профессоров и лихорадили работу руководящего общественного органа академии — Конференции, или, как мы сказали бы теперь, ученого совета.

Проведя рукой по пышным седеющим бакенбардам, переходящим в усы с подусниками, профессор еще раз внимательно посмотрел на взволнованного юного просителя и, возвращая ему заявление, произнес: «Ну что ж, подарим вам эти четыре месяца». Пробормотав слова благодарности, Володя бегом бросился в приемную комиссию, где секретарь теперь уже беспрепятственно вписал его фамилию в экзаменационный список.

Остаток дня ушел на поиски жилья. С 1866 года академия общежитием студентов не обеспечивала, и иногородние (а таких было подавляющее большинство) жили на частных квартирах, которые снимали главным образом на Выборгской или Петербургской стороне — к академии поближе, да и подешевле, чем в центральной части города. Володя с товарищами разместились в меблированных комнатах на Сампсоньевской набережной, кое-как перекусили в ближайшей кухмистерской и, утомленные массой впечатлений пережитого дня, легли спать.

Проверочные испытания в Медико-хирургической академии проводились по пяти предметам: устные — математика, физика, немецкий язык и латынь и, кроме того, сочинение на заданную тему. Экзамены принимали главным образом выделенные для этого Конференцией профессоров преподаватели академии; только к участию в проведении экзамена по математике привлекались преподаватели петербургских военных гимназий. Экзаменаторы отнюдь не «зверствовали»: задаваемые ими вопросы, как правило, не выходили за рамки гимназических программ. Сочинение Володе пришлось писать на тему: «Волга и ее значение для Русского государства». При этом ему весьма пригодились и недавние впечатления от поездка по великой русской реке. Володя и его товарищи из Вятки испытания выдержали и приказом по академии были зачислены в «своекоштные» студенты первого курса медицинского отделения (в академии в ту пору, кроме медицинского, существовали еще отделения ветеринарное и фармацевтическое).

Медико-хирургическая академия была весьма своеобразным учебным заведением. Подчинялась она военному министерству и предназначалась «для образования врачей, ветеринаров и фармацевтов военного и морского ведомств». Но на самом деле служить после окончания академии в армии и флоте обязаны были лишь стипендиаты военного министерства. Однако оно выплачивало всего лишь двести стипендий, которых удостаивались студенты третьего и более старших курсов. Общее же число студентов академии доходило до полутора тысяч

человек. Стипендии предлагались лишь наиболее успевающим студентам, однако любой из них мог и отказаться от стипендии с тем, чтобы не иметь обязательств перед военным ведомством. Таким образом, большинство выпускников академии в армии не служили и занимали врачебные должности в земствах, городских управах или же посвящали себя частной практике.

В начале 70-х годов возник вопрос о передаче академии в подчинение министерству народного просвещения. Дебатировался он не только в Конференции академии, но и в широкой прессе. Так, в 1873 году, когда студентом академии стал Бехтерев, газета «Гражданин» писала, что «многие из среды серьезных профессоров академии желают присоединить ее к университету ввиду интересов науки, ибо настоящее положение академии в научном отношении, говорят, просто невыносимо». В самом деле, Главное медицинское управление военного ведомства и особенно главный военно-медицинский инспектор, которому академия была непосредственно подчинена, нередко позволяли себе в то время грубо вмешиваться в ее деятельность. Это вело к тому, что, как писала та же газета, «всякий профессор Медико-хирургической академии не может не желать перехода ее в такое ведомство, где, как, например, в университете, никому не дано права приказывать профессорам или Конференции их».

Как проявление произвола большинством профессоров Медико-хирургической академии было воспринято, например, решение военного ведомства о назначении заведующим кафедрой физиологии, которую незадолго до того вынужден был оставить И. М. Сеченов, активного противника его учения о рефлекторной деятельности головного мозга, а также дарвиновского эволюционного учения, реакционера И. Ф. Циона.

Конференция академии после отставки Сеченова на должность заведующего кафедрой физиологии в 1872 году избрала профессора университета Шкляревского. Цион же при голосовании собрал мало голосов. Решение Конференции военное ведомство отвергло. Военно-медицинский инспектор начертал на нем следующую резолюцию: «Военный министр не признал возможным утвердить избранного большинством голосов Конференции доктора Шкляревского в должности профессора физиологии, а как выбор кандидата длится более года, кафедра физиологии без существенного вреда учащимся не может оставаться незамещенной; из сопоставления же разбиравшихся ученых работ, представленных кандидатами, очевидно, что работы доктора Циона несравненно выше, чем те, которые Конференция признала достаточными для получения кафедры физиологии. Потому Его Превосходительство в 14-й день июля

изволил утвердить в должности профессора этой науки доктора медицины Циона».

1 февраля 1873 года Главный военно-медицинский инспектор Н. И. Козлов в письме начальнику Медико-хирургической академии сообщал: «Озабочиваясь устранением условий, вызывающих и поддерживающих невыгодные стороны внутренних порядков в академии, Военный министр остановился… на мысли освежить и пополнить личный состав Конференции назначением в члены ее нескольких лиц, по ученым и учебным заслугам имеющих на это право…» Через три дня после этого послания последовал «высочайший приказ», по которому в состав Конференции вводились назначенные экстраординарными профессорами академии Эйхвальд, Гепнер, Тарновский и Брандт. Такое распоряжение способствовало укреплению немецкой группировки в Конференции и усилению раздоров в ее среде.

Форму студенты Медико-хирургической академии могли носить начиная с третьего курса, но она не была обязательной, да к тому же приобретать ее надо было на собственные средства. В результате одевались студенты кто как мог. На младших курсах часто донашивали форму, которую носили в семинарии или гимназии, иные ходили в свободных блузах или же пестрых, часто красных, рубахах навыпуск и в высоких сапогах. Щеголи среди студентов были не в чести.

Большая часть студентов происходила из разночинцев, многие из них нуждались. Приходилось изыскивать средства для оплаты обучения. По «Положению», утвержденному в 1869 году, «своекоштные студенты и пользующиеся частными стипендиями, замещение коих не представлено академии, вносят 50 рублей в год за слушание лекций и пользование учебно-вспомогательными учреждениями при практических академических заданиях». Деньги вносились двумя частями: по 25 рублей в начале каждого полугодия. Если плата задерживалась более чем на два месяца, студента из академии отчисляли, при этом он мог быть принят вновь при условии погашения долга. Но в «Положении» был еще один пункт: «лица, заявившие соглашение» проработать после окончания академии два года в военном ведомстве, освобождались от платы за обучение в течение всего периода обучения. Этим правилом пользовались многие студенты из тех, кто победней. Воспользовался им и Володя Бехтерев.

Но, даже освободившись таким образом от платы за обучение, студент должен был оплачивать частную квартиру — обычно 4–6 рублей в месяц, — да к тому же заботиться о собственном пропитании. Питались многие скудно. Обычно пользовались дешевыми кухмистерскими. Особо же популярной

была расположенная неподалеку от академии столовая, находившаяся под покровительством великой княгини Елены Павловны. Обед в этой столовой стоил 19 копеек, при этом хлеб и квас отпускались в неограниченном количестве. Однако завтраком и ужином столовая не обеспечивала. Нуждающиеся студенты утром и вечером ели главным образом черный хлеб с тресковым жиром и солью (жир они получали бесплатно через академическую аптеку).

Студентам, которым семьи не могли помочь, приходилось искать какой-либо заработок. Обычно они работали в качестве переводчиков, репетиторов, а иногда и переписчиков, а после окончания второго курса стремились к занятию фельдшерских должностей. Руководство академии старалось по возможности помогать бедствующим студентам. По инициативе профессора А. Я. Чистовича в 1869 году было образовано «Общество для вспомоществования нуждающимся студентам Медико-хирургической академии». В соответствии с третьим параграфом устава этого общества студентам выдавалось «вспомоществование единовременное или постоянное не иначе как в виде ссуд, которые должны быть возвращены». Иными словами, «Общество» выполняло функции кассы взаимопомощи, обеспечивая выдачу ссуд без процентов. Но и это было весьма существенно, так как оберегало студентов от необходимости связываться с ростовщиками и давало им возможность хоть как-то выходить из трудного положения.

Вместе с тем студенческая общественность имела и некоторые фонды для оказания особо нуждающимся безвозмездной помощи. Фонды эти складывались из разовых пожертвований и средств, которые удалось выручить, проводя концерты, довольно регулярно устраиваемые в академии для широкой публики. В благотворительных концертах участвовали студенты (пели, музицировали, читали стихи), а также актеры императорских и частных театров Петербурга. Иногда выступали и некоторые из преподавателей и профессоров академии. Безвозмездные пособия распределялись инспекцией на основании предложений избираемых студентами курсовых старост. В некоторые годы общая сумма безвозмездных пособий доходила до 10 тысяч рублей в год.

Были в Медико-хирургической академии и несколько частных стипендий и премий, которые выплачивались по указанию жертвователя или же по решению администрации академии за счет процентов с суммы, находящейся на постоянном хранении в банке. Одна из таких премий — премия Пальцева — была присуждена Конференцией Бехтереву при окончании им полного

курса академии. К занятиям большинство студентов относились добросовестно. Особое усердие, разумеется, проявляли нуждающиеся студенты. Лекции читались по расписанию шесть дней в неделю и заканчивались к трем часам дня. В послеобеденное время студенты работали в анатомическом театре, созданном в 50-х годах по инициативе профессора академии великого хирурга И. И. Пирогова, занимались в академических лабораториях, курировали больных в клиниках, слушали факультативные лекции профессоров и приват-доцентов.

Занятия в академии проводились с первого сентября по первое июня. Ежегодно сдавались курсовые экзамены. После второго курса экзамены были особенно серьезными, они назывались «полулекарскими»: после них студенты имели право работать фельдшерами. По окончании пятого курса давалось время на подготовку к лекарским экзаменам, которые обычно сдавались в декабре. Таким образом, курс обучения в академии продолжался фактически пять с половиной лет.

Кроме перерывов на летние и рождественские каникулы, каждый год занятия в академии прекращались в период ледостава и весеннего ледохода на Неве. Мосты через Неву (Литейный, Троицкий, Воскресенский) в эти дни разводились, так как передвижение льда угрожало их целостности. Многие преподаватели и некоторые студенты тогда не могли добраться до академии, в связи с чем возникали «узаконенные» перерывы в ее работе. В эти дни проживавшие на Выборгской стороне студенты больше времени проводили в клиниках, стремясь заменить отсутствующих сотрудников.

В Медико-хирургической академии существовал инспекторский надзор, который возлагался на инспектора и его курсовых помощников. Инспектором по «Положению» был офицер, назначенный военным министром. Его образовательный ценз в «Положении» оговорен не был. Помощниками же инспектора являлись врачи — выпускники академии. Инспектор и его помощники должны были не только следить за соблюдением студентами дисциплины, контролировать посещение ими лекций и практических занятий и пр., но и отвечать за их «благонадежность».

В 1869 году во время студенческих волнений, спровоцированных необоснованным исключением из академии двух студентов, инспекция, возглавляемая подполковником Смирновым, демонстрируя свое усердие, передала властям список студентов — «зачинщиков беспорядков». По распоряжению петербургского градоначальника Тренева они были арестованы ночью на квартирах и помещены в следственную тюрьму. Это

привело к новой волне студенческих возмущений и произвело тяжелое впечатление на преподавателей. 15 марта в академии были прерваны занятия. 20 марта профессора И. М. Сеченов и С. П. Боткин выступили на заседании Конференции с заявлением, в котором осудили допущенные по отношению к студентам меры насилия и гневно заклеймили поведение инспектора академии, в значительной степени повинного в возникновении конфликта. Они отметили, что инспектор ведет себя неподобающим образом, в общении со студентами груб и «не стесняется тоном и выражениями». Хотя арестованные властями все-таки были наказаны (10 человек приговорены к тюремному заключению, 16 — исключены из академии), инспектору Смирнову пришлось уйти из академии; на смену ему был назначен гвардеец майор Песков.

В период обучения Бехтерева инспекторский надзор в Медико-хирургической академии несколько ослаб. Студенты активно участвовали не только в решении многих вопросов внутренней жизни академии, но и живо откликались на события, происходившие в Петербурге и во всей России.

Сходки студентов обычно устраивались по вечерам в студенческой читальне, которая располагалась на первом этаже левого крыла главного корпуса академии. Читальня была общественной и обслуживалась выборными лицами из студенческой же среды. Формировалась она в течение десятилетий, пополнялась главным образом за счет частных пожертвований. Фонд ее, помимо научной литературы на русском, латинском, немецком и французском языках, составляла беллетристика, немало было книг и по социологии, философии. Желающие могли раздобыть здесь даже издававшиеся нелегально в России и за рубежом работы Герцена, Огарева, Лаврова, Бакунина, Чернышевского, Писарева, Шелгунова. Однако администрация академии сквозь пальцы смотрела на дела студенческой читальни, и даже инспектор и его заместители появлялись здесь крайне редко, стараясь избегать никому не нужных конфликтов.

Читальню составляли два помещения: просторная передняя и большой, длинный зал, перегороженный широким прилавком, за которым стояли шеренги переполненных книгами, громоздких шкафов. На книжных прилавках, столах, широких подоконниках всегда лежали свежие газеты и журналы всевозможной политической направленности — и официальные правительственные, и либеральные, оппозиционные. Многие издательства присылали их сюда бесплатно, и не зря: читались они здесь усердно, газеты подчас зачитывались буквально до дыр.

Любознательные студенты живо интересовались общественными проблемами.

Обшарпанные стены читальни всегда оказывались завешены объявлениями о сдающихся меблированных комнатах, о дешевых частных столовых, о возможной работе, предлагавшейся нуждающимся студентам, о предстоящих благотворительных вечерах, о намечаемых сходках, которые в ту пору созывались часто, для обсуждения проблем разного масштаба: и академических, и петербургских, и общегосударственных. Здесь велись дебаты о новых книгах, о выступлениях в печати общественных и государственных деятелей, обсуждались действия столичного генерал-губернатора, решения начальника академии, высказывания некоторых профессоров. В назначенный час студенты заполняли читальню и выслушивали добровольных ораторов, которые говорили прямо из толпы или взобравшись на стол. Нередко митинги в читальне возникали и стихийно. Если по обсуждаемым вопросам высказывались противоречивые мнения, разгорались горячие споры, которые затягивались подчас за полночь.

А утром студентам предстояло спешить на лекции, значение которых в процессе обучения трудно было переоценить, так как учебников в ту пору по многим предметам не существовало. Некоторые кафедры могли предложить студентам лишь иностранные, чаще немецкие руководства, среди которых обычно преобладало педантичное изложение множества фактов без какой-либо попытки их трактовки и обобщения. Авторы большинства иностранных изданий стояли на позициях разного рода идеалистических философских направлений.

На первом курсе Медико-хирургической академии клинических дисциплин, как и в современных медицинских институтах, не преподавалось. Много внимания уделялось изучению анатомии человека, физики и химии. Кафедры биологии не существовало, зато имелись три отдельные кафедры — зоологии, ботаники и минералогии. Серьезное изучение двух последних предметов подготавливало студентов к лучшему усвоению в дальнейшем такой важной для врача дисциплины, как фармакология.

Наиболее яркой личностью среди преподавателей первого курса был, пожалуй, заведующий кафедрой химии Александр Порфирьевич Бородин. Лекции он читал вдохновенно и необычайно интересно. В его устах химия представала наукой, изучавшей важнейшие процессы, происходящие в природе. Законы химии давали о себе знать буквально на каждом шагу,

делая логичными и понятными постоянно происходящие повсюду превращения материи.

В общении со студентами Бородин был прост, внимателен, человечен и в то же время достаточно требователен. Авторитетом в академии он пользовался прочным и общепризнанным. Жил он в казенной квартире в принадлежавшем академии доме на Сампсониевской (с 1898 года Пироговской) набережной. Семью его составляли жена, тяжко страдающая от бронхиальной астмы и часто проживающая в связи с этим у своей московской родни, и две воспитанницы, которых воспитывал, быть может, главным образом личный пример Бородина, обладающего исключительной трудоспособностью. Большая неуютная квартира профессора всегда была гостеприимна. Ее охотно посещали не только друзья и единомышленники, но и студенты академии, а также слушательницы открытых при академии в 1872 году курсов «ученых акушерок». Приходили к Бородину по разным делам и вообще незнакомые люди с просьбой о помощи, о содействии, а иногда и для выражения ему своей признательности за вклад… в искусство.

Будучи крупным ученым-химиком, сделавшим ряд значительных научных открытий, Бородин страстно любил музыку и все свободное от основной работы время посвящал композиторской деятельности. Как-то, оказавшись во время заграничной поездки в Веймаре, Бородин навестил известного музыканта Листа, для которого музыка составляла главное в его жизни; Лист был удивлен, что его гость не профессиональный музыкант. На его вопрос: «Когда же вы сочиняете музыку?» — Бородин ответил: «Я воскресный композитор: сочиняю только по воскресеньям. Да еще когда бываю болен». Как раз в период работы в Медико-хирургической академии Бородин написал немало талантливых произведений и в том числе Первую симфонию, названную В. В. Стасовым «Богатырской», и Вторую симфонию. Тогда же урывками Александр Порфирьевич создавал свою гениальную оперу «Князь Игорь». После смерти Бородина ее завершили Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов. Музыкальное наследие Бородина заслонило в глазах потомков его заслуги как химика.

Володя Бехтерев музыкального образования не имел, но музыку любил и, как и большинство студентов, гордился тем, что их любимый профессор является выдающимся композитором и музыкантом. Бородин нередко выступал на студенческих благотворительных вечерах, исполняя собственную музыку и произведения своих друзей-композиторов.

Подлинным антиподом А. П. Бородину выглядел карьерист и

интриган, профессор кафедры описательной анатомии Ф. П. Ланцерт. В Конференции он являлся одним из самых деятельных представителей «немецкой» партии, которую представляли также профессора Бессерт, Цион, Трапп, Юнге и др. Эта группа выдвинула Ланцерта на должность ученого секретаря Конференции, что давало ему значительные дополнительные возможности и права, которыми он весьма ловко пользовался в угоду своим покровителям и высокому начальству. Временами он настолько увлекался интригами и администрированием, что забывал являться на лекции и в результате к концу учебного года не успевал прочитать лекционный курс по своему предмету. Маскируя свою неприязнь к студентам, Ланцерт иногда заискивал перед ними, но при этом временами срывался, допуская издевки, а иногда и откровенную грубость. Студенты считали Ланцерта лицемером и относились к нему враждебно.

Анатомию человека студенты, однако, усваивали неплохо, и этому способствовало то, что она параллельно преподавалась и на кафедре практической анатомии, которой руководил старый, опытный профессор В. Л. Грубер. Четверть века назад его пригласил на должность прозектора сам Н. И. Пирогов, создававший при академии анатомический театр, и с тех пор Грубер добросовестнейшим образом делал все возможное для того, чтобы студенты могли во всех подробностях усвоить столь необходимую для врача дисциплину, которой сам он посвятил всю свою жизнь. В 70-х годах Грубер лекций уже не читал; преподавание велось в процессе практикумов, которые всегда были хорошо подготовлены демонстративными материалами: препаратами, таблицами, рисунками. Каждое занятие отличалось глубокой продуманностью, на кафедре создавались оптимальные условия и для самостоятельной работы студентов. При подготовке к зачетным занятиям и экзаменам по практической анатомии студенты могли пользоваться немецкими учебниками Гиртля и Гофмана, но предпочитали неофициальное издание экзаменационных вопросов профессора Грубера и ответов на них. Этот сборник составили сами студенты на основании собственного не всегда благополучного опыта общения с суровым профессором на экзаменах; издали его в частной типографии на студенческие деньги и в шутку именовали «груберистикой».

Грубер, как и Ланцерт, происходил из немцев, но этот добросовестный, прилежный, всегда подтянутый, строгий профессор сторонился интриг и был целиком поглощен делом. У окружающих вызывали чувство глубокого уважения его преданность профессии, справедливость и абсолютная честность. Далеко не все студенты могли похвастаться полученными на его

экзаменах оценками, но никто и никогда не имел оснований усомниться в том, что знания его оценены по заслугам.

На кафедре В. Л. Грубера работало немало высококвалифицированных преподавателей, среди которых глубиной знания предмета и умением преподнести его оригинально и вдохновенно выделялся приехавший в 1871 году из Казани П. Ф. Лесгафт.

«Поступив в академию, — вспоминал позже Бехтерев, — я нашел в ней именно то, что служило моей мечтою еще в последних классах гимназии». С первых же дней обучения в академии он проявлял усердие; все казалось ему интересным, важным, необходимым. Занимался он много, часто засиживался за книгами далеко за полночь. Питался же скудно, ограничивая себя во всем, так как знал, что его семья испытывает значительные материальные трудности. Старший брат в 1873 году окончил юридический факультет Казанского университета. В ожидании вакансии жалованья он еще не получал. Семейные расходы, естественно, возросли. Володя все это понимал. Он писал Марии Михайловне, что деньги ему требуются лишь для оплаты жилья. В результате, отдавая много сил занятиям, он регулярно недоедал. Все это подорвало его здоровье.

Сказалось, видимо, и нервное напряжение, связанное с поступлением в академию. В начале ноября Володя заболел: он испытывал общую слабость, потерял интерес к окружающему, плохо усваивал учебный материал, стал вял, угнетен, апатичен, на занятия шел через силу, после занятий валился с ног. Состояние Володи встревожило товарищей, они посоветовались с курсовым помощником инспектора, который попросил заведующего кафедрой душевных и нервных болезней профессора И. М. Балинского проконсультировать заболевшего студента.

У ослабленного физически, измученного и изголодавшегося первокурсника Бехтерева Балинский определил «меланхолию» и предложил ему полечиться в клинике. Бехтерев был помещен в отделение для «пансионеров», то есть не принадлежащих к военному ведомству лиц, которые госпитализировались за определенную плату. Правда, юный студент распоряжением Балинского от нее был освобожден.

Лечащим врачом Володи Бехтерева стал молодой психиатр Иван Алексеевич Сикорский, окончивший в 1869 году медицинский факультет Киевского университета и недавно получивший ученое звание доктора медицины. В академию он приехал для стажировки и занимал положение клинического ординатора. Молодые люди быстро подружились и, когда

состояние Володи значительно улучшилось, много времени проводили вместе. Сикорский относился тогда к Бехтереву как к молодому коллеге и многое поведал ему о специальности психиатра, о том, сколько неясного, загадочного приходится встречать в практической деятельности врачу, посвятившему себя этой сложнейшей, малоизученной области медицины. Возможно, что уже в то время у Володи Бехтерева пробудился интерес к науке о душевных и нервных заболеваниях.

Выписался Володя из клиники окрепшим и практически здоровым. Настроение его значительно улучшилось, восстановилась вера в собственные силы и возможности. Этому наряду с лечением способствовало внимание к нему со стороны Ивана Алексеевича, других сотрудников клиники, а также друзей-однокурсников, принявших участие в его судьбе. Володю регулярно снабжали конспектами лекций, книгами; и хотя он два месяца не посещал занятий, смог наверстать упущенное довольно быстро. Переводные экзамены за первый курс он сдавал уже вместе со всеми и сдал их успешно.

Летние каникулы после окончания первого курса Володя провел дома. Старший брат его, Николай, уже работал в вятском суде. Материальное положение семьи улучшилось. Общение с матерью, братьями, Наташей Базилевской, охота, рыбалка, походы за грибами, встречи с бывшими одноклассниками — все это способствовало окончательному восстановлению сил Володи. Вновь он чувствовал себя бодрым и полным энергии и смотрел в будущее уверенно.

Возвратившись осенью в Петербург, Володя узнал о событиях минувшего лета. С весны 1874 года многие представители демократически настроенной молодежи, которых волновала судьба угнетенного народа, под влиянием идей М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова «пошли в народ». Эти люди, называвшие себя «народниками», были идеологами крестьянской революции. Как писал позже В. И. Ленин, «вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции, — вот что воодушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством». Однако народничество, основанное на совершенно иллюзорном представлении о «перманентной революционности» народа, о его постоянной готовности к низвержению существующего строя и созданию нового на самых идеальных началах, как говорил В. Г. Короленко, в сущности, для царизма не было опасно. У революционной интеллигенции и народа не было ни общего языка, ни взаимного понимания. И действительно, крестьяне нередко принимали пропагандистов

социализма за переодетых «барчуков», к проповедям их относились недоверчиво, порицая их агитацию против «даровавшего свободу» царя, и иногда сами хватали «радетелей блага народного» и передавали их властям. «Но, как всегда, царское правительство перепуталось насмерть» (В. Г. Короленко). Последовали массовые аресты народников, проведенные в то лето в 37 губерниях и на землях Войска Донского.

В то же время с целью изучения причин возникающих повсеместно студенческих волнений и сочувствия студентов народническому движению была создана правительственная комиссия под руководством статс-секретаря П. А. Валуева, в состав которой входили семь министров, представитель императорской канцелярии, государственный контролер и, конечно же, шеф жандармов. После пяти заседаний комиссия изложила свои соображения о причинах «беспорядков» в среде студентов и предложила для ликвидации этих «беспорядков» следующие меры: пересмотр уставов высших учебных заведений, ограничение автономии профессорских коллегий, изъятие из их ведения дел «административно-полицейского свойства», усиление правительственного контроля за направлением преподавания, усиление средств инспекторского надзора за студентами, ограничение возможности поступления в высшие учебные заведения лиц «малоподготовленных в научном отношении» и «особенно же необеспеченных материально», «срочное и немедленное подавление всяких волнений и беспорядков без оказания какого-либо послабления и без допущения каких-либо переговоров и уступок со стороны начальства».

Реакция наступала. Каждое высшее учебное заведение России стало «конфиденциально» получать списки лиц, которым запрещалось обучение в университетах, институтах и других учебных заведениях, дающих высшее образование. Среди «проступков», послуживших причиной включения в эти списки, значились: «вредное направление образа мыслей», «явное сочувствие революционной пропаганде», «дурное влияние на товарищей», «явное сочувствие вредным учениям». В Медико-хирургической академии особая книга для выписывания имен означенных в секретных списках «нежелательных» лиц была заведена в 1875 году. В нее оказалось внесено немало имен и воспитанников этой академии.

Программа второго курса Медико-хирургической академии была сложной, но это не беспокоило Володю Бехтерева. Чувствовал он себя хорошо и учился успешно. В этот период он стал принимать участие в общественной деятельности и оказался

близок к группе студентов, боровшихся за демократизацию порядков в академии и вообще за повсеместное торжество принципов справедливости. Володя стал завсегдатаем сходок, которые стихийно или по чьей-то инициативе возникали в студенческой читальне, а иногда и во дворе академии.

Студенты живо реагировали на разногласия в Конференции, где в это время активную наступательную политику проводила «немецкая партия», возглавляемая профессором Ланцертом. Реакционную немецкую группировку поддерживал известный своим германофильством воспитанник Дерптского университета главный военно-медицинский инспектор Козлов. В спорных ситуациях на ее стороне обычно оказывались и другие высшие чиновники военного ведомства. Еще А. И. Герцен обращал внимание на то, что в правительственных кругах России иностранцы и особенно немцы пользовались особым вниманием и доверием. Он писал, что «в немецких офицерах и чиновниках правительство русское находит именно то, что ему нужно: правильность и бесстрастность машины, прибавьте полное равнодушие к участи управляемых, глубочайшее презрение к народу, полное незнание его характера…» Студенты выступали против засилья немцев в академии. Они возражали против бездушия и формализма в преподавании, нагнетавшихся наиболее ненавистно относившимися ко всему русскому представителями немецкой группировки. Особенно энергично в этот период студенчество ополчилось на заведующего кафедрой физиологии И. Ф. Циона. Уже факт назначения Циона на должность «сверху» вопреки решению Конференции профессоров академии делал его положение «сомнительно законным». Но студентов особенно возмущала постоянная критика Ционом трудов его выдающегося предшественника по кафедре — И. М. Сеченова, которому в 1870 году пришлось подать в отставку и оставить таким образом академию в связи с тем, что не состоялось избрание на кафедру зоологии рекомендованного им молодого ученого И. И. Мечникова.

Цион был опытным физиологом, большим мастером экспериментальных исследований, в связи с чем он пользовался уважением у выпускника университета, начинающего в то время физиолога И. П. Павлова, которого Цион пригласил на свою кафедру в качестве ассистента. Но по своим философским убеждениям Цион относился к числу воинствующих идеалистов. Особенно активно он выступал против основных положений книги Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой автор указывал на возможность изучения физиологическими методами психических процессов. Непримиримо относился Цион и к

эволюционному учению Ч. Дарвина, дававшему материалистическое объяснение многообразию существующих на земле видов животных и растений, которому официальные круги могли противопоставить лишь религиозные догмы. Все это, а также откровенно неуважительное отношение Циона к студентам академии привело к тому, что они высказали недоверие к профессору и потребовали его ухода с кафедры. Володя Бехтерев стал одним из инициаторов борьбы за «свержение» Циона.

Студентами Циону был объявлен бойкот. Вмешательство начальника академии, стремившегося уладить конфликт профессора со студенчеством, ни к чему не привело. События в академии приобрели широкую огласку, их подробности смаковались газетчиками. Распоряжением главного военно-медицинского инспектора 20 октября 1874 года были прекращены занятия на втором курсе академии, студентом которого в это время являлся Володя Бехтерев. Инспектор академии зачинщиками конфликта пытался представить нескольких человек, оставленных на втором курсе из-за неудовлетворительных оценок по физиологии. Их арестовали. Но на следующий день на митинг во дворе академии собрались студенты всех курсов. Явившемуся по их требованию начальнику было заявлено, что отставки профессора Циона требуют все, а не только студенты второго курса, что арестованные невиновны и общественность требует их освобождения. О студенческой сходке узнал градоначальник Ф. Ф. Трепов, который направил к академии эскадрон жандармов. Конные жандармы стали разгонять студенческую сходку; часть студентов оказалась оттесненной к Литейному мосту, а затем по мосту на противоположный берег Невы. После этого студенты всех курсов академии не вышли на занятия. 24 октября студенческая сходка повторилась. Начальник академии пообещал сделать все, чтобы арестованные были освобождены, и добился выполнения своего обещания.

Через день на квартире военного министра Милюкова состоялось приватное совещание в связи со студенческими волнениями в академии. Военно-медицинский инспектор Козлов стремился оправдать Циона, он даже высказался о том, что в академии существуют направленные против Циона «подговор и подстрекательство некоторых профессоров». Ему энергично возражал начальник академии Чистович. Министр решил, что конфликт, связанный сЦионом, зашел слишком далеко, и сделал следующее резюме: «Цион должен считать себя оскорбленным и подать в отставку». 28 октября на всех курсах академии занятия

возобновились.

Судьба Циона, таким образом, была решена, однако во время связанного с ним инцидента военные власти пришли к выводу о необходимости укрепления своего влияния в академии. 26 ноября 1874 года ими была учреждена не предусмотренная действующим «Положением» и уставом академии так называемая «Временная комиссия по управлению делами Императорской Медико-хирургической академии». Комиссия состояла из группы профессоров, пользовавшихся особым доверием военного министра, во главе ее был утвержден представитель военного министерства генерал-адъютант Непокойчицкий, секретарем комиссии назначили профессора Ланцерта, в руках которого таким образом фактически оказались бразды правления академией. Комиссия подменила главного военно-медицинского инспектора и резко сузила полномочия начальника академии и Конференции профессоров. Ей были переданы даже такие функции, как присвоение ученых званий и заслушивание пробных лекций претендентов на звание приват-доцента. Уже после первого заседания комиссии начальник академии Чистович высказался следующим образом: «Ясно, что с нынешнего дня академическими делами будет управлять Ланцерт как докладчик и Козлов и Юнг как интимные советники его. Начальник же академии будет держаться для вида, пока это нравится хозяевам академических дел». Вскоре Чистович подал в отставку, которая охотно была принята военным министром.

В 1875 году начальником Медико-хирургической академии назначили А. М. Быкова, в прошлом заместителя главного военно-медицинского инспектора. Это был человек откровенно реакционных взглядов, которые, однако, умело маскировал, равно как и истинное, обычно пренебрежительное отношение к тем, кто стоял ниже его. Быков не раз пытался вступать в переговоры со студентами, но доверием у них не пользовался, так как слова его часто расходились с делами. О нем говорили: «Мягко стелет, да жестко спать». Именно в тот период, когда пост начальника академии занимал Быков, по отношению к студентам стали особенно часто применяться жесткие меры (исключение, высылка из Петербурга, аресты).

Конференция профессоров, прекратившая было свое существование, с февраля 1875 года возобновила свою работу. Отношения ее с комиссией определялись временной инструкцией. Комиссия, председатели которой периодически заменялись, просуществовала семь лет, при этом роль ее в управлении академией постепенно уменьшалась.

В мае 1876 года студенты выразили недоверие секретарю

комиссии и Конференции профессору Ланцерту. Вгорячах он подал заявление об отставке, но вскоре потребовал его вернуть, ссылаясь на то, что делает это в соответствии с просьбой депутации студентов; к этому времени начались студенческие каникулы. Когда же в сентябре студенты возвратились в академию, они пришли в аудиторию, в которой Ланцерт собирался читать лекцию, и встретили его невообразимым шумом и выкриками «лжец», «долой»; в Ланцерта полетели всевозможные предметы. Появившийся в сопровождении инспекторов начальник академии Быков безуспешно пытался успокоить студентов. Инспекция тем временем составила список из 33 студентов, особенно активно выступавших против Ланцерта. Все они на следующий день были исключены из академии.

Ланцерту тем не менее пришлось уйти с занимаемых им постов в комиссии и Конференции, однако заведующим кафедрой он оставался вплоть до 1880 года.

6 декабря 1876 года студент четвертого курса Медико-хирургической академии Владимир Бехтерев с группой товарищей принимал участие в первой совместной демонстрации рабочих и студентов, на которой выдвигались политические требования. Демонстрация происходила на Невском проспекте у Казанского собора. С речью перед собравшимися выступил студент Горной академии Георгий Плеханов, который в то время представлял тайное революционное общество народников, ставившее перед собой задачу объединения разрозненных революционных сил для решительной борьбы с самодержавием. Плеханов тогда сказал: «Наше знамя — их знамя; на нем написано: «Земля и воля крестьянину и работнику. Вот оно. Да здравствует земля и воля!» В этот момент взобравшийся на плечи товарищей молодой рабочий Яков Потапов развернул красное знамя с надписью. В. И. Ленин расценивал позже эту демонстрацию как первую социально-революционную демонстрацию в России. Демонстрация была разогнана полицией и жандармами, несколько десятков студентов и рабочих при этом оказались арестованы, а в последующем приговорены к ссылке или каторге. Бехтереву ареста удалось избежать. Вспоминая в «Автобиографии» свои студенческие годы, Бехтерев на склоне своих лет напишет: «Какой-то счастливый рок спас меня от ареста и других последствий суровой Немезиды, которые постигли многих из моих сородичей и ближайших товарищей».

В той же «Автобиографии» Бехтерев укажет и на то, что уже к четвертому курсу обучения в академии он избрал свою будущую

профессию — нервные и душевные болезни, потому что именно эта специальность казалась ему «из всех медицинских наук того времени наиболее тесно связанной с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами о познании личности, связанными с глубокими философскими проблемами…». Нервные болезни привлекали его, кроме того, «точностью диагностики органических поражений мозга, главным образом спинного». При этом он, «естественно, увлекался мыслью о возможности уточнить до той же степени и диагностику болезни головного мозга, тем более что учение о локализации функций в головном мозгу тогда едва только начало намечаться». Потому-то на четвертом курсе Владимир Бехтерев особое внимание стал уделять нервным болезням, которые читались И. П. Мержеевским, занявшим кафедру душевных и нервных болезней после ухода в 1876 году в отставку по болезни профессора И. М. Балинского.

Иван Павлович Мержеевский как психиатр был одним из ближайших учеников своего предшественника, невропатологию же он изучал главным образом под руководством профессора Парижского университета Ж. Шарко, у которого в свое время проходил стажировку. Он был убежден в органической основе нервных заболеваний и придерживался мнения о том, что и психические болезни должны иметь свой материальный субстрат. Последнее обстоятельство позволило Бехтереву через четверть века назвать Мержеевского «творцом патологоанатомического направления в психиатрии».

Из его лекций Бехтерев вынес идею о том, что для понимания сущности нервных и душевных болезней необходимо прежде всего абсолютное знание морфологии и физиологии нервной системы. Однако знания эти в ту пору были скудны, фрагментарны, отрывочны. Повседневная практика ставила массу вопросов, на которые не было возможности дать обоснованный ответ. Многое определялось на основе эмпирики и интуиции. Но недостаточная изученность избираемой профессии делала ее для любознательного студента особенно интересной и убеждала его в том, что именно этой профессии следует посвятить свою будущую трудовую деятельность.

В академии было немало и других интересных врачебных дисциплин и колоритных, запоминающихся преподавателей. На третьем курсе Бехтерев с большим вниманием слушал содержательные лекции по общей диагностике и терапии, читаемые Эйхвальдом, с энтузиазмом занимался на кафедре хирургической патологии и терапии, возглавляемой Н. В. Склифосовским. На четвертом курсе его покорили яркие, логичные по построению лекции пользовавшегося огромной

популярностью у студентов С. П. Боткина, читаемые на кафедре внутренних болезней, располагавшейся на базе великолепно оснащенной клиники имени Виллие, открытой в 1872 году.

Сергей Петрович Боткин ввел в практику терапевтической клиники физиологические и лабораторные методы изучения различных форм патологии, рассматривая при этом эксперимент как средство раскрытия механизмов болезней человека. По его мнению, эксперимент должен руководствоваться «идеей, выработанной путем клинических наблюдений». Сергей Петрович утверждал, что целостность организма определяется и регулируется нервной системой, что состояние нервной системы может сказываться на функции других органов и тканей и во многом. определяет подверженность организма патологическим воздействиям, исходящим из внешней среды. Эти положения легли в основу учения, известного как «нервизм», в развитии которого в дальнейшем огромную роль сыграли воспитанники Медико-хирургической академии, всю жизнь считавшие Боткина одним из своих учителей, — Бехтерев и проходивший параллельно с ним курс обучения в академии уже после окончания естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета И. П. Павлов, который после окончания академии в течение десяти лет руководил физиологической лабораторией при кафедре Боткина.

Об умений Боткина распознавать и лечить различные болезни ходили легенды. И. П. Павлов позднее говорил о том, что Боткин поражал «способностью разгадывать болезни и находить против них наилучшие средства». К студентам он относился по-отечески, всегда был с ними доброжелателен, на экзаменах же требователен и строг, но справедлив. По просьбе студентов Боткин нередко участвовал в благотворительных концертах, обычно исполняя на виолончели произведения русской и западной классики.

В молодости, окончив медицинский факультет Московского университета, Боткин откликнулся на призыв Н. И. Пирогова и выехал, как тогда говорили, «на театр военных действий», приняв таким образом участие в Крымской войне.

С 1875 года в России вновь «запахло» войной. Жестокая эксплуатация турками порабощенных славянских народов на Балканах привела к восстанию в Боснии и Герцеговине. В апреле 1876 года восстание охватило Болгарию. Турки жестоко расправлялись с борцами за свободу. Русская общественность призывала к действенной помощи восставшим славянам, оказывая значительное давление и на правительственные круги. В правительстве же по этому поводу не было единства взглядов. Так

как Турцию, официально именовавшуюся тогда Османской империей, откровенно поддерживала и вооружала Англия, канцлер А. М. Горчаков опасался, что в случае войны с Турцией может повториться «крымская ситуация», и стремился заручиться поддержкой Австро-Венгрии и Германии. Царь также предпочитал дипломатическое урегулирование конфликта. Это в значительной степени определялось еще и тем, что с 1874 года происходила реорганизация русской армии в связи с введением закона о всеобщей воинской повинности. Кроме того, к тому времени еще не завершилось ее перевооружение винтовками и артиллерийскими орудиями новых образцов.

Вместе с тем при дворе понимали, что в случае успеха война на Балканах могла укрепить престиж русского царя как на международной арене, так и внутри государства, осенив при этом его чело ореолом «блюстителя свобод». К тому же война могла отвлечь энергию наиболее активных демократических сил страны от внутренних проблем на решение проблем внешних. Наконец, победив турок, можно было рассчитывать на присоединение к Российской империи новых территорий и возможность влиять на режим судоходства через проливы Босфор и Дарданеллы. За вступление в войну с Турцией активно выступали русский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев и наследник престола, будущий император Александр III.

Пока в правительстве России обсуждался вопрос о методах давления на Османскую империю, в войну вступили Сербия и Черногория. В эти славянские государства из России направились многочисленные добровольцы, желавшие принять участие в их освободительной борьбе. Одним из таких добровольцев был генерал М. Г. Черняев, возглавивший сербскую армию. Ситуация накалялась, и Россия стала готовиться к войне.

Медико-хирургическая академия получила задание планировать в ближайшие годы ускоренные выпуски врачей. На старших курсах занятия стали вестись по специальной программе. Особое внимание при этом уделялось преподаванию оперативной хирургии и учению о «повальных» (эпидемических) болезнях.

Турки отклоняли предложения европейских государств о мирном урегулировании конфликта на Балканах. Султан объявил о призыве из запаса на действительную службу 120 тысяч человек. В России также была проведена мобилизация. Война становилась неизбежной. Наконец, заручившись соглашением о «благожелательном нейтралитете» со стороны Австро-Венгрии, император Александр II в ставке русского командования в городе Кишиневе 12 апреля 1877 года подписал манифест о войне с Турцией.

Общественность России восприняла объявление войны в основном сочувственно. Многие представители интеллигенции были воодушевлены возможностью борьбы за свободу если не у себя на родине, то хотя бы в братских славянских странах. Многие отправлялись на фронт добровольцами. Среди них было немало народников, и в том числе Михаил Сажин, Сергей Степняк-Кравчинский, Анна Корба. В борьбу за свободу славян вступили писатель Всеволод Гаршин и будущий знаменитый московский журналист и писатель В. А. Гиляровский. Выехали на фронт и художники: Верещагин, который «захотел видеть большую войну и представить ее потом на полотне не такою, какою она по традиции представляется, а такою, какая она есть в действительности», Поленов, Константин Маковский…

По всей России создавались славянские общества, проводившие сборы пожертвований, устраивались благотворительные вечера и концерты, читались лекции, организовывались базары, сборы от которых шли для оказания помощи терпящим бедствия в борьбе с угнетателями славянским народам и в организацию Красного Креста, оказывающую посильную помощь раненым русским солдатам и офицерам. Для лечения раненых на русско-турецкий фронт добровольно отправились многие врачи и профессора. Среди них были С. П. Боткин и Н. В. Склифосовский, хирурги Корженевский из Военно-медицинской академии и Бергман из Дерпта, Грубе из Харькова и Левшин из Казани. Выехали на фронт и многие выпускницы первого выпуска Высших женских медицинских курсов при Медико-хирургической академии, а также подготовленные на курсах Красного Креста медицинские сестры.

По призыву Боткина изъявили желание отправиться на войну и некоторые студенты старших курсов Медико-хирургической академии. Среди них — досрочно окончивший четвертый курс двадцатилетний Владимир Бехтерев…

Из Петербурга Бехтерев выехал в мае 1877 года в составе добровольческого медицинского отряда, созданного на деньги братьев Рыжовых. Возглавивший отряд Николай Рыжов сам учился в Медико-хирургической академии. В отряде было еще семь студентов того же учебного заведения, один врач — В. Н. Попов, один офицер — выпускник пажеского корпуса, один фельдшер, повар и служитель. Расположенное на повозках имущество отряда позволяло ему развернуть полевой госпиталь на 40 коек.

Незадолго до отправления на фронт Бехтерев принял предложение одной из вновь организованных газет, названной

«Северный вестник», быть ее внештатным военным корреспондентом. Первый номер газеты вышел 1 мая 1877 года. В редакционной статье сообщалось, что эта газета, «ежедневная, политическая и литературная», стремится «охватить все живые интересы современности». Более двадцати корреспонденций Бехтерева, опубликованных в этой газете под псевдонимом «Санитар», позволяют проследить этапы боевого пути отряда Рыжовых и личные впечатления молодого Бехтерева о событиях, в которых ему довелось принимать участие.

Первая статья Бехтерева была опубликована 12 июня. В ней сообщались главным образом его дорожные впечатления. Из-за беспорядочной работы железнодорожного транспорта он отстал от поезда и добирался до Бухареста в военном эшелоне. Близкое общение в дороге с направляющимися на фронт солдатами позволило юному корреспонденту сделать вывод о царящем в армии стремлении оказать действенную помощь братьям-славянам и о высокой дисциплине русских войск.

Добровольческий медицинский отряд Рыжовых был приписан к главной квартире командующего, но именовался «летучим», так как многократно перемещался, оказываясь в период летней кампании 1877 года на наиболее «горячих» точках линии фронта.

Общение с солдатами и офицерами русской армии, откровенные исповеди раненых, а также личные наблюдения за ходом событий позволили Бехтереву составить собственное представление о происходящем вокруг. Обещанная правительством быстрая победная война затягивалась, русские войска несли значительные потери, которые зачастую вызывались непродуманностью, неподготовленностью отдельных боевых операций, их излишней поспешностью, пренебрежением к неприятелю, устаревшим вооружением армии и перебоями в ее снабжении. «…Надо ближе посмотреть на русского солдата, — писал тогда находившийся в действующей армии С. П. Боткин, — чтобы со злостью относиться к тем, которые не умеют руководить им. Ты видишь в нем и силу, и смысл, и покорность. Всякая неудача должна позором ложиться на тех, которые не сумели пользоваться этой силой; вглядываясь в наших военных, особенно старших, так редко встречаешь человека со специальными сведениями, любящего свое постоянное, дело».

Солдатам и офицерам русской армии приходилось собственной кровью и своими жизнями расплачиваться за многочисленные стратегические промахи, допущенные высшим командованием Дунайской армии, возглавляемой не имевшими опыта руководства войсками в боевых условиях командующим великим князем Николаем Николаевичем (старшим), братом

царя, и начальником штаба генерал-адъютантом А. А. Непокойчицким, который пользовался в Медико-хирургической академии печальной известностью, поскольку возглавлял временную комиссию по ее управлению.

Стратегические ошибки высшего командования отчасти компенсировала тактическая сметка возглавлявших отдельные воинские части и соединения таких бывалых генералов, как Скобелев, Гурко, Драгомиров, Радецкий, Столетов… В то же время, как писал с фронта Бехтерев, «не рискуя ошибиться ни на одну йоту, можно сказать, что мы обязаны своими успехами и завоеваниями только неимоверному мужеству, храбрости и непоколебимой стойкости своих солдат, которыми поистине может гордиться наша родина».

Бехтерев принимал участие в оказании помощи раненым при переправе русских войск через Дунай в районе Зимницы. Медицинское обеспечение сражения под Зимницей — Систовом осуществляли два перевязочных пункта и лазарет на 240 коек, к которому был прикомандирован и отряд Рыжовых. В корреспонденции, опубликованной в «Северном вестнике», Бехтерев отмечал, что в этом бою поражала «быстрота, с которой подается помощь раненому или заболевшему солдату. Первые партии еще не успели поставить ногу на правый берег Дуная… как походный госпиталь был тут и действовал совершенно свободно под зловещим свистом пуль. Вообще в боевых условиях военные и прикомандированные к ним гражданские медики действовали самоотверженно и стремились к оказанию помощи раненым непосредственно в зоне обстрела… Доктора и фельдшера, ухаживающие за ранеными, — писал Бехтерев, — подвергались такой же опасности, как и сражающиеся. За храбрость многие из медицинского персонала были награждены Георгиевскими крестами». Солдаты вели себя мужественно, не только в бою, но и в условиях перевязочных пунктов и госпиталей. «Из моих наблюдений, — отмечал Бехтерев, — я вынес глубокое убеждение в том, что наш солдат положительно герой в своей сфере. Самые тяжелые раны им переносятся с замечательной твердостью: ни выражения сожаления о своей участи, ни малейшего страха вы нигде не услышите…»

В конце июня санитарному отряду, в составе которого находился Бехтерев, пришлось свернуть свое имущество и последовать за перемещающейся в глубину Болгарии главной квартирой. В связи с необходимостью передачи раненых отряд выехал из Зимницы лишь через два дня. Следовать за главной квартирой оказалось сложно, так как маршрут ее передвижения держался в секрете. Но на подступах к Тырнову Бехтерев и его

товарищи увидели увитую цветами деревянную арку с надписью «Боже, царя храни» и поняли, что достигли цели. В Тырнове главная квартира располагалась в старинном доме с колоннадой. Жили там шумно. По вечерам дом был залит огнями, из распахнутых окон гремела бравурная музыка. Вокруг скапливались экипажи, доставившие на очередное торжество офицеров и генералов в полевой форме, сшитой у лучших петербургских портных, придворных в сверкающих позолотой одеждах, штатских лиц в строгих черных фраках, а также нарядных дам. Все это никак не гармонировало со строгой, напряженной фронтовой обстановкой. Светская жизнь главной квартиры вызывала немало нареканий у офицеров и солдат расположенных поблизости от нее воинских подразделений.

В период пребывания в Тырнове Бехтерев имел возможность присмотреться к местному болгарскому населению и составил самое благоприятное впечатление о болгарах и их отношении к русским. Из Тырнова он сообщал в Петербург: «Здешние болгары относятся к нам так приветливо и радушно, как трудно себе представить; нас действительно здесь почитают спасителями от верной смерти… Болгары все свои надежды возлагают только на русских». В Габрове Бехтерев посетил созданный болгарами госпиталь для раненых, который бесплатно обслуживался местным населением. Работали в нем и два болгарских врача. Теплые чувства к болгарам и другим славянским народам Бехтерев со времен русско-турецкой войны сохранил на всю жизнь.

Анализируя накопленные в боях впечатления о состоянии медицинской службы русской армии, Бехтерев понял и оценил важность внедрявшейся тогда поэтапной помощи раненым. С перевязочных пунктов, которые располагались непосредственно в зоне военных действий, раненых перевозили в находившийся поблизости передвижной временный военный госпиталь, а оттуда — в постоянные госпитали, располагавшиеся уже в глубоком тылу.

В одной из корреспонденции Бехтерев отмечал отсутствие согласованности в работе военно-медицинской службы и добровольческих организаций Общества Красного Креста, стремившихся помогать военным медикам. Бехтерев ратовал за разграничение между ними сфер деятельности и при этом считал, что участие организации Красного Креста будет особенно полезным, если они возьмут на себя главным образом транспортировку раненых и медицинское обеспечение их на всех этапах эвакуации из фронтовой зоны в тыл. Мысль, выраженная Бехтеревым в печати, в то время, по-видимому, что называется,

«витала в воздухе», так как 10 августа в заметке из Горного Студня им уже сообщалось о том, что на совместном совещании представителей военно-медицинского управления и уполномоченных Красного Креста был согласован вопрос о разграничении сфер деятельности подчиненных этим организациям служб. «…Предоставляя военному ведомству заботу о подании первой помощи на полях сражений и лечения в госпиталях, — писал Бехтерев, — члены Общества Красного Креста согласились принять на себя труд транспортировки раненых, денежную помощь и помощь перевязочными средствами госпиталям». Кроме того, организации Красного Креста намеревались «устроить в Болгарии на известных станциях так называемые питательные пункты, на которых при транспортировке раненые должны быть накормлены, напоены и одеты».

Общество Красного Креста вынесло решение о выдаче каждому раненому солдату по два франка, а раненым офицерам — по четыре золотых. Бехтерев высказался о несправедливости такого порядка вознаграждений. В очередной корреспонденции в газету он отмечал, что «офицерам, как наиболее обеспеченным людям, можно бы давать денежные пособия в том только случае, когда они в этом нуждаются, между тем раненым солдатам, которых ждет на родине бедная семья, помощь не в два франка, а в четыре золотых была бы весьма ощутимой».

Сложность организации медицинского обеспечения армии значительно усиливала «шпиономания», распространенная в главной квартире командующего. В связи с этим секретность подчас доводилась до абсурда. Даже руководители военно-медицинской службы не имели сведений о передвижении русских войск и о готовящихся сражениях. Это не давало им возможности рассчитать вероятные потери в предстоящих боях и, следовательно, с максимальной пользой для дела распределить имеющиеся в их распоряжении санитарные силы.

В июле наступление западной группировки русских войск было остановлено под Плевной, которую обороняли крупные соединения турок во главе с опытным генералом Османом-пашой. Две недостаточно подготовленные атаки русских были отбиты, причем во время второго штурма Плевны потери атакующих составили семь тысяч человек. Командование стало готовиться к третьему штурму этого занимающего ключевое положение укрепленного района. В августе основные медицинские силы русской армии стали сосредоточиваться на дальних подступах к Плевне у небольшого села Парадим. «Состав медицинского персонала, — отмечал Бехтерев, — был определен перед началом

сражения по отдельным дивизионным лазаретам, которые были размещены по пунктам, наивозможно ближайшим к своим частям войск. Эта организация медицинской помощи составила целостную систему первой помощи».

Под Плевной были сконцентрированы пять русских дивизий и румынские воинские части — всего около 85 тысяч человек. Санитарный отряд, в котором работал Бехтерев, оказался при командировал к лазарету 16-й дивизии. Туда же была направлена медицинская группа дерптского хирурга профессора Бергмана с тремя врачами и одиннадцатью медицинскими сестрами. Таким образом, медицинский состав лазарета этой дивизии оказался удвоен. Нечто подобное имело место и в других дивизионных лазаретах. С развернутых ими перевязочных пунктов раненые и больные должны были транспортироваться в расположенный в Болгарин военно-временный госпиталь, возглавлявшийся профессором Медико-хирургической академии Склифосовским.

25 августа отряд братьев Рыжовых вместе с лазаретом переместился вперед к деревне Тученица. К этому времени началось поступление первых раненых. Их размещали в войлочных палатках, рассчитанных на 25 человек. 29 августа лазарет был перемещен в деревню, но в ней не сохранилось ни одного пригодного для содержания раненых дома. За первые сутки в лазарете скопилось более 200 раненых, главным образом осколками гранат. Эвакуация их задерживалась. Однако главные события были впереди.

30 августа, в день именин императора, после полудня начался третий, решительный штурм неприятельских укреплений под Плевпой, и уже к вечеру только в лазарете 16-й дивизии оказалось около двух тысяч раненых. Количество их значительно превышало прогнозы медицинской администрации. К тому же, как писал Бехтерев, «день был, к несчастью, сырой, дождливый, кругом наших палаток грязь стояла непролазная. В палатки, разумеется, немыслимо было поместить всех раненых, а под дождем оставлять и того меньше». Количество раненых и больных в каждой палатке раза в четыре превосходило санитарные нормы. «…Больные должны были, — отмечал Бехтерев, — лежать в свалку, не оставалось свободного пространства не только для прохода слуг и врачей к раненым, но можно сказать, в буквальном смысле яблока некуда было уронить». К утру следующего дня в лазарете скопилось три с половиной тысячи раненых.

Третий штурм Плевны длился еще двое суток, людские потери росли, количество раненых все возрастало. Вокруг палаток натягивали тенты, ставили навесы, но всего этого было мало.

Кончались перевязочные материалы и медикаменты, возникли сложности с обеспечением раненых пищей. В корреспонденции об этих событиях Бехтерев писал: «Представьте себе весь ужас положения и врача, которому приходится быть бесполезным в данном случае, и раненых, которым приходится лежать во время холодной ночи на грязной земле почти без всякого покрова… Вы ходите кругом больных с фонарем, как шальной, шатаясь из стороны в сторону, и не знаете, что делать. Один скрежещет зубами, другого бьет сильная лихорадка, и он с силой стискивает челюсти. Кругом все стон и крик от голода… холода и ран. Один кричит: «Я ничего не ел», а другой: «Оденьте хоть чем-нибудь». В одном конце вы слышите просьбу убрать поскорее труп товарища, который только что на глазах у всех скончался в страшных муках… Сердце разрывается на части при виде этой ужасной картины. Подбегаешь к одному, к другому, к третьему, забываешь всякий отдых, делаешь все, что можешь, и все-таки чувствуешь себя бессильным уменьшить страдания несчастных хотя бы наполовину… Пришлось поработать, не зная ни отдыха, ни сна (не было возможности, что называется, куска хлеба перекусить). Постоянно переходя от одного больного к другому, ноги до того устали, что положительно отказывались двигаться; руки, занятые постоянно перевязками, отказывались работать, а голова в крайнем напряжении — все рисуются ужасные страдания того или другого раненого». Однако, несмотря на тяжелейшие условия работы, помощь раненым оказывалась и самое необходимое при этом делалось. Все раненые были перевязаны. Срочные операции сделаны, кому потребовалось — наложен гипс.

Ко 2 сентября атаки русских истощились, турки продолжали упорно сопротивляться. Раненые эвакуировались в тыл. В работе лазарета наступила передышка. Бехтерев с группой товарищей отправился на позиции. На Родищевском редуте офицеры-артиллеристы предложили студентам осмотреть поле боя в подзорную трубу. «Глазам моим, — писал Бехтерев в воспоминаниях, — представилась ужасная картина: все видневшееся вокруг поле было усыпано трупами русских и ранеными, обнаруживавшими признаки жизни своими судорожными движениями. Нетрудно было различить… и цвет и даже форму одежд». Как объяснили артиллеристы, все попытки вынести раненых вели лишь к новым жертвам, так как турки из крепости хладнокровно расстреливали смельчаков, стремившихся спасти жизнь своих товарищей. Картина поля боя буквально потрясла Бехтерева. Вечером того же дня он пытался отразить впечатление об увиденном в своей корреспонденции с фронта, оказавшейся последней. Он высказал свое возмущение теми, кто

посылал на гибель русские войска. Неудавшийся штурм проводился без достаточной артиллерийской подготовки, по простреливаемому открытому пространству, тогда как противник занимал выгодные позиции и имел более современное оружие английского производства. Осуждая командование, которое в течение трех дней бросало на верную погибель все новые и новые воинские части, штурмовавшие хорошо укрепленные вражеские позиции, Бехтерев обращал внимание на то, что оно лишь «после смерти нескольких тысяч (вы подумайте — нескольких тысяч!!!) поставляет предел этой бесчеловечной бойне, прекращая бесполезную атаку… Всю эту картину в живых лицах вы видите здесь, на поле сражения, усеянном костьми. Пусть те, кто более всех настаивал на войне и кричал о ней из своих кабинетов, приедут сюда и взглянут на эти тысячи несчастных, которые с замечательной покорностью судьбе, без всякого ропота и упреков кому-либо переносят адские муки… Пусть послушают они этот стон, разрывающий душу, этот предсмертный лепет и последний вздох, вызывающий слезы на глазах у самого крепкого человека!»

Корреспонденция Бехтерева о третьем штурме Плевны оказалась последней в связи с тем, что в первых числах сентября после изнурительной работы и проведенных под дождем бессонных ночей 11 из 12 человек, составлявших отряд Рыжовых, заболели «болгарской лихорадкой». Тяжело заболел тогда и Бехтерев. Шестого сентября отряд прибыл в Баготу, куда к тому времени переместилась главная квартира и при ней полевое медицинское управление действующей армии. Николай Рыжов, офицеры и студенты, составлявшие его отряд, были приглашены в ставку для встречи с императором.

Ставка здесь располагалась в деревянном двухэтажном доме с большим, огороженным высоким забором двором. В воротах гостей встретил свитский генерал Косин-ский. Император вместе с главнокомандующим принял их во дворе. Он поздоровался со всеми и обратился к Рыжову со словами благодарности. «У меня немного таких, как ты», — сказал он тогда Рыжову, вручая ему орден Станислава с мечами. Затем Александр II изрек: «Мне приятно убедиться, что чушь из головы студентов начинает выходить». Присутствующие смолчали. Тогда император сказал, что он благодарит всех и приглашает отобедать в его столовой. Это было весьма кстати. К тому же обед был отменным и в какой-то степени скрасил неприятное впечатление от встречи с самодержцем.

Отряд прекращал существование. Имущество его было передано организации Красного Креста. Из медикаментов оставили у себя только хинин, который принимали уже все

«рыжовцы». Заболевшим студентам полевым медицинским управлением действующей армии были выданы документы, удостоверявшие их право возвращения в Петербург. В удостоверении, выданном Бехтереву, в частности, было сказано: «Предъявитель сего, студент С.-Петербургской императорской Медико-хирургической академии Владимир Бехтерев, состоявший при главной квартире действующей армии в санитарном отряде братьев Рыжовых, отправляется обратно в С.-Петербург…». Далее всем начальствующим лицам вменялось в обязанность оказывать студенту Бехтереву по пути следования содействие и помощь. До Систова «рыжовцы» добирались вместе, а там у Бехтерева развился очередной тяжелый приступ лихорадки, и его поместили в санитарный поезд.

Когда к Бехтереву вернулось сознание, он на верхней полке санитарного офицерского вагона среди раненых и больных ехал в поезде Красного Креста в столицу. Как только малярия «отпускала», Бехтерев стремился помогать медицинским сестрам и санитарам. За дорогу Владимиру пришлось выслушать немало рассказов бывалых людей о том, что происходило на разных участках фронта. Это позволило ему увидеть происходящие на Балканах события шире и еще раз убедиться, что цели войны Россией достигались непомерно дорогой ценой и в этом во многом были виноваты те, кто не смог должным образом подготовить русскую армию, кто допустил грубые стратегические просчеты в ходе войны.

Съехавшиеся после летних каникул студенты негодовали. Немало гневных слов в адрес властей было сказано и в студенческой читальне академии.

Однако попытка отвлечь войной внимание демократической общественности от внутриполитических вопросов не удалась. Как писал видный судебный деятель А. Ф. Кони, «осень 1877 года застала общество в самом удручающем состоянии. Хвастливые надежды, возлагавшиеся на нашу боевую силу… не осуществились… Политический кредит России за границей падал, а во внутренней ее жизни все замолкло, как будто всякая общественная деятельность прекратилась. Но в этой тишине министерство юстиции торопливо ставило на подмостки судебной сцены громадный политический процесс…». Этот процесс вскоре оказался в центре внимания общественности, за всеми подробностями его внимательно следило и студенчество, откровенно восхищавшееся мужеством подсудимых.

Слушание дела «о революционной пропаганде в империи», вошедшее в историю как «Процесс 193-х» началось 18 октября 1877 года в Особом присутствии Правительствующего Сената.

После трехлетнего следствия царское правительство намеревалось учинить расправу над молодыми людьми, которые в 1874 году, вдохновившись идеями народничества, «пошли в народ». Из привлекавшихся к ответственности по этому делу нескольких тысяч человек в тюремных застенках уже умерло 97. Большую часть подследственных составили случайно схваченные не принимавшие участия в народническом движении люди, и таким образом после проведенного следствия к суду оказалось привлечено 193 человека, из них 39 женщин. Главными обвиняемыми признавались Мышкин, Рогачев, Войнаральский, Ковалик. Среди подсудимых были будущие народовольцы Желябов, Морозов, Перовская и другие. Они являлись участниками различных пропагандистских кружков, но все они обвинялись в создании единого «преступного общества» с целью государственного переворота и «перерезания всех чиновников и зажиточных людей». Чтобы облегчить работу суда и предотвратить во время суда массовые противоправительственные выступления, обвиняемые были разбиты на семнадцать групп. «Во время процесса, — как писал В. Г. Короленко, — публика допускалась в очень ограниченном количестве, газетные отчеты строго цензуровались, но все же каждый день Петербург молнией облетали известия о происходящем».

Подсудимые вели себя мужественно, превращая судилище над собой в суд над царским режимом. Многие выступления их носили характер обвинительных речей в адрес правительства и его приспешников. Так, один из лидеров народнического движения, Н. Н. Мышкин, обращаясь к судьям, указывал на закономерность революционного движения в России и выражал глубокую веру в неизбежность «всеобщего народного восстания».

Демократическая общественность России сочувствовала обвиняемым, она видела в них людей, проявивших высокое благородство, так как, жертвуя собой, они пытались хоть что-то предпринять для улучшения положения своего народа. Судебный процесс длился до 23 мая 1878 года. В результате 28 человек было осуждено к каторжным работам, многие — к тюремному заключению, при этом у некоторых срок заключения по приговору оказался меньше проведенного ими в подследственных тюрьмах времени. 90 человек суд вынужден был оправдать. Таким образом, многих из обвиняемых сразу после зачтения приговора пришлось отпустить на свободу. Однако вскоре царское правительство распорядилось отправить 80 человек из числа освобожденных в административную ссылку в отдаленные губернии Российского государства.

На фоне «Процесса 193-х» яркой молнией вспыхнуло «дело Веры Засулич». 24 января 1878 года эта молодая женщина, придя на прием к петербургскому градоначальнику генералу Трепову, выстрелила в него из пистолета и попала «в область таза». После ареста она сразу же заявила, что совершила покушение на жизнь Трепова в отместку за совершенное им преступление: по его приказу был высечен арестованный студент А. С. Боголюбов, не снявший шапки при встрече с градоначальником.

Следствие по делу Засулич не заняло много времени. Властям все казалось ясным, и судьба обвиняемой представлялась предрешенной. Предъявленное ей обвинение по законам Российской империи сулило никак не менее пятнадцати, а то и двадцати лет каторжных работ с лишением всех прав состояния.

Судили Засулич в последний день марта в Петербургском окружном суде под председательством А. Ф. Кони, с участием присяжных заседателей. На суде она подтвердила, что стреляла в Трепова, и объяснила это тем тяжелым впечатлением, которое произвело на нее допущенное им беззаконие по отношению к беззащитному, незнакомому ей ранее студенту, а в заключение произнесла следующее: «…Я решилась, хотя ценой собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью… Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие… Я не видела другого способа… Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать».

Блестяще построил свою речь на суде защитник П. А. Александров. Из нее явствовало, что Засулич проявила гражданственность и наказала преступника. Он говорил о том, что поступок его подзащитной обусловлен честным и благородным порывом. В завершающей части выступления защитник сказал следующее; «Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления».

Первый вопрос, поставленный председателем суда перед присяжными заседателями, звучал так: «Виновата ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова… нанесла… Трепову рану в полости таза пулею большого калибра?» На этот главный вопрос присяжные ответили: «Нет, невиновна». Решение присяжных заседателей публика встретила аплодисментами. Председатель суда тут же объявил Засулич освобождаемой из-под стражи. У здания суда ее встретила восторженная толпа. Друзья сразу увезли ее в закрытом

экипаже. Когда же власти спохватились и потребовали вновь арестовать Засулич, найти ее нигде не удалось…

Как и впечатления от войны на Балканах, все эти события влияли на мировоззрение Владимира Бехтерева, укрепляли его приверженность идеям демократии и справедливости.

Находясь на лечении в клинике Боткина, Бехтерев глубже познакомился с идеями нервизма. Согласно этому учению, поражения нервной системы, как правило, проявляются и общими изменениями в деятельности всего организма. Справедливость идей нервизма подтверждали многочисленные клинические и лабораторные наблюдения.

Осенью 1877 года начальник академии объявил, что Бехтерев и другие студенты академии, участвовавшие в войне в составе «летучего» санитарного отряда братьев Рыжовых, удостоены благодарности императора и командующего Дунайской армией. Участие Бехтерева в войне и положительная оценка его деятельности в фронтовых условиях, несомненно, способствовали повышению авторитета студента-старшекурсника в глазах его товарищей и преподавателей. Но в его поступках не было ничего необычного. Из тех его товарищей, которые помогали армии во время войны, как писал в тот же период начальнику академии военно-медицинский инспектор действующей армии, «большая часть студентов заслужила на поле битвы и в госпиталях… полное одобрение и вполне оправдала оказанное им доверие своим разумным уходом за ранеными и самою приличною дисциплиною». Не меньшую самоотверженность проявили и студенты академии, принимавшие участие в борьбе с эпидемиями и, в частности, с эпидемией брюшного тифа, вспыхнувшей в Петербурге зимой 1877/78 года, то есть в тот период, когда большая часть петербургских врачей была отвлечена в действующую армию. Гражданственность, самоотверженность, стремление служить своему народу — эти качества всегда были свойственны демократической молодежи. Владимир Бехтерев был только одним из многих.

К занятиям на пятом курсе Бехтерев приступил в октябре, сразу же после окончания лечения. Надо было наверстать упущенное, и он «с головой» ушел в занятия. Полученный на войне опыт убеждал его в том, что хороший врач «для начала», как им говорилось позднее, должен знать все известное медицине, а затем всю жизнь пополнять, наращивать объем этих знаний. Сам же он хотел стать обязательно хорошим врачом. Этого требовало не только далеко не чуждое ему самолюбие, но и стремление быть максимально полезным людям.

На последнем курсе академии лекции читались такими крупными специалистами, как профессора Крассовский (акушерство), Флоринский (детские болезни), Терновский (венерические болезни), Полотебнов (кожные болезни) и другие. Но особое внимание, как и до поездки на театр боевых действий, Бехтерев уделял изучению нервных болезней и психиатрии. Он регулярно посещал блестящие лекции по психиатрии, читаемые профессором Мержеевским, а в свободное от обязательных учебных занятий время часто посещал его клинику, где учился практике обследования и лечения больных.

Каждую неделю Бехтерев находил время и для встречи с Наташей Базилевской, которая к тому времени окончила Вятскую гимназию и приехала в Петербург, где поступила на женские учительские курсы. С детских лет ее покоряло ощущение какой-то особой уверенности и надежности, которое внушал ей Володя. Теперь Владимир окреп, возмужал и казался даже несколько старше своих лет. Возможно, этому содействовали усы и борода, отпущенные им во время пребывания на войне. Владимир с Наташей всегда был предупредителен, нежен и не скрывал своего восхищения ею. Ему с ней всегда было легко и интересно. Его покоряли ровный характер Наташи, ее такт, выдержка, способность к сопереживанию. Она с интересом воспринимала его рассказы о достижениях науки, о полюбившейся ему профессии, о жизненных планах. Умная, начитанная девушка ценила убеждения своего друга и слушала его слова с пониманием. Все это еще больше сближало молодых людей.

Занятия в академии подходили к концу. К тому же программа последнего курса была существенно сокращена в связи с острой потребностью в медиках. Хотя война с турками и завершилась заключенным 19 февраля 1878 года Сан-Стефанским мирным договором, требовалось пополнение врачебных кадров армии. В срочной помощи нуждались тысячи больных и раненых, заполнявших госпитали и больницы Петербурга, Москвы и многих других городов России.

Лекарские экзамены, которые выпускники Медико-хирургической академии обычно сдавали осенью, в 1878 году состоялись досрочно с 1 по 20 апреля. Вместе со своими товарищами по курсу Г. Левашовым и Г. Ранчевским Бехтерев оказался в числе тех, кто за весь курс обучения в академии имел более двух третей отличных оценок. Это давало ему право держать экзамен в существовавший при академии Институт усовершенствования врачей («профессорский» институт), готовивший научно-педагогические кадры. Экзамен сводился к написанию сочинения на заданную тему. Бехтереву пришлось

выполнить работу о лечении чахотки. Она была оценена высшим баллом.

В связи с успешным окончанием курса обучения Бехтерев получил звание лекаря и одну из именных премий академии — премию имени Пальцева в 300 рублей. Как своекоштного студента, не платившего за обучение в академии, его зачислили на военную службу, выдав при этом годовой оклад начинающего военного лекаря в 333 рубля 33 копейки, а также портативный набор хирургических инструментов и прибор для изучения глазного дна — офтальмоскоп.

Зачисление в институт усовершенствования врачей сопровождалось прикомандированием к Клиническому военному госпиталю, являвшемуся для академии базовым лечебным учреждением. Обучающиеся в этом институте получали право на представление к защите диссертации на ученую степень доктора медицины без предварительной сдачи докторских экзаменов. После защиты диссертации выпускники института могли участвовать в конкурсе на заграничную командировку для дальнейшего совершенствования знаний. Этими возможностями Бехтерев воспользуется в свое время, а летом 1878 года иные заботы одолевали молодого врача. С кареглазой Наташей он бродил белыми ночами по великолепным набережным и паркам столицы. Молодые люди любили друг друга и чувствовали себя счастливыми.

Глава 3
СТАНОВЛЕНИЕ ВРАЧА

В Институт усовершенствования при Военно-медицинской академии Бехтерев, как и другие его однокурсники, удостоенные этого права, в 1878 году зачислен не был. Ввиду напряженной внешнеполитической обстановки все они вошли во временно организованный запас врачей действующей армии при клиническом военном госпитале — базовом лечебном учреждении академии. Это позволило Бехтереву оказаться в положении армейского врача-стажера при возглавляемой Иваном Павловичем Мержеевским клинике душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии.

Медико-хирургическая академия вела свое летосчисление с 1798 года. Психиатрическая же кафедра при ней была создана в 1857 году по инициативе президента академии П. А. Дубровицкого. Для организации кафедры душевных болезней им был тогда приглашен молодой энергичный военный врач Иван Михайлович Балинский, выходец из обедневшей польской дворянской семьи. Психиатрия в академии к тому времени была представлена шестым отделением 2-го военно-сухопутного госпиталя, располагавшимся в двух деревянных бараках. Это была «…трущоба, в которой сплелись человеческие несчастья и жестокость и в которой свило себе гнездо медицинское невежество» (И. П. Мержеевский). Работа в отделении для душевнобольных рассматривалась как своеобразное наказание. Специалистов-психиатров не было вовсе, а функции их временно исполняли проштрафившиеся в чем-то врачи других клинических отделений, направлявшиеся сюда «на исправление». Беспокойным больным в то время назначались главным образом слабительные средства. Для поддержания порядка в бараках смотрители нередко прибегали к кулачным расправам, надевали на больных «смирительные» рубахи, которые изнутри иногда еще и обкладывались нарывным пластырем.

Балинского можно назвать по справедливости реформатором психиатрии в России. Возглавив психиатрическую службу при академии, он сразу же занялся подбором сотрудников. Вскоре он добился перестройки и переоборудования отделения для душевнобольных, а затем и пристройки для него дополнительного помещения. По согласованию с военным ведомством Балинскому удалось ликвидировать «перенаселенность» отделения, ограничив максимальное

количество находящихся в нем больных: 12 офицеров, 12 женщин и 96 «нижних чинов» — всего 120 человек. Балинским были отменены надписи на кроватных досках с наименованием болезни, многое делалось для улучшения содержания и лечения больных.

С 1863 года прекратило существование общежитие для студентов, и освободившееся в правом крыле главного здания академии помещение по настоянию Балинского переоборудовали под психиатрическую клинику на 100 коек. В ноябре 1867 года состоялось открытие первой в России клиники душевных болезней. Директором ее стал Балинский, в числе его сотрудников находились Мержеевский, Дюков, Чехов. В старых помещениях психиатрического отделения тогда же организовали приют для хроников, вскоре переведенный в 1-й Сухопутный (Николаевский) госпиталь. В приюте работали врачи-психиатры Щепетов, Никифоров, Черемшанский. На базе клиники и кафедры душевных болезней, возглавляемых Балинским, проводилась специализация врачей, и практически все русские психиатры того времени были его учениками.

Как член медицинского совета при министерстве внутренних дел, на которое в то время возлагались и заботы о научной организации медицинского обеспечения населения, Балинский много сил отдавал организации психиатрической службы в России. По его инициативе для оказания помощи душевным больным стали создаваться огромные по тем временам (до 1000 коек) окружные психиатрические лечебницы, в каждую из которых госпитализировались больные, проживающие на территории определенного учебного округа, включавшего в себя несколько губерний.

В 1870 году Балинский добился организации при психиатрической клинике Медико-хирургической академии отделения на 20 коек для больных-«пансионеров». На эти койки обычно помещали больных душевными болезнями в ранней стадии из числа гражданских лиц. За их лечение с родственников клиника получала значительную плату: от 35 до 70 рублей в месяц. Вырученные таким образом деньги давали возможность содержать работавшего в этом отделении врача, дополнительный вспомогательный персонал и, кроме того, несколько повысить затраты на питание и лечение всех прочих больных, находившихся в клинике. На должность ординатора для ведения больных-«пансионеров» был приглашен выпускник Киевского университета И. А. Сикорский, проходивший в то время усовершенствование по психиатрии под руководством Мержеевского. Этот энергичный, работавший с увлечением

молодой врач в 1873 году лечил и студента-первокурсника Володю Бехтерева.

По воспоминаниям современников, Балинский блистательно читал лекции для врачей и студентов. Интересными и весьма поучительными были и проводимые им клинические разборы больных. Речь его отличалась образностью, изяществом, ясностью суждений и логикой. Балинский всегда охотно делился со своими учениками собственным богатым врачебным опытом и глубокими знаниями научной литературы. К сожалению, он не оставил научных трудов. Балинский не писал их, считая, что для этого ещё не настало время, так как психиатрия находится лишь в стадии становления и не накопила достаточного количества бесспорных фактов, необходимых для научных обобщений.

Тяжелое хроническое заболевание побудило Балинского уйти в отставку в возрасте 49 лет. Возможно, к этому шагу его приблизил и трагический случай: после выписки из клиники застрелился пациент, который, по мнению Балинского, был излечен.

Во главе кафедры и клиники душевных болезней после отставки Балинского оказался один из его ближайших учеников — приват-доцент И. П. Мержеевский, которого через год Конференция академии официально избрала на должность заведующего кафедрой и присвоила ему профессорское звание. Мержеевский, как и Балинский, происходил из польских дворян. В 1861 году он окончил Медико-хирургическую академию и был оставлен при ней для совершенствования знаний. Психиатрию он изучал главным образом под руководством Балинского. В период же заграничной командировки Мержеевский проходил стажировку в возглавляемом Жаном Шарко неврологическом отделении Парижского университета и под его влиянием увлекся невропатологией. Тогда уже Мержеевский на многочисленных клинических примерах утвердился во мнении о том, что психические функции определяются деятельностью мозга и могут быть в той или иной степени нарушены при различных его заболеваниях и травматических поражениях. Это определило его материалистический подход к проблеме о сущности психической деятельности в норме и в условиях ее патологии. Такой взгляд на зависимость психики от работы мозга не был тогда чем-то само собой разумеющимся, так как даже среди врачей преобладало идеалистическое представление о независимости идеальной души от материального тела, определившее в какой-то степени в дальнейшем выделение невропатологии и психиатрии в самостоятельные клинические дисциплины. При этом основой для понимания происхождения неврологической патологии

служили морфологические изменения в нервной системе, объяснять же различные формы психопатологии длительное время пытались на основании представлений о расстройстве психологических процессов, зависящих от состояния нематериальной души.

После возвращения из заграничной командировки Мержеевский стал преподавать невропатологию — клинический предмет, который в то время только создавался. Первое неврологическое отделение (на 19 коек) в России открылось в 1869 году. Инициатором его создания был «отец русской невропатологии» А. Я. Кожевников. Оно возникло на базе московской Ново-Екатерининской больницы (ныне 24-я городская клиническая больница). В Петербурге же только в 1881 году Мержеевскому удалось добиться выделения для неврологических больных шести штатных коек в возглавляемой им клинике.

Убедившись в том, что психика больных страдает при многих неврологических заболеваниях, Мержеевский стремился к поиску той самой, вполне возможной, по его мнению, морфологической основы и при первичных расстройствах психической деятельности. Особенно наглядной она представала при врожденной дефектности психической сферы у детей, родившихся с слишком малой головой (у микроцефалов). Клинико-морфологические исследования при микроцефалии составили одно из основных направлений в научно-исследовательской деятельности Мержеевского. Этому вопросу он посвятил и свою диссертационную работу.

В 1878 году, когда в клинику был прикомандирован военный врач-стажер Бехтерев, в штате ее, помимо Мержеевского, состояли врачи-психиатры Дюков, Черемшанский, Эрлицкий и Рагозин. Сикорский по-прежнему работал в отделении пансионеров. В 1882 году его должность была упразднена. К тому времени он уже защитил диссертацию на степень доктора медицины и имел звание приват-доцента. Оставшись без штатной должности, Сикорский переехал в Киев, где с 1885 года возглавил вновь организованную кафедру психиатрии Киевского университета.

Особенно близко в период усовершенствования знаний в клинике душевных болезней Медико-хирургичвской академии Бехтерев сошелся с Рагозиным, с ним он в последующем постоянно сотрудничал и был дружен многие годы. В клинике Бехтерев много внимания уделял работе с больными. Кроме того, он регулярно посещал лекции Мержеевского, изучал литературу по нервным и душевным болезням, выполнял диссертационную работу на степень доктора медицины. Тему диссертации в какой-то мере подсказали ему наблюдения за больными в период

пребывания на лечении в клинике С. П. Боткина и лекции этого выдающегося клинициста, который многократно указывал на возможную зависимость соматических[2] функций от состояния психиатрической деятельности больных.

Чтобы объективизировать влияние болезней души на состояние тела, Бехтерев решил выполнить экспериментально-клиническое исследование, которое позволило бы выяснить зависимость состояния температуры тела от изменений деятельности мозга, возникающих в случаях развития психических болезней. Мержеевский, всегда проявлявший интерес к соотношению психических и телесных функций, замысел работы одобрил.

Начало врачебной деятельности Бехтерева происходило в период обострения борьбы демократических сил России с царизмом. Осень 1878 года ознаменовалась студенческими волнениями в Харькове и последовавшими вслед за ними репрессивными мерами правительства. Эти события нашли отклик во всех университетских городах России. 29 ноября студенты Медико-хирургической академии, многие из которых весной того же года рисковали жизнью, помогая бороться с охватившей Петербург жестокой эпидемией сыпного тифа, вместе со студентами других учебных заведений столицы вышли на Невский проспект. Демонстранты направились к традиционной резиденции наследника престола — Аничкову дворцу. Здесь будущему императору был передан адрес, в котором излагались требования студенческой молодежи о демократизации порядков в учебных заведениях. Ответа от наследника, однако, не последовало.

На следующий день в Медико-хирургической академии состоялся митинг. Начальник академии Быков потребовал разойтись. Но митинг продолжался, и тогда Быков обратился за помощью к властям. К трем часам дня к академии были стянуты эскадрон жандармов, казачья сотня и две роты солдат лейб-гвардии Московского полка. Столь солидный состав карательной команды свидетельствовал о серьезности конфликта. Каратели пустили в ход нагайки и приклады. Митинг был разогнан, студентов, участвовавших в нем — их оказалось 142 человека, — загнали в манеж Московского полка, где продержали девять суток. Более сорока человек исключили затем из академии и выслали на родину под надзор полиции вплоть до особого распоряжения.

События 29 ноября привели к закрытию «вольной» студенческой читальни. Инспекции академии поручалось

пересмотреть все книги. Часть из них оказалась переданной в фундаментальную академическую библиотеку, где пришлось создать студенческий отдел, часть — реквизировали жандармы, остальные книги были распроданы с аукциона 5 октября 1879 года…

Неудачи «хождения в народ», закончившегося «Процессом 193-х», побудили революционную молодежь к поиску новых путей борьбы. Одним из таких путей стал террор. Кинжал, револьвер, бомба вошли в арсенал революционной борьбы.

Как относился ко всем этим событиям Бехтерев? Его активное участие в демократическом движении в студенческие годы и многочисленные проявления еочуветвия к противникам царского режима в последующем позволяют утверждать, что он всегда был врагом деспотизма монархической власти. Вместе с тем он не верил, что терроризм может привести к благоприятным политическим переменам, но, как и многие в то время, восторгался смелостью и решительностью террористов, их преданностью идее и готовностью жертвовать собой ради общего блага.

Однако Бехтерев все-таки примыкал к той части демократически настроенной русской интеллигенции, которая считала неприемлемым оправдание какой-либо, даже самой высокой целью убийство человека и повторяла вопрос своего великого современника Ф. М. Достоевского: дозволено ли пожертвовать одним-единственным ребеночком ради всеобщей, всечеловеческой гармонии? Подобный вопрос неоднократно ставился в то время и в произведениях другого гения России — Льва Толстого.

Для Бехтерева таким принесенным в жертву идеалом зримым им «безвинным ребеночком» стали 50 искалеченных и 10 убитых солдат лейб-гвардии Финляндского полка, охранявших Зимний дворец, которые были доставлены в клинический военный госпиталь на Выборгскую сторону после террористического взрыва, организованного земляком Бехтерева Степаном Халтуриным с целью покушения на царя. По сути дела, этими солдатами были одетые в форменные мундиры отбывавшие воинскую повинность крестьяне. Бехтерев осматривал раненых и присутствовал на отпевании погибших от взрыва, которое проводилось в церкви Медико-хирургической академии вскоре после благодарственного молебна в связи с «чудодейственным спасением» царской персоны. Все это произвело на него тяжелое впечатление. Скорее всего он тогда порицал как жестокость властей, так и террор народовольцев.

Выход из положения Бехтерев надеялся найти в идее, почерпнутой им из модной еще в его гимназические годы книги английского экономиста Г. Бокля «История цивилизации в Англии». Бокль считал, что «человечество движется благодаря успехам положительного знания». В то время Бехтерев, как и многие представители интеллигенции, надеялся, что развитие «положительных знаний» сделает всех людей более умными, сознательными, благородными, гуманными и они сами придут к единственно разумному выводу о необходимости проведения мирным путем социальных преобразований, призванных осчастливить все человечество, ликвидировать все препятствия на пути к прогрессу.

Стремление к обогащению человечества положительными знаниями, которые помогли бы людям «глубже и шире познать самих себя» и в связи с этим содействовали бы совершенствованию общественных отношений, было свойственно Бехтереву с первых его самостоятельных шагов в науке. С молодых лет Бехтерев проявлял жажду знаний, трудоспособность и целеустремленность, но, посвящая себя науке, он никогда не замыкался в стенах лабораторий и клиник и всегда внимательно следил за основными событиями, которыми жил народ, населявший его многострадальную родину.

В клинике, возглавляемой Мержеевским, Бехтерев работал много и увлеченно. Работал он творчески: накапливал клинический материал по своей диссертации, много внимания уделял экспериментальным исследованиям. Уже первые научные сообщения Бехтерева обратили на себя внимание коллег. Подкупала широта его воззрений, оригинальный, самобытный взгляд на, казалось бы, устоявшиеся положения науки, умение быстро схватывать новое, перспективное из того, что сообщалось в отечественной и зарубежной литературе.

3 февраля 1879 года после длительного перерыва возобновилась работа созданного в 1861 году Петербургского общества психиатров. В этот день на заседании, последний раз проходившем под председательством первого в России ученого-психиатра Балинского, Бехтерев был принят в действительные члены общества.

В 1879 году Наташа Базилевская уже заканчивала второй год обучения на женских педагогических курсах. В августе ей исполнялось 19 лет. Молодые люди, часто встречавшиеся все это время, объяснились в любви. Они решили пожениться. От родителей Наташи согласие на брак пришло без каких-либо промедлений. Однако Мария Михайловна благословения не

давала, несмотря на горячие просьбы сына, который убеждал «добрую мамашу» в том, что Наташа ему очень нравится, и что она скоро получит диплом на право учительницы старших классов женской гимназии. Как это ни было сложно, но в конце июня Бехтерев добился кратковременного отпуска для поездки в Вятку. Там ему наконец удалось убедить мать дать свое согласие на брак. После этого молодые люди стали готовиться к свадьбе. Шились свадебные костюмы, подыскивалась квартира для молодых. Венчание состоялось 9 сентября в Спасобочаринской церкви, что на Выборгской стороне, в присутствии сослуживцев жениха и нескольких его бывших однокурсников. Сватами были Л. Ф. Рагозин и брат Наташи — Андрей, студент Медико-хирургической академии.

Наташа оказалась хорошей хозяйкой. В квартире ей удалось создать уют и все необходимые условия для работы мужа. Теперь Бехтерев вечерами зачастую оставался дома. Возвращаясь с работы, он приносил с собой кипы русских, немецких и французских журналов, гроссбухи в солидных переплетах с золотым тиснением, истории болезней, протоколы экспериментов. Лампа с зеленым абажуром на его рабочем столе горела, как правило, далеко за полночь.

Помимо изучения медицинской литературы и материалов по будущей диссертации, Бехтерев в этот период занимался написанием серии «бытовых и этнографических очерков», опубликованных под названием «Вотяки, их история и современное состояние» в 1880 году в двух номерах петербургского журнала «Вестник Европы». В основу очерков легли записки отца о жизни вотяков, переданные Владимиру Марией Михайловной во время посещения им Вятки, труды известных этнографов Кастрена, Кеппеля и др., но главным образом накопленные с гимназических лет собственные наблюдения за особенностями быта, обычаев и обрядов вотяков (удмуртов), которых в то время в Россия насчитывалось 257 тысяч человек.

Бехтерев подробно описал в очерках внешность вотяков, особенности их характера, их одежду, жилища, занятия, пищу, обряды. При этом он обращал внимание на трудности бытия этого бедного, неграмотного, забитого, суеверного народа. Он отмечал, что вотяки миролюбивы, дружелюбны друг к другу, не сварливы, хорошие земледельцы, пчеловоды, охотники. Они вели натуральное хозяйство и не покупали ничего, кроме соли и табака, вместо мыла пользовались золой, щелоком. Среди вотяков при всей скудости их жизни никогда не было нищих.

Большим событием в жизни вотяков была свадьба. Когда-то у

них существовал общинный брак, и «собственной» признавалась лишь краденая женщина. Потому в свадебный обряд обязательно включалась инсценировка похищения невесты. За невесту выплачивался калым, размеры которого определялись при сговоре и варьировали обычно в пределах 40–80 рублей. Бехтерев подробно описал смотрины невесты, малое сватовство, большое сватовство, обряд бракосочетания. Языческий обряд бракосочетания был обязательным и для крещеных, иначе свадьба в глазах соседей считалась как бы недействительной. Впрочем, обряд не отличался сложностью; жрец за праздничным столом произносил молитву над стаканом пива, которое потом выпивалось молодыми.

Помимо свадеб, у вотяков существовало немало других праздников. Один из них — «окаяшка». Он предшествовал началу полевых работ. Начинался этот праздник с того, что все выезжали в поле, где читалась молитва приблизительно такого содержания: «Ну, мать-земля, кормила ты вас до сих пор, покорми и в нынешнем году». Потом устраивались пляски, пелись песни. Пили пиво и кумышку — вотяцкую водку, которую к каждому празднику заготавливали в больших количествах (до 10 ведер на семью).

Кумышку Бехтерев описывал как мутный напиток отвратительного вкуса с запахом дыма и сивухи. «Выкуривали» ее обычно из затхлой муки, не заботясь об отделении от сивушных масел. Введенная в 60-х годах при царе Александре II откупная система обложения налогом производства водки курения кумышки не остановила, так как для вотяков законом делалась «уступка», и они сохраняли право беспошлинного изготовления кумышки в неограниченных количествах при условии, что ими будет прикупаться определенное количество ведер водки, высчитанное по числу жителей. С поднятием на «казенную» водку акцизных при производство кумышки еще более возросло. Таким образом, царская «алкогольная политика» способствовала распространению пьянства среди вотяков. Бехтерев отмечал, что в пьяных оргиях, которые, как правило, возникали во время каждого праздника, принимали участие не только взрослые мужчины и женщины, но и дети.

В очерках о вотяках Бехтерев впервые гневно высказался против насаждения в государстве злоупотребления спиртными напитками. К этой злободневной для России теме он многократно будет возвращаться и в дальнейшем и немало усилии потратит на борьбу с «зеленым змием», на оказание лечебной помощи алкоголикам.

Этнографические очерки Бехтерева получили значительный

резонанс в широких кругах русской демократической общественности. Многие впервые узнали неприглядные подробности о быте одной из малых народностей, населявших многонациональную Российскую империю. Врач Бехтерев становился известен и как публицист, умеющий глубоко вскрывать злободневные для страны социальные проблемы.

В 1880 году у Бехтеревых родился первенец — сын Евгений, в 1883 году — дочь Ольга. Семью Бехтеревых не миновали денежные затруднения. Несмотря на скромный образ жизни, жалованья военного врача не хватало, и Владимир Михайлович должен был подрабатывать частной практикой. Она не только обеспечивала финансовую поддержку молодой семье, но и расширяла врачебный кругозор Бехтерева, позволяла ему вести систематическое амбулаторное наблюдение за отдельными пациентами. Кроме того, частная практика приводила к новым, подчас неожиданным знакомствам в различных по своему социальному положению кругах.

Иногда Бехтереву становились известными даже кое-какие секретные сведения. Так, высокопоставленный супруг одной из наблюдаемых им тяжелых больных рассказал ему как-то о создании в придворных кругах монархической организации «Тайной антисоциалистической лиги», ставшей известной в последующем как «Священный союз», возглавляемой великим князем Владимиром Александровичем. На ее гербе были изображены звезда с крестом в центре и лучами и девиз «Бог и Царь». «Черный кабинет» этой крайне реакционной, незаконной организации, созданной под эгидой «законного» царя, организовывал террористические акты с целью уничтожения главных и наиболее опасных врагов российского трона.

Первой жертвой черных террористов должен был стать легендарный уже в то время революционер князь Петр Кропоткин. Выпускник Пажеского корпуса, известный географ и геолог, примкнувший в 70-х, годах к народническому движению, П. А. Кропоткин был арестован в 1874 году и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В 1876 году его перевели в тюрьму, а затем в связи с тяжелой болезнью — в тюремное отделение при Николаевском военном госпитале. Из госпиталя Кропоткину удалось совершить дерзкий побег.

В дальнейшем П. Кропоткин эмигрировал из России. Узнав о готовящемся на него покушении, Бехтерев через уезжавшего в заграничную командировку врача Замчевского предупредил об этом опального князя и спас таким образом жизнь знаменитого бунтаря, ставшего впоследствии идеологом русского анархизма.

Через неделю после взрыва в Зимнем дворце Александр II подписал указ об утверждении в Государстве Российском Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия. По замыслу царя эта комиссия должна была «положить предел беспрерывно повторяющимся покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок». Главой комиссии, а затем и министерства внутренних дел стал выходец из армянской знати, участник русско-турецкой войны, генерал, граф М. Т. Лорис-Меликов, бывший до того харьковским генерал-губернатором. Получивший чрезвычайные полномочия генерал, метко названный в ту пору «вице-императором», понимал, что только путем репрессий порядок в империи навести трудно, и потому делал попытки заигрывать с либералами.

В опубликованном вскоре после прихода к власти «Обращении к жителям столицы» Лорис-Меликов писал, что намерен «с одной стороны, не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой — успокоить и оградить интересы его здравомыслящей части». Там же он призывал «общество» к поддержке его начинаний: «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти и возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». Непривычно «по-человечески» сказанные слова новоявленного вельможи некоторых либералов подкупали и обнадеживали, на самом же деле политическая ситуация в стране еще более ужесточилась. А 20 февраля 1880 года было совершено покушение на самого Лорис-Меликова. Покушение по собственной инициативе совершил мещанин из города Слуцка И. О. Младецкий. «Вице-император» оказался «скор на руку», и уже на 22 февраля была назначена публичная казнь неудачливого террориста. В то утро в Санкт-Петербурге на Семеновском плацу на глазах 60-тысячной толпы Младецкого повесили. Среди свидетелей казни были завершающий свой жизненный путь писатель Федор Достоевский и начинающий врач и ученый Владимир Бехтерев. Возможно, они надеялись, что казнь в последний момент будет отменена, как это было в 1849 году, когда Достоевский сам стоял на эшафоте. Но на этот раз помилования не последовало. Вечером того же дня Александр II собственноручно написал, как обычно, ровным бисерным почерком: «Младецкий повешен в 11 ч. на Семеновском плацу —

все в порядке». Царь и его приближенные мстили своим врагам, но и их враги, в свою очередь, готовились к мести.

Стареющий император ощущал занесенный над ним карающий меч народовольцев. Он «спешил жить» и в июле 1880 года сочетался морганатическим[3] браком с княгиней Екатериной Долгорукой, получившей при этом титул светлейшей княгини Юрьевской. Свадьба походила на пир во время чумы. Царь тогда особенно много пил и пребывал в постоянной тревоге.

Нагнетавшуюся много месяцев напряженность внутриполитической обстановки в стране разрядил взрыв бомбы, брошенной под ноги царя народовольцем Гриневицким 1 марта 1881 года. Смертельно раненный император умер в тот же день, Гриневицкий, также тяжело пострадавший от взрыва, пережил Александра II всего лишь на несколько часов.

Жандармам удалось обнаружить и арестовать руководителей «Народной воли». По указанию нового царя, Александра III, организаторов заговора судило Особое присутствие сената.

Суд под председательством сенатора Фукса непосредственным участникам убийства Александра II вынес смертный приговор. К смерти были осуждены шесть человек: Желябов, Перовская, Михайлов, Рысаков, Кибальчич и Гельфман (последняя, правда, оказалась беременной и потому избегла казни). 3 апреля 1881 года на Семеновском плацу приговор был приведен в исполнение. А в конце того же месяца царь подписал манифест, который, по выражению Ленина, «не обинуясь и прямо» заявлял о незыблемости самодержавия, о сохранении неограниченной власти императора. Реакция наступала.

Реформы 80-х годов не обошли стороной и Медико-хирургическую академию. 10 июня 1881 года Александр III утвердил ее «Временное положение» и устав. В силу этих документов она преобразовывалась в Военно-медицинскую и лишалась последних остатков демократических прав. В академии упразднялись первые два курса. А на третий, ставший самым младшим, принимались лица, проучившиеся два года на медицинских или естественных факультетах университетов. Общее количество студентов академии ограничивалось. Все обучающиеся в ней объявлялись состоящими на военной службе, их обязали принять присягу и носить военную форму, на приобретение которой казна выдавала по 50 рублей. Во время обучения в Военно-медицинской академии все студенты стали получать стипендию в 300 рублей в год. Выпускники академии направлялись на службу по военному или военно-морскому ведомству, по окончании курса им выплачивались положенные

офицерам «обмундировочные» деньги. Инспекция академии заменялась курсовыми штаб-офицерами. Академия стала подчиняться, (до особого распоряжения) непосредственно военному министру, которым с начала 1882 года стал сменивший Милюкова генерал-лейтенант П. С. Ванновский.

Таким образом, академия из крупнейшего в России учебного и научного медицинского учреждения превращалась в узковедомственное привилегированное заведение. Ликвидация двух первых курсов академии и соответственно ряда общеобразовательных кафедр, а также сокращение числа студентов приводили к уменьшению научного потенциала этой старейшей высшей медицинской школы и не способствовали росту числа врачей, в которых в ту пору так нуждалась Россия.

«Трудно было примириться с мыслью, — писал один из сотрудников академии, профессор А. П. Дианин, — чтобы для такого учреждения… которое по богатству учебно-вспомогательных средств и по наличию ученых сил могло конкурировать с наиболее выдающимися западноевропейскими медицинскими школами… чтобы для такого выдающегося учебно-образовательного центра навсегда была отведена та скромная роль, которая была определена «Временным положением».

В интересах русской науки вообще и развития отечественной медицины в частности следовало надеяться, что академия с честью выйдет из того тяжелого положения, в которое она поставлена… стечением обстоятельств, и по устранению последних снова будет призвана к ее прежней почетной роли, которая для нее сложилась исторически: быть рассадником медицинских знаний в империи».

Бехтерева, однако, реформа академии затронула мало. Он и так уже три года носил форму военного врача, в клинике же душевных болезней, где он тогда работал, все в обновном оставалось по-прежнему, если не считать того, что всем сотрудникам пришлось облачиться в форменные мундиры. Однако 1881 год и в биографии Бехтерева оказался знаменательным: 4 апреля молодой ученый на заседании Конференции академии успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины.

Целью диссертационной работы, как писал Бехтерев, было желание «проследить отношение между явлениями психической жизни больных и состоянием их температуры тела в связи с другими явлениями, замечаемыми со стороны физической сферы…». В процессе исследования было изучено 60 больных с различными формами психопатологии. При этом обращалось внимание на колебания температуры тела больных в разные

периоды болезни, выявлялись температурные и другие вегетативные асимметрии. В процессе работы температура тела больных измерялась с высокой степенью точности (до 0,05 градуса).

Параллельно в эксперименте изучались изменения температуры тела у собак, которым через трепанационное отверстие в черепе наносилось раздражение различных зон коры больших полушарий.

Проведенные исследования позволили Бехтереву высказать следующие положения: 1. В коре мозга «существуют области, которые, будучи связаны с сосудодвигательной системой, имеют влияние как на образование тепла в теле, так и на потерю его с поверхности, и, следовательно, на регуляцию тепла в организме… 2. Эти термически действующие области в мозгу человека, так же как и у животных, помещаются в соседстве с психомоторными центрами». Рассматривая психические болезни как несомненное следствие расстройства функций мозга, Бехтерев ожидал, что при них могут быть объективные признаки, указывающие на возникающие в связи с поражением мозга изменения состояния различных органов и тканей. Своей диссертационной работой он подтвердил это положение, укрепив таким образом позиции сторонников материалистической основы психических болезней. В выводах диссертации Бехтерев писал и о том, что исследование температуры тела у душевных больных может иметь и определенное диагностическое значение. При этом он указывал наиболее характерные изменения температуры тела при определенных формах психопатологии.

Диссертация Бехтерева, являвшаяся его первой большой клинико-экспериментальной научной работой, подтверждала представления Сеченова и Боткина о роли нервной системы в жизнедеятельности всего организма, составившие фундамент учения о нервизме. Вскоре после защиты она была издана в виде монографии на русском и немецком языках.

В связи с заключением в июне 1881 года Берлинского договора между Россией, Германией и Австро-Венгрией несколько спало сохранявшееся после русско-турецкой войны напряжение в Европе. Это дало возможность Бехтереву и другим врачам, рекомендованным в институт для подготовки научных кадров, попасть наконец в это учреждение, призванное обеспечивать повышение квалификации лучших питомцев академии. Бехтерев к тому времени был уже доктором медицины. Осенью того же года по предложению Мержеевского он одновременно со своим коллегой по клинике доктором Эрлицким подал в Конференцию академии прошение о допущении к соисканию звания приват-

доцента. Предварительное рассмотрение кандидатуры Бехтерева было поручено комиссии в составе профессоров Мержеевского, Пашутина и Кошлакова. Комиссией кандидатура Бехтерева была признана «заслуживающей уважения», и 20 ноября Конференция решила допустить конкурента к чтению пробных лекций.

Соискателю звания приват-доцента полагалось прочитать на заседании Конференции две пробные лекции; тему одной из них выбирал сам соискатель, другая же читалась по заданной Конференцией теме. Первую лекцию Бехтерев прочитал по одному из вопросов клинической невропатологии, вторую — по психиатрии и в результате получил искомое звание приват-доцента. После этого ему разрешили чтение лекций по диагностике нервных болезней студентам пятого курса.

С июля 1883 года в связи с выслугой лет на 83 рубля 35 копеек повысился годовой оклад Бехтерева. А кроме того, семейный бюджет вскоре (с марта следующего года) пополнило жалованье по должности младшего врача психиатрической клиники. Занимавший ее врач Черемшанский стал директором одной из петербургских больниц. Освободившееся же место предложили Бехтереву.

«Начав заниматься по нервным и душевным болезням, — писал Бехтерев на склоне своих лет, — я должен был убедиться в том, что анатомо-физиологическая база этой важнейшей отрасли медицины до чрезвычайности не разработана и что развитие учения о нервно-психологических болезнях не может осуществляться без выяснения вопросов, связанных со строением и функцией мозга. В то время по отношению к мозгу имело полное для себя оправдание старинное выражение «Restura obscura, functiones obscurissimae» («Строение темно, а функции, весьма темны»). Желание пробить брешь в этой темноте, пролить в нее какой-нибудь свет и послушало основанием к тому, чтобы наряду с клиникой я с самого начала занялся изучением мозга и вообще принялся за разработку вопросов, связанных с его строением и функциями». Диссертация Бехтерева явилась первой его большой работой, пробивающей брешь в темноте незнания.

Став доктором медицины и приват-доцентом, Бехтерев получил больше возможностей для изучения интересующих его разнообразных вопросов морфологии и физиологии нервной системы. При этом он считал, что морфологические исследования представляют собой не самоцель, а необходимое звено в процессе познания функций нервной ткани; расстройство же функции нервных структур лежит в основе развития тех или иных патологических состояний, болезней. Тогда уже Бехтерев

учитывал, что отдельные функции нервной системы зависят обычно от работы многих отделов нервной системы.

Мозг находился в стадии изучении. Особенно спорными представлялись связи между скоплениями нервных клеток, формирующими так называемые ядра и узлы. Эти связи, состоящие из пучков нервных волокон, обеспечивающих проведение импульсов в одном и том же направлении, составляют проводящие пути мозга. Изучение строения и функциональной значимости отдельных мозговых зон и взаимоотношений между ними являлось важной задачей проводившихся в тот период нейроморфологических и нейрофизиологических исследований.

Восьмидесятые годы прошлого века и примыкавшие к ним десятилетия являлись временем многочисленных открытий в нейроморфологии и нейрофизиологии. Этот период для неврологов чем-то напоминал времена Великих географических открытий для мореплавателей. Знания о строении и функции мозга быстро пополнялись в эти годы трудами многих исследователей, но еще немало оставалось и спорного, непонятного, невыявленного. Совершенствованию познаний о мозге во многом способствовала разработка методов изучения нервной ткани и, в частности, ее окраски. Среди физиологических методов на первый план выступали различные способы раздражения и разрушения отдельных нервных структур у экспериментальных животных с последующим изучением — возникающих при этом изменений функционального состояния нервной системы. Важную дополнительную информацию давали и клинические наблюдения.

Совершенствуя свои знания в клинике душевных болезней, Бехтерев одновременно в совершенстве овладел всеми известными тогда методами изучения морфологии и физиологии мозга. Исследовательскую работу он вел самозабвенно и при этом ставил перед собой многообразные научные задачи, проявляя немало изобретательности я исключительную трудоспособность. 20 марта 1883 года общество русских врачей присудило Бехтереву серебряную медаль за работу «О вынужденных и насильственных движениях при разрушении некоторых частей центральной нервной системы».

К маю 1884 года, когда профессор Мержеевский предложил Конференции Военно-медицинской академии направить молодого ученого для дальнейшего совершенствования знаний в страны Западной Европы, список печатных работ его подопечного состоял из 58 названий. Помимо семи работ по теме диссертации, в этом списке были и статьи об особенностях строения спинного и

головного мозга («Об изменениях спинного мозга под влиянием перерезки нервных корешков», «О связи так называемых периферических органов равновесия с мозжечком» и др.), и описания клинических проявлений при некоторых болезнях нервной системы. Большое место занимали физиологические исследования органов чувств, точнее, тех отделов нервной ткани, которые обеспечивают проведение в мозгу идущей от органов чувств специфической нервной импульсации и обеспечивают формирование соответствующих ощущений. Среди последних были работы о структуре зрительной системы, о корковых территориях, участвующих в формировании осязательных и болевых ощущений, а также мышечного чувства, обеспечивающего осознание положения частей тела в пространстве.

Особый интерес представляла серия исследований морфологии и функции периферических и центральных органов равновесия, материалы которых нашли отражение в ряде статей и в обобщающей работе «Теория образования наших представлений о пространстве» (Спб, 1884). В них Бехтерев дал подробное описание строения органов равновесия и обеспечивающих поддержание равновесия тела нервных структур и показал, что эти структуры имеют значение не только в поддержании устойчивости тела и координации движений, но к тому же еще и «служат источником определенных ощущений». Вместе с ощущениями зрительными, слуховыми, осязательными и пр. они создают возможность ориентации в пространстве, расстройство же их функции ведет к расстройству пространственных ощущений. Провокацию этих расстройств можно вызвать вращением тела или же пропусканием через подзатылочную область гальванического тока. Бехтерев проводил такие опыты «над самим собой», что позволило ему дать подробную характеристику испытываемых при этом субъективных ощущений, возникающих в результате перевозбуждения органов равновесия.

Весьма важными были экспериментальные исследования Бехтерева, позволившие уточнить функцию расположенных в глубине головного мозга так называемых зрительных бугров.

Успехи Бехтерева в научной и практической деятельности привели к тому, что он приобрел широкую известность в среде русских неврологов. Мало того, он стал завоевывать признание и в Европе. Подтверждением этому явилось избрание его в 1883 году в действительные члены Итальянского общества психиатров.

Выдвигая Бехтерева в «кандидаты для заграничной командировки с ученой целью», Мержеевский в «Записке»,

адресованной Конференции Военно-медицинской академии, писал: «Ученые работы доцента Бехтерева относятся по преимуществу к клинике нервных и душевных болезней и к экспериментальной нервной патологии и по многочисленности своей, разнообразию затрагиваемых ими вопросов и оригинальности взглядов обнаруживают в их авторе весьма трудолюбивого молодого ученого, обещающего в будущем сделаться солидным невропатологом и прекрасным преподавателем».

Вместе с кандидатурой Бехтерева на заседании Конференции 21 апреля 1884 года рассматривались рекомендованные С. П. Боткиным для командирования за границу кандидатуры двух его сотрудников: клинициста С. В. Левашова и физиолога И. П. Павлова. Первый из них имел к тому времени 18 печатных работ, второй — 12. Из трех кандидатов на поездку в научную командировку должны были быть отобраны два. Конференция в этот день поручила рассмотреть выдвинутые Мержеевским и Боткиным кандидатуры комиссии, в которую, помимо этих наиболее заинтересованных профессоров, вошли профессора Тарханов и Манассеин. Тщательно изучив документацию, списки и реферативный обзор научных работ молодых ученых, на следующем заседании Конференции, состоявшемся 5 мая, комиссия огласила свое решение: все три кандидата «вполне достойны» направления в научную командировку, в связи с чем она обращается к Конференции с просьбой «подвергнуть их баллотировке». При тайном голосовании большинство голосов получили Бехтерев и Левашов. На период поездки за рубеж им было установлено повышенное жалованье «по шестому разряду», и, кроме того, из средств академии выплачивалось по 1200 рублей в год каждому. Такое материальное обеспечение направляемых за границу врачей позволяло им там не думать о хлебе насущном, а полностью посвятить себя изучению интересующих их научных проблем.

«Забаллотированным», таким образом, из трех кандидатов на научную командировку оказался один — самый старший по возрасту — И. П. Павлов, окончивший к тому времени Петербургский университет, прошедший курс в академии и успевший поработать в ней на кафедре физиологии ветеринарного факультета и в физиологической лаборатории при кафедре терапии, возглавляемой Боткиным. Вполне вероятно, что такое решение Конференции было воспринято им не без обиды. При этом одним из косвенных «виновников» сложившейся ситуации оказывался быстро прогрессирующий как врач и ученый Бехтерев, который был моложе Павлова на 9 лет. Можно

отметить, что в 1884 году судьба столкнула Бехтерева и Павлова уже второй раз. Впервые это было десять лет назад, когда второкурсник Бехтерев оказался одним из инициаторов студенческого бойкота профессору Циону, под руководством которого Павлов тогда очень хотел бы поработать, так как весьма ценил в этом консерваторе и реакционере редкое умение блестяще ставить эксперимент. По ходатайству Боткина Конференция академии позже все-таки разрешила Павлову выезд за границу на полтора года с начислением ему в этот период жалованья «по шестому разряду», но без дополнительного денежного обеспечения.

Бехтерев уже после решения Конференции академии о его направлении в научную командировку получил предложение занять должность доцента в Казанском университете, однако он предпочел воспользоваться возможностью дальнейшего совершенствования своих знаний и 1 июня 1884 года выехал в Берлин. Командируемые за границу сами составляли план своих занятий, им полагалось через каждые полгода пересылать в адрес Конференции академии отчет о проделанной работе.

В первом отчете Бехтерева сообщалось, что полтора месяца он провел в Берлине, где посещал лекции крупных неврологов Вестфаля и Менделя, знаменитого физиолога Дюбуа-Реймона, работая в лаборатории Кронекера в Физиологическом институте, осматривал лечебницы для душевнобольных. Ему хотелось задержаться в Берлине, но это не удалось сделать, так как в то время канцлер Германской империи князь Бисмарк резко ограничил срок пребывания в ее столице подданных иностранных государств. Им не разрешалось находиться в Берлине более шести недель подряд. В середине августа Бехтерев отправился в Лейпциг. Его привлекала возможность поработать в тамошней университетская клинике для душевнобольных, возглавляемой одним из крупнейших неврологов того времени — П. Флексигом. Особенно интересовали Бехтерева его нейроморфологические исследования. Флексиг разработал новый метод изучения мозга и его проводящих путей. Этот метод, известный как эмбриологический или метод развития, основывался на том, что формирование так называемой миелиновой оболочки нервных волокон, составляющих различные проводящие пути, происходит в процессе развития эмбриона неодновременно. Изучая мозг эмбрионов, погибших в различных стадиях развития, удается не только дифференцировать отдельные проводящие пути на срезах мозговой ткани, но и прослеживать ход этих путей в спинном и головном мозге. Внедрение в практику морфологических

исследований эмбриологического метода содействовало пониманию хода восходящих и нисходящих проводящих путей и, таким образом, позволяло установить ранее неизвестные связи между отдельными структурами мозговой ткани.

Бехтерев детально изучил эмбриональный метод исследования строения мозга и в дальнейшем широко его использовал в своей научной работе. Особым его преимуществом он считал применимость «в большей или меньшей мере к исследованию всех вообще или по крайней мере весьма многих отделов центральной нервной системы, и, следовательно, таких, в которых благодаря необыкновенной сложности их строения изучение хода пучков с помощью других методов или не дает точных результатов, или представляется вообще невозможным».

За первые полгода пребывания за границей Бехтерев написал шесть научных статей. Он подготовил за это время два раздела («О нервных путях головного и спинного мозга» и «Мозговые полушария») намечаемого в то время к изданию на русском языке коллективного руководства «Основания к изучению микроскопической анатомии человека и животных», опубликованного под редакцией М. Д. Лавдовского и Ф. В. Овсянникова в Петербурге в 1888 году.

С Флексигом у Бехтерева сложились дружеские отношения, которые в дальнейшем поддерживались в течение всей их жизни. В период пребывания в Лейпциге Бехтерев работал и в Физиологическом институте, возглавляемом знаменитым Людвигом.

Тогда же Бехтереву стало известно о новом университетском уставе, принятом в России, по которому на медицинских факультетах создавались новые кафедры нервных болезней и психиатрии, а также о том, что администрация Военно-медицинской академии и профессора Балинский и Мержеевский рекомендуют его на должность заведующего кафедрой психиатрии Казанского университета. М. И. Балинский, рекомендуя Бехтерева, писал: «…что плодотворность поразительна, он приходит быстро к выводам весьма смелым и решительным. Быть может, со временем не все ето заключения оправдаются, но, во всяком случае, он встал твердой ногою на почву анатомо-физиологическую — единственную, от которой следует ожидать дальнейших успехов в науке о нервных и душевных болезнях. Он в состоянии самостоятельно работать в этом направлении, проверять труды других ученых и руководить работой своих учеников».

В декабре 1884 года в Лейпциге Бехтерев получил официальное приглашение занять кафедру в Казани, подписанное

министром народного просвещения Деляновым. Предложение для молодого ученого было лестным. Однако, давая согласие, он поставил несколько условий: просил разрешения на пребывание в научной командировке да осени 1885 года, настаивал на организации в Казани клиники душевных болезней и учреждении дополнительной ассистентской должности при кафедре, а также просил о выделении средств для организации и оборудовании при Казанском университете специальной лаборатории по изучению нервной системы, в которой он мог бы продолжать ведение научных исследований. Министр вскоре сообщил о том, что все просьбы Бехтерева могут быть удовлетворены и ему надлежит явиться для занятия новой должности в Казани в 1885 году к началу нового учебного года.

Из Лейпцига Бехтерев, посетив по пути Кельн и Бонн, переехал в Париж, где ему прежде всего хотелось познакомиться с клиническим отделением, возглавляемым профессором Шарко. С самим Шарко Бехтерев встречался еще в Петербурге, куда тот приезжал проконсультировать одного из финансовых магнатов. Теперь в предместье Парижа Сальпетриере, где располагалась его клиника, Шарко принял Бехтерева как старого знакомого. Жан Шарко происходил из семьи ремесленников. В общении с коллегами был всегда исключительно прост, любезен, тактичен. Он сразу же заинтересовался привезенными Бехтеревым из Лейпцига морфологическими препаратами, изготовленными по эмбриональному методу Флексига. Сам же Шарко увлек молодого русского гостя «гипнотизмом», которому в то время уделял очень большое внимание.

Для вызывания гипнотического состояния Шарко воздействовал на пациента однообразными, монотонными или, наоборот, внезапными, резкими световыми или звуковыми раздражителями. Он убедился, что особенно легко поддаются гипнозу больные истерией, и даже одно время расценивал такое свойство как признак этой болезни. Им были выделены три стадии гипноза и впервые с помощью физиологических методик изучались вегетативные функции и состояние нервно-мышечной возбудимости у загипнотизированных. Именно Шарко был тем врачом, который впервые обратил внимание на то, что гипноз есть определенное физиологическое состояние, нуждающееся в изучении, что клинические проявления, возникающие под влиянием внушения и, в частности, гипноз могут объяснить многие чудеса и в том числе чудесные исцеления, мифы о которых веками передаются из уст в уста и поддерживают религиозные чувства в массах. Благодаря энтузиазму и авторитету Шарко методы гипнотического воздействия,

осужденные и признанные ненаучными Французской академией наук в 1840 году, вновь проникли в клиники, и 70–80-е годы XIX века вошли в историю психотерапии как «золотой век гипноза». В Сальпетриере под непосредственным руководством Шарко Бехтерев в совершенстве овладел методами гипноза и в последующем широко использовал их в своей врачебной практике.

О Шарко впоследствии Бехтерев напишет так: «Личность этого замечательного ученого произвела на меня глубокое, почти чарующее впечатление не только благодаря любезности и внимательности, с которой он относился ко мне, но и благодаря простоте изложения своих лекций».

Общение с Шарко, клиника которого в то время была своеобразной «Меккой» для неврологов всего мира, значительно расширило познания Бехтерева в различных областях клинической невропатологии. Позже он назовет Шарко «творцом современной невропатологии» и будет с удовольствием вспоминать его «простые, ясные, содержательные лекции», на которых «творилась сама наука», и подчеркивать выдающуюся роль Шарко в изучении многих болезней нервной системы и, в частности, мозговых инсультов, бокового амиотрофического склероза, рассеянного склероза, сирингомиелии, истерии.

Весной 1885 года Бехтерев тепло попрощался с великим французским неврологом и отправился в Мюнхен для ознакомления с клиникой и лабораториями широко известного тогда психиатра и нейроморфолога Гуддена. Летние месяцы 1885 года Бехтерев провел в Вене. Там его интересовали методы работы и научные достижения «старого знатока мозга» анатома и психиатра Мейнерта, внесшего немалый вклад в изучение строения и функции нервной системы в условиях нормы и патологии.

Командировка подходила к концу. На родине 28-летнего ученого ожидала кафедра в одном из старейших, славных своими научными традициями университетов России.

Глава 4
КАЗАНСКИЙ ПРОФЕССОР

24 июля 1885 года министр народного просвещения подписал приказ о назначении Бехтерева экстраординарным профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета. В начале осени того же года 28-летний профессор прибыл в Казань.

Поначалу на новом месте всегда непросто. Здесь же, в Казани, сделаться «своим» особенно сложно среди множества знаменитых, убеленных сединами маститых профессоров, имена иных ярко сияли на небосводе российской науки. Университет, куда пригласили Бехтерева, насчитывал к тому времени за своими плечами 80-летнюю, богатую событиями историю. Он открылся 14 февраля 1805 года. Один из самых крупных приволжских городов, Казань насчитывала в ту пору около 25 тысяч жителей и была своеобразной перевалочной базой между европейской частью России и землями на ее востоке. Через Казань проходили многочисленные обозы и караваны барж — иные в Москву и Петербург, другие же навстречу им — на Урал и в Сибирь. По Волге шли грузы в Симбирск и Астрахань, а из нее по Каспию дальше на Кавказ и в Среднюю Азию.

По мысли основателей Казанского университета, туда в первую очередь должны были приниматься дети дворян, владеющих землями в Поволжье и Прикамье. В задачи университета входило содействие укреплению связей центра России с ее окраинами и граничащими странами. Для этого в университете готовили специалистов самых различных профилей — начиная от ученых-востоковедов и кончая чиновниками-администраторами для управления восточными землями империи.

Империя испытывала острую потребность в образованных людях. Но в то же время правящие ее круги с настороженностью относились к распространению знаний, стремясь ограничить доступ к ним представителям низших сословий. В связи с этим министр народного просвещения и президент Российской академии наук адмирал А. С. Шишков в одном из своих программных выступлений говорил так: «Обучать грамоте весь народ или несоразмерное количество людей принесло бы более вреда, чем пользы; наставлять земледельческого сына в риторике — было бы предуготовить его быть худым и бесполезным или еще и вредным гражданином».

Назначавшиеся министерством просвещения попечители

нередко оказывались ярыми врагами просвещения. Так, возглавлявший в 1819 году Казанский учебный округ М. Л. Магницкий начал свою деятельность с увольнения девяти профессоров и предложения — «публично разрушить университет», который он рассматривал как «гнездо вольнодумства». Александр I на его докладе начертал резолюцию: «Зачем же разрушать, можно исправить». И Магницкий «исправлял» университетскую науку, делая все возможное, «чтобы дух вольности ни открыто, ни скрыто не ослаблял учения церкви».

Однако с годами Казанский университет наращивал свой научный потенциал, тесня религиозные догматы и выполняя роль светильника, огонь которого уничтожал тьму невежества и реакционного застоя. Успехами в своем развитии Казанский университет во многом был обязан тому, что с 1827 по 1846 год должность его ректора занимал выдающийся математик Н. И. Лобачевский, создавший новее направление в математике — неэвклидову геометрию. Он содействовал успеху работы всех кафедр университета, умело подбирал кадры, поощрял научную деятельность своих талантливых современников. На посту ректора его сменил И. М. Симонов, который в 1819 году участвовал в качестве астронома в легендарной экспедиции в Антарктику на шлюпках «Восток» и «Мирный», возглавляемой, Беллинсгаузеном и Лазаревым.

В Казанском университете, состоявшем с 1814 года из четырех (и в том числе медицинского) факультетов, работали такие выдающиеся деятели русской науки, как создатель синтетического анилина Н. Н. Зинин, автор способа получения этилена А. М. Бутлеров, основоположник востоковедения в России О. М. Ковалевский, патологи Ф. В. Овсянников и В. В. Пашутин, анатом П. Ф. Лесгафт, один из основателей нейрофизиологии Н. О. Ковалевский…

В Казани учились многие подлинные светочи русской культуры. Среди них С. Т. Аксаков и Л. Н. Толстой. И не просто учились, но и многое открыли для себя за время пребывания на студенческой скамье. Так, в студенческом сочинении о «Наказе» Екатерины II, выполненном по заданию профессора гражданского права Д. И. Мейера, Л. Н. Толстой отмечал, что «свобода при повиновении законам, не от народа происходящим, не есть свобода». Сам он признавал, что эта работа открыла ему «новую область умственного самостоятельного труда».

Преподаватели и студенты Казанского университета не раз проявляли чувства гуманизма и гражданственности, живо реагировали на политические события, происходившие в России.

Так, в 1858 году казанские студенты выразили протест по поводу идеалистической направленности лекций физиолога Берви. Возникший при этом конфликт лег в основу опубликованной в «Современнике» статьи Н. А. Добролюбова, после чего Берви вынужден был подать в отставку. В апреле 1861 года студенты Казанского университета организовали панихиду по убитым карателями восставшим крестьянам села Бездны Спасского уезда Казанской губернии. На панихиде по «убиенным за свободу и любовь к отечеству» выступил профессор истории А. П. Щапов. Он признал погибших «жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу», которые разрушили «неправильное сомнение, будто бы народ наш не способен к инициативе политического движения», и закончил свою речь призывом к борьбе за свободу и лозунгом: «Да здравствует демократическая конституция!» После этого крамольный профессор был арестован, а девять наиболее активных студентов исключены из университета.

Осенью 1861 года более 300 студентов устроили политическую демонстрацию, вошедшую в историю Казанского университета как «Октябрьский бунт». 46 участников демонстрации после этого были исключены из числа студентов. Среди исключенных был Д. В. Каракозов, который через пять лет на набережной Невы у Летнего сада совершил покушение на царя.

В 1870 году разыгралось так называемое «дело Лесгафта». Профессор физиологической анатомии П. Ф. Лесгафт осудил незаконные действия ставленника министра просвещения графа Д. А. Толстого — попечителя Казанского учебного округа П. Д. Шестакова в статье, опубликованной в одной из столичных газет. После этого «по высочайшему повелению» Лесгафт был из университета уволен «без права учебной службы» в будущем. Тогда же в знак протеста против самоуправства властей университет покинуло семь профессоров (Головкинский, Голубев, Данилевский, Имшенецкий, Левитский, Морковников, Якоби).

Казань ко времени приезда Бехтерева продолжала оставаться немалым для той поры городом. Развивавшиеся там кожевенное, мануфактурное, канатное, мыловаренное, свечное, кирпичное и прочие производства обусловливали постоянный рост фабричных рабочих. Вместе с тем наметилось некоторое снижение значения Казани как торгового центра. Раньше бурлацкий путь с низовьев Волги доходил только до Казани, где товары перегружались с баржей на гужевой транспорт. Появившиеся же недавно на Волге пароходы везли грузы мимо Казани до Нижнего Новгорода или Рыбинска. Ощутимый удар по карманам казанского купечества

нанесло и принятое в 1884 году решение Комитета министров, по которому «великий сибирский рельсовый путь» решено было прокладывать не через Казань, а южнее — через Самару — Уфу — Златоуст. Это, по сути дела, лишало Казань длительно выполняемой ею роли «окна в Азию».

Новым университетским уставом 1884 года фактически ликвидировалась традиционная автономия университетов. Должности ректоров университетов, деканов, заведующих университетскими кафедрами по новому уставу замещались не избираемыми Советом университета лицами, а людьми, назначенными приказом министра народного просвещения, так как «выборное начало, внедрившееся в наших университетах, не оправдало, к сожалению, возлагавшихся на него надежд». Уставом 1884 года университеты были всецело подчинены министерству народного просвещения и его представителям — попечителям учебных округов. Министерство теперь «во всякое время года, собственной властью» могло не только назначать на должности и увольнять профессоров, но и определяло состав экзаменационных комиссий, утверждало учебные планы и т. п. Попечитель же учебного округа имел право вникать во все детали университетской жизни, влиять на решения ректора, оценивать работу отдельных преподавателей, осуществлять мелочный контроль за преподавателями и студентами.

Особыми «Правилами», утвержденными в 1885 году, было определено, что в университеты можно принимать лишь лиц, которые могли предъявить свидетельство о благонадежности, выданное полицией. Инспектора университетов непосредственно подчинялись попечителям учебных округов и должны были сотрудничать с полицией и жандармерией, фактически становясь таким образом полицейскими чиновниками. В обязанности попечителей и инспекторов входило также подавление любых проявлений студенческой инициативы и самостоятельности. Студенческие собрания и сходки запрещались, «вне закона» объявлялись студенческие читальни, столовые, кружки, кассы взаимопомощи, землячества. Инспекторам предоставлялось право по своему усмотрению арестовывать студентов и помещать их в карцер. Плата за обучение в университетах увеличивалась в пять раз. Студенты должны были постоянно носить установленную форму.

Назначенный в 1884 году попечителем Казанского учебного округа П. Н. Масленников рассматривал университет как наиболее «крамольное» из подчиненных ему учебных заведений. Инспектор университета Н. Г. Потапов чуть ли не в каждом студенте видел врага самодержавия. Реакционное

законодательство способствовало проникновению в состав преподавателей людей, подчас далеких от науки, ретроградов, завистников, интриганов, доносчиков, старающихся угодить обладавшему почти неограниченной властью попечителю учебного округа.

Однако в Совете Казанского университета основную роль продолжали играть настоящие ученые, заботившиеся о подготовке квалифицированных специалистов, о развитии отечественной науки. Среди них был крупный терапевт Николай Андреевич Виноградов. В 60-х годах он работал в Медико-хирургической академии под руководством Шипулинского и Боткина. В Казани Виноградов воспитал целую плеяду высококвалифицированных терапевтов. На возглавляемой им кафедре впервые в Казани стали преподаваться нервные болезни. Лекционный курс по психиатрии, также созданный при терапевтической кафедре с 1866 года, читал директор строившейся в ту пору первой в России окружной психиатрической лечебницы А. Ю. Фризе.

Устав 1884 года предусматривал создание в университетах кафедр нервных и душевных болезней — дисциплин, преподавание которых в Казани уже в течение ряда лет велось на доцентских курсах разными специалистами. В связи с этим здесь решено было создать не одну общую для этих предметов кафедру, как это было в других университетах, а две самостоятельные кафедры. При этом кафедру нервных болезней занял прибывший из Москвы Д. П. Скалозубов, а кафедру психиатрии — В. М. Бехтерев.

Кафедру Бехтереву пришлось создавать заново. Ранее преподавание психиатрии сводилось лишь к чтению лекций без демонстрации больных. Теперь положение изменилось. Новой кафедре выделили несколько комнат в главном университетском здании. Там разместилась лаборатория. Преподавание же психиатрии решено было проводить на базе Окружной психиатрической лечебницы, которой с 1884 года руководил товарищ Бехтерева по Военно-медицинской академии Лев Федорович Рагозин. В студенческие годы Рагозин принимал участие в народническом движении, а позже всю свою неуемную энергию обратил на организацию в России медицинской, прежде всего психиатрической, помощи больным. Возглавляемая им в ту пору огромная по тем временам больница на 1000 коек обслуживала жителей девяти губерний, составлявших Казанский округ.

Бехтерев и Рагозин прекрасно понимали, что во многих

случаях они не могут обеспечить больных адекватным медикаментозным лечением, так как такого лечения просто не существовало, но они прекрасно понимали, что на душевное состояние больных во многом влияют условия их содержания, возможность занять досуг интересной, посильной и полезной работой. В Казанской окружной больнице они наложили строжайший запрет на все виды насилия над больными. К тому времени многие психиатры признавали целесообразным «нестеснение» своих пациентов, но в некоторых лечебницах не обходились без «смирительных камзолов» и других «успокоительных» мер подобного характера. Случалось, что санитары и смотрители занимались рукоприкладством, а то и попросту избивали своих подопечных. В результате между «опекунами» и «опекаемыми» возникали отношения, основанные на взаимной озлобленности, ненависти; создавался своеобразный «порочный круг», разорвать который могла лишь гуманность персонала. Бехтерев и Рагозин особое внимание стали уделять подбору и обучению обслуживающего больных персонала, отстраняя тех, кто относился к ним недоброжелательно, а тем более склонных к жестокости. Уже в отчете за 1887 год Рагозин писал, что во вверенной ему лечебнице строго соблюдается нестеснение больных и даже «в уходе за буйными и опасными больными не допускается и мысли об их связывании в какой-либо форме».

Много внимания в лечебнице уделялось трудотерапии: больными обрабатывались большой огород и садовый участок, для них были созданы мастерские, продукция которых давала даже некоторый доход. Все это позволяло получать дополнительные средства для улучшения условий жизни и лечения больных.

Следует отметить, что Казанская окружная психиатрическая лечебница была первым в России крупным государственным психиатрическим учреждением и потому являлась в какой-то мере экспериментальной. Во многом благодаря энергии и добросовестному отношению к делу Бехтерева и Рагозина «казанский эксперимент» оказался удачным, он послужил основанием к тому, чтобы правительство пошло на строительство подобных окружных больниц и в других зонах России. В конце XIX — начале XX века такие больницы были построены в Варшаве, Виннице, Вильно, Москве и Томске.

Окружная психиатрическая лечебница, на базе которой Бехтерев стал преподавать психиатрию, находилась в четырех верстах от города. Добираться туда было непросто, особенно в непогоду, но зато на лекциях можно было показать больных,

страдающих тем недугом, которому посвящалась лекция. Это придавало ей большую убедительность, излагаемый на лекции материал студентами лучше усваивался и запоминался. Лекции Бехтерева посещались охотно; послушать его нередко приходили студенты не только медицинского, но подчас и других факультетов университета: будущие естественники, филологи, юристы. С 1886 года по инициативе Бехтерева студентов доставляли на лекции в Окружную лечебницу в извозчичьих экипажах на средства университета.

Бывало, что на лекциях Бехтерева оказывались люди самых разных профессий: чиновники, лица духовного звания, любознательные мастеровые. Среди них можно было увидеть и рабочего булочной Алексея Пешкова — будущего великого пролетарского писателя Максима Горького. Позже о посещении лекций в Окружной лечебнице он вспоминал на страницах биографической повести «Мои университеты».

Голос у Бехтерева звучал глуховато, говорил он «окая» — по-вятски, речь строил просто и убедительно, избегая нарочитых ораторских фигур и тропов. Изложение велось ровно, а сказанное неизменно подкреплялось очевидными фактами. Как это обычно случается с хорошими лекторами, Бехтерев делал своих слушателей как бы соучастниками в отыскании научной истины.

Там же, на базе Окружной лечебницы, проводились и практические занятия по психиатрии. Эти занятия — по сути дела, курация отдельных больных — велись под руководством сотрудников кафедры и работающих в лечебнице специалистов. Они давали возможность студентам приобретать навыки общения с душевными больными и способствовали закреплению знаний, полученных на лекциях профессора и в процессе работы со специальной литературой.

На создание обещанной Бехтереву научно-исследовательской лаборатории министерство просвещения выделило 1000 рублей, на поддержание и расширение ее в последующем в смету университета включалась дополнительная сумма в 300 рублей ежегодно. Это позволило ему организовать в главном корпусе Казанского университета первую в России психофизиологическую лабораторию. Фактически она состояла из нескольких лабораторий, в которых изучались строение и функции нервной системы, ставились физиологические и психологические эксперименты. Работать в лаборатории могли все желающие. Помимо сотрудников кафедры психиатрии, исследования в ней под руководством Бехтерева проводили практические врачи из различных лечебных учреждений Казани. Были здесь и гистологи,

и физиологи, и окулисты, и терапевты. Дружески расположенные к Бехтереву профессора направляли к нему сотрудников для проведения совместных исследований, содействовали укреплению его лабораторной базы. К работе широко привлекались студенты. Всем здесь находилось дело. Многие подключались к исследованиям, проводимым самим Бехтеревым, некоторые приходили в лабораторию для того, чтобы подтвердить или опровергнуть собственные идеи. Бехтерев со всеми был приветлив, всегда готов оказать помощь словом и делом.

Возглавив кафедру и лабораторию, Бехтерев получил наконец возможность сосредоточить все свои силы на осуществлении давно задуманного плана: как можно лучше изучить нервную систему и все связанные с ее функцией клинические, психологические и социальные проблемы. Все, что было сделано раньше, рассматривалось им теперь лишь как своего рода «пристрелка». Наступило время начать планомерное познание сущности нервной и психической деятельности человека в условиях нормы и патологии.

К тому времени ученые знали, что мозг состоит из клеточных скоплений, имеющих сероватый цвет, и пучков нервных волокон, которые выглядят более светлыми, белыми. Клеточные скопления (серое вещество) составляют центральные отделы спинного и головного мозга. Из серого вещества состоят также и наружный слой (кора) мозжечка и больших полушарий.

Нервные волокна были описаны еще в конце XVIII века, нервные клетки — сравнительно недавно, лет за пятьдесят до описываемой поры. В деталях рассмотреть их строение позволили достигшие к тому времени значительного совершенства микроскопы. А успехи химии дали в руки ученых методы фиксации и окраски нервной ткани, обеспечивающие тонкую дифференциацию ее структур. Тогда же было установлено, что нервные волокна являются отростками нервных клеток, а среди отростков каждой из них можно выделить один маловетвящийся, обычно наиболее длинный — аксон или нейрит, тогда как другие отростки — дендриты — имеют меньшую длину и большее число ветвлений. К началу 80-х годов специалисты утвердились во мнении, что нервные клетки и их отростки составляют не бесконечную сеть, а являются элементарными единицами нервной ткани. Нервная клетка со всеми своими отростками получила название неврона или нейрона. Нейронная теория строения нервной ткани была создана в 1881 году немецким неврологом Вальдейером, а несколько позже испанский нейрогистолог Рамон-и-Кахаль сформулировал очень важный для понимания принципов деятельности нервной системы закон

динамической поляризации нервной ткани, согласно которому нервные сигналы (импульсы) движутся по неврону, как правило, в одном направлении: дендрит — тело клетки — аксон. Зона контакта аксона с дендритом или телом последующей нервной клетки английский нейрофизиолог Шеррингтон назвал синапсом («застежкой»). Цепи невронов, проводящие нервные импульсы в одном направлении и имеющие идентичное функциональное значение, составляют проводящие пути. — Входящие в их состав аксоны, имеющие большую протяженность, группируются в пучки, каждый из которых занимает в спинном и головном мозге строго определенное положение.

Когда Бехтерев возглавил кафедру, изучение тонкого строения мозга активно велось многими неврологами разных стран мира. Бехтерев принял в этой работе самое активное участие. Уже в 1885 году он описал одно из важнейших клеточных скоплений в стволе мозга, входящее в состав вестибулярной системы. Оно получило впоследствии название вестибулярного ядра Бехтерева.

Особое внимание Бехтерев уделял изучению проводящих путей. Это давало возможность выявлять взаимосвязь различных отделов мозга и судить об их функциональной значимости. Знание же функций отдельных структур мозга давало возможность по выявленному у больных функциональному расстройству судить о том, какие структуры их мозга поражены патологическим процессом. Многочисленные морфологические исследования, а также углубленное изучение накопившихся в литературе сведений по нейроморфологии позволили Бехтереву в 1892 году опубликовать в «Ученых записках Казанского университета» большую работу «Проводящие пути мозга», которая через год вышла в свет в виде монографии, вскоре переизданной на немецком языке.

Много внимания уделяя морфологическим исследованиям, Бехтерев продолжал и изучение физиологии в направлении, начатом трудами Николая Осиповича Ковалевского. С именем Ковалевского связано развитие и укрепление в русском естествознании и прежде всего в психофизиологии материалистических воззрений. Являясь современником И. М. Сеченова, Ковалевский разделял его взгляды на психические процессы как на результат деятельности мозга. Речь Н. О. Ковалевского на торжественном акте Казанского университета в 1876 году «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности», направленная против идеализма и метафизики, стала значительной страницей в истории материалистического естествознания. Заведующий кафедрой

физиологии Петербургского университета Н. Е. Введенский в 1906 году писал, что Сеченов «является у нас в области физиологии… новатором, и вслед за ним можно поставить разве только имя казанского профессора физиологии Н. О. Ковалевского». Высокую оценку деятельности Ковалевского давал и И. И. Мечников. На кафедре Ковалевского была хорошо оборудованная физиологическая лаборатория, основанная в 1858 году его учителем известным русским физиологом Филиппом Васильевичем Овсянниковым, к тому времени работавшим в столице в Российской Академии наук. В этой лаборатории совместно с одним из ближайших сотрудников Ковалевского, Николаем Александровичем Мислявским, Бехтерев смог провести целую серию экспериментов, в ходе которых изучалось влияние отдельных территорий коры больших полушарий на функции различных органов и систем подопытных животных.

В ходе собственных и совместных с Мислявским опытов Бехтерев немало сделал для развития идей нервизма, продемонстрировав связи отдельных зон коры с определенными внутренними органами и тканями и подтверждая таким образом влияние коры больших полушарий на вегетативные функции, а также функциональную специализацию отдельных территорий коры. При этом было установлено расположение в коре полушарий собак корковых областей, от функции которых зависят слезоотделение и зрачковые реакции, перистальтика желудка и кишечника, деятельность поджелудочной железы, печени, почек, состояние мочевого пузыря, работа сердца, состояние артериального давления и пр.

Бехтерев утверждал, что отдельные зоны коры выполняют определенные функции, но он не был «узким» локализационистом. Уже в 1887 году в статье «Физиология двигательной области мозговой коры» он писал: «…я вовсе не причисляю себя к числу авторов, которые смотрят на кору как на мозаику, состоящую из отдельных кусков различной окраски. Кора мозга, быть может, и уподобляется карте, разрисованной различными красками по отдельным участкам, но так, что соседние краски, понятно, смешиваются между собой, и при этом, может быть, на этой карте не существует ни одного участка, покрытого одним цветом, а не смешанного из множества красок». Эта мысль Бехтерева позже нашла развитие в учении И. П. Павлова о проекционных и ассоциативных полях коры больших полушарий.

Морфологические и физиологические исследования, проводимые Бехтеревым в лабораториях Казанского университета, легли в основу большого числа его публикаций и

продолжались в последующие годы в Военно-медицинской академии.

В 1885 году состоялся I съезд Общества русских врачей имени Пирогова, который положил начало профессиональному общению врачей в масштабе Российского государства. С этого года стали кооперироваться и врачи отдельных профессий и, в частности, психиатры. В январе 1887 года в Москве в течение восьми дней проходил I съезд отечественных психиатров. В нем принимали участие почти все отечественные психиатры и невропатологи и в том числе А. Я. Кожевников, С. С. Корсаков, В. Х. Кандинский, А. И. Рот, Л. Ф. Рагозин. Председателем съезда был избран учитель Бехтерева И. П. Мержеевский. И. М. Балинский приехать на съезд не смог из-за болезни. Бехтерев собирался в нем участвовать, однако выехать из Казани ему не удалось по семейным обстоятельствам. В адрес съезда им была направлена телеграмма с пожеланием «полного успеха его делам».

Психиатрия в то время находилась в стадии становления, и в связи с этим на съезде рассматривались прежде всего организационные вопросы и обсуждалась классификация психических заболеваний, разработанная В. Х. Кандинским. Тематика съезда Бехтерева весьма интересовала, он тщательно изучал его материалы.

Впоследствии Бехтерев сделал и самостоятельную попытку к созданию оптимальной классификации психических болезней. При этом к разделению их по клиническим признакам он отнесся очень осторожно и в связи с этим писал: «Сами по себе психические расстройства или симптомы в виде психического возбуждения, угнетения и безразличия, в виде нарушения в закреплении и оживлении следов, в виде расстройств сочетательной деятельности, ненормальных влечений и т. п. еще не говорят о сущности данного заболевания, как и другие симптоматические состояния из области внутренних болезней, например, водянка, желтуха, кашель и т. п., не говорят нам о сущности, того болезненного процесса, который лежит в их основе. Поэтому в симптоматическом отношении в известные периоды внешнее сходство имеют совершенно различные душевные болезни…» Наиболее целесообразной Бехтереву представлялась их классификация, основанная на представлениях об обусловливающих их развитие причинах.

Бехтерев считал, что «только наблюдение всей совокупности симптомов как психических, так и физических, та или другая смесь этих симптомов, их сочетание и течение, а равно и

исследование всего организма с физической стороны и, между прочим, в отношении его наследственного и, в частности, семейного расположения, в отношении возраста и телесного и умственного развития, в отношении присутствующих в организме отклонений или его индивидуальных особенностей, в отношении ранее перенесенных физических и психических болезней, а также бывших ранее излишеств того или иного рода или иных отягчающих моментов, дают тот материал, при сопоставлении которого мы получаем возможность правильно оценить данное психическое заболевание».

Будучи заведующим кафедрой психиатрии, Бехтерев занимался диагностикой и лечением нервных болезней. Он был уверен, что «психическая деятельность находится в полной и безусловной зависимости от деятельности высших корковых центров нервной системы и их взаимных связей между собой, в то время как поражение других центров и проводников нервной системы обусловливает разнообразные нервные болезни». В связи с этим Бехтерев считал, что между нервными и психическими заболеваниями нет четкой грани. Эта мысль подтверждалась тем, что нервные болезни нередко сопровождаются психическими расстройствами, а при душевных заболеваниях могут выявляться и признаки органического поражения нервной системы.

Отношения с заведующим университетской кафедрой нервных болезней Д. П. Скалозубовым, ранее служившим в Московской полицейской больнице, складывались не лучшим образом. В Казань он приехал несколько раньше Бехтерева, но продвижение его по службе шло медленнее. Работать в университете он начал в качестве приват-доцента, а ординарным профессором стал позже Бехтерева на два года. Его раздражали кипучая энергия Бехтерева, быстро возрастающие авторитет и популярность молодого ученого, его успехи в науке. Предложение Бехтерева о совместных исследованиях он встретил холодно. Все это побудило Бехтерева для работы с неврологическими больными искать лечебные учреждения, не входящие в клиническую базу университета. Такими учреждениями стали Казанский военный госпиталь, Губернская земская больница, где Бехтерев одно время даже заведовал неврологическим отделением, и Покровская земская больница.

Проведенные в этих лечебных учреждениях клинические наблюдения легли в основу многих научных работ но невропатологии, выполненных Бехтеревым в период его пребывания в Казани. Наиболее известной из них стала его статья «Одеревенелость позвоночника с искривлением его как особая форма заболевания», опубликованная в 1892 году в столичном

журнале «Врач». Описанное в этой статье впервые заболевание в настоящее время повсюду известно как «анкилозирующий спондилит», или «болезнь Бехтерева». Многие наблюдаемые Бехтеревым новые неврологические симптомы и оригинальные клинические наблюдения вошли в его двухтомник «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», изданный в Казани в 1894-м и 1899 годах.

Работая в Казанском университете, немалый интерес Бехтерев проявлял и к вопросам психологии и философии. Психологические исследования систематически проводились в созданной им Психофизиологической лаборатории. Здесь накапливались материалы, которые впоследствии легли в основу разрабатываемого Бехтеревым нового направления в психологии. Некоторые свои воззрения того времени на. психологические и философские проблемы он высказал, в частности, в годичной актовой речи «Сознание и его границы», произнесенной на традиционном торжественном собрании в день 84-летия университета 5 ноября 1888 года. В этой речи Бехтерев сделал критический анализ трактовки сознания в трудах немецких философов Лейбница, Фихте, Герберта, психолога Вундта, определив его как своеобразное, обусловленное деятельностью материальной, нервной ткани явление. Сознание он рассматривал как особое интегральное качество психики и при этом уделял внимание развитию сознания в процессе жизнедеятельности человека и соотношению сознательного и бессознательного. В этом раннем выступлении Бехтерева уже можно было проследить «…непрерывную связь стихийного материализма естественников с философским материализмом, как направлением…» (В. И. Ленин). Бехтерева нельзя считать философом, но его научные концепции имели материалистическую направленность. Уже на ранних этапах своей деятельности он выступал как сложившийся стихийный материалист, подобно многим другим выдающимся представителям русской науки — таким, как Менделеев, Тимирязев, Павлов.

Бехтерев всю жизнь оставался противником проникновения в учебные и научные учреждения бюрократии, формализма, казенщины. Он не терпел вмешательства в преподавательскую и научную деятельность некомпетентных чиновников, готовых ради соблюдения установленной свыше формы душить любую инициативу, гасить не предусмотренную уставными положениями живую мысль. Это приводило к тому, что у Бехтерева нередко складывались достаточно натянутые отношения с

администраторами. Так было и в Казани. Но если стоящие во главе университета лица не могли не оценить выдающихся деловых качеств Бехтерева, то «вознесенный» над ними попечитель учебного округа постоянно видел в нем лишь беспокойного, безмерно требовательного подчиненного, в любой момент способного к непредвиденным высказываниям и нежданным поступкам. Особенно же настораживало лояльное отношение ученого к «крамольным» поступкам и выступлениям студенческой молодежи, проявившееся, в частности, в период студенческих беспорядков 1887 года.

В 1887 году министр народного просвещения Делянов подписал распоряжение, ставшее известным как «циркуляр о кухаркиных детях», запрещавший принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Так как в университеты принимались только лица, окончившие гимназии, то циркуляр делал университетское образование практически недоступным для выходцев из народа, а университеты становились фактически привилегированными учебными заведениями. Это обстоятельство, а также нагнетание в университетах чиновничье-полицейских порядков вызывали возмущение студенческой молодежи. В Казани 5 ноября 1887 года студенты бойкотировали традиционный торжественный акт. Особенно же активно повели себя их московские коллеги, выступившие с требованием о демократизации университетских порядков. В результате университет был закрыт, среди студентов проведены аресты.

28 ноября о событиях в Московском университете стало известно казанским студентам. 1 декабря на квартире студента Ветеринарного института А. Скворцова собрались представители студенческих землячеств. Они решили провести совместную сходку студентов университета и Ветеринарного института, составили тексты прокламаций и петиции, адресованной правительству.

4 декабря с утра из рук в руки стала распространяться отпечатанная на гектографе прокламация. В ней говорилось: «Казанские студенты! Неужели мы не встанем на защиту попранных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста перед разыгравшейся во всю ширь реакцией?» Прокламация заканчивалась призывом к открытому протесту. Как писал позже в своих мемуарах один из свидетелей этих событий, студенческие беспорядки «в тот день начались самым буйным и неистовым взрывом». Большая группа молодых людей двинулась на сходку в Актовый зал университета. Закрытые на ключ двери распахнулись под напором толпы, и когда студенты уже начали

сходку, явился ненавистный инспектор Потапов. Он стал требовать, чтобы студенты «очистили помещение», и при этом одного из них схватил за руку. Тогда студент Алексеев нанес ему звонкую пощечину. «Рубикон» был перейден. Представитель власти подвергся «оскорблению действием» и был выдворен из зала. После этого бунтари потребовали для объяснений ректора.

Испуганный происходящим, ректор университета профессор Н. А. Кремлев стал уговаривать студентов прекратить беспорядки и разойтись по домам. Вместо этого ему вручили петицию, адресованную министру просвещения. В ней говорилось: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности тех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и предъявить правительству нижеследующие требования…» Студенческая сходка продолжалась около четырех часов.

После сходки 99 человек подали ректору заявление об уходе из университета и среди них — студент первого курса юридического факультета Владимир Ульянов. В ночь на 5 декабря арестовали многих из активных участников сходки. Вскоре последовал приказ об исключении их из университета и немедленной высылке из города.

5 декабря Казанский университет был временно закрыт. Отъезд исключенных студентов сопровождался митингами и демонстрациями. В изданной в связи с этим прокламации от имени ссылаемых говорилось: «Мы уезжаем из Казани с глубокой верой в правоту нашего дела», остающиеся призывались продолжать борьбу за демократизацию университетской жизни. Занятия в университете возобновились лишь через два месяца.

Многие профессора и преподаватели относились тогда к студентам сочувственно. Бехтерев, который сам в недавнем прошлом принимал активное участие в демократических выступлениях, всегда охотно предоставлял студентам для сходок аудитории в подчиненных ему учреждениях. Одного из активных участников революционного движения казанских студентов, П. А. Останкова, он привлек к активной работе на своей кафедре сразу же после его освобождения от ареста, а в последующем сделал его одним из своих ближайших учеников и помощников. Когда инспектор Казанского университета потребовал от профессоров сведения о студентах, отсутствовавших на лекциях в день студенческой сходки 4 декабря, Бехтерев, которому в тот день впервые пришлось читать лекцию в полупустой аудитории, официально сообщил, что у него на лекции присутствовали все.

Откровенно сочувственное отношение Бехтерева к студентам,

подвергающим сомнению справедливость правительственных законоположений, нагнетало неприязнь к нему попечителя учебного округа П. Н. Масленникова. После событий 1887 года власти стали обходить Бехтерева наградами и вниманием. Масленникова же эти события довели до инсульта, или, как тогда говорили, апоплексического удара. При этом у него отнялись левые конечности. Когда же состояние больного улучшилось и он получил возможность ходить, походка попечителя округа оставалась типичной для больных с неполным параличом половины тела. Ее особенности студенты-медики обычно характеризуют так: «Рука просит, а нога косит». В виварии при Психофизиологической лаборатории Бехтерева содержалась обезьяна, у которой в процессе эксперимента была разрушена двигательная зона правого полушария. Возникшие у нее расстройства были очень похожи на проявления болезни у Масленникова. Это подметили доморощенные остряки, и по университету пошел слух о том, что Бехтерев сделал из обезьяны копию. попечителя. В результате отношение попечителя к ученому еще больше ожесточилось.

В 1890 году Масленников умер от повторного острого нарушения мозгового кровообращения. Попечителем Казанского учебного округа был назначен ненавистный студентам бывший университетский инспектор Потапов. Многие к тому времени еще помнили, как горела недавно его левая щека после пощечины, но и Потапов не забыл об этом. Похоже, что министр, повышая Потапова в должности, руководствовался не иначе как известной пословицей: «За битого двух небитых дают». И новый попечитель старался полностью оправдать оказанное ему доверие.

Откровенная неприязнь к Бехтереву начальства отнюдь не ухудшила отношения к нему большинства коллег, а тем более студенческой молодежи. И студентов, и профессоров из числа свободомыслящих привлекали его целеустремленность, преданность делу, справедливость, умение настоять за себя и своих сотрудников. За время работы в Казани Бехтерев приобрел среди преподавателей не только доброжелателей, но также товарищей и друзей. Среди них были физиолог Н. А. Мислявский, окулист Е. В. Адамюк, хирурги В. И. Разумовский и М. Ф. Кондоратский, терапевт С. Н. Левашов, который когда-то учился в академии вместе с Бехтеревым.

В Казани заболел и вскоре умер старший сын Бехтерева Евгений. В 1887 году родился сын Владимир, а 1889 год ознаменовался рождением второй дочери — Екатерины.

Старший брат Николай, проработав 13 лет следователем, а

затем мировым судьей в Оренбургской губернии, с января 1889 года был назначен членом Пермского окружного суда. На летнее время он снимал дачу в 12 километрах от Перми в селе Нижняя Курка, на берегу Камы. Соседнюю же дачу Николай Михайлович арендовал для брата. В дни отдыха Владимир Михайлович с восьми часов утра уже писал на открытом балконе, куда ему подавали чай. Днем иногда катался с кем-нибудь из родственников на лодке, но непременно с книгой. После непритязательного, по большей части вегетарианского обеда отдыхал, иной раз перед тем поработав в саду или прокатившись на велосипеде. Проснувшись, обыкновенно пил снова чай и вновь садился за свои труды, подчас до поздней. ночи. На пермские дачи приезжал в гости с женой и дочкой средний из братьев Бехтеревых — Александр. Жил он в Златоусте, где служил в нотариальной конторе.

Время от времени братья бывали в Вятке — навещали мать, старались по мере возможности поддержать ее материально. Теперь она уже не нуждалась в квартирантах и в доме жила одна. Отрадой для нее были вести об успехах сыновей, особенно же Владимира.

Когда в мае 1892 года умер заведующий кафедрой нервных болезней Д. П. Скалозубов, ректор Казанского университета К. В. Ворошилов обратился к Бехтереву за советом: кем заместить возникшую вакансию? Бехтерев предложил молодого, но уже хорошо себя зарекомендовавшего невропатолога Ливерия Осиповича Даркшевича.

Даркшевич учился в Московском университете, где нервные болезни изучал под руководством А. Я. Кожевникова, затем проходил стажировку за границей. В 1888 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины и работал приват-доцентом Московского университета. Даршкевич, как и Бехтерев, много внимания уделял изучению морфологии мозга и к тому времени уже зарекомендовал себя высококвалифицированным невропатологом.

9 сентября 1892 года Даркшевич был назначен на должность заведующего кафедрой нервных болезней Казанского университета. В его лице Бехтерев нашел единомышленника, который смог создать при университете хорошо оснащенную кафедру, имеющую и клиническую, и лабораторную базы. Даркшевич поставил невропатологию в Казани на уровень, близкий к тому, который был в Московском университете и в университетах западноевропейских стран.

Опираясь на поддержку физиологов А. Я. Данилевского и Н.

А. Мирославского, гистолога К. А. Арнштейна, невропатолога Л. О. Даркшевича и других коллег, Бехтерев обратился к администрации медицинского факультета с предложением организовать научное неврологическое общество. К тому времени в Казани уже существовали общество естествоиспытателей, которое ставило своей целью изучение природы, санитарного и медицинского состояния Казанской губернии и прилежащих к ней территорий Волжско-Камского бассейна, и общество врачей, объединяющее медиков разных клинических специальностей и рассматривавшее главным образом общие и организационные вопросы медицинского обеспечения населения.

В своем представлении Бехтерев отмечал, что под словом «неврология» он понимает совокупность знаний о нервной системе как в нормальном, так и в патологическом состоянии, разрабатываемых невропатологами, психиатрами и т. д. «… Понимаемая в широком смысле неврология, — писал Бехтерев, — обнимает собой не только анатомию, физиологию и эмбриологию нервной системы, но и экспериментальную физиологию и так называемую психофизику, служащую, в свою очередь, связующим звеном между физиологией нервной системы и эмпирической психологией. Равным образом в ближайшем отношении к неврологии стоят и такие отделы клинической медицины, как невропатология и психиатрия с судебной психопатологией, которые имеют своей целью, так сказать, практическое приложение неврологических знаний у кровати больных и, во-вторых, касаются выявления болезненного состояния лиц «подсудимых». Далее он писал о том, что теоретические и клинические дисциплины, включаемые в неврологию, дополняют и обогащают друг друга. В связи с этим неврологическое общество должно «объединять представителей различных неврологических специальностей», обеспечивая «научное общение между ними, тот обмен мыслей и ту взаимосвязь, которые и служат гарантией успеха, а следовательно, и научного дела».

В апреле 1891 года Совет Казанского университета обратился в министерство народного просвещения с ходатайством о разрешении создания в Казани неврологического общества. К тому времени в России существовали общество психиатров в Петербурге и общества невропатологов и психиатров в Москве и Харькове. Просьба о создании неврологического общества в Казани министерство сначала отклонило «во избежание дробления ученых сил на отдельные кружки», порекомендовав при этом образовать особую секцию по неврологии при существующем уже обществе врачей. Но по настоятельному требованию Бехтерева осенью того же года ходатайство Совета

было повторено, и уже после этого 5 мая 1892 года министерство дало наконец согласие на создание неврологического общества при Казанском университете.

Первое заседание неврологического общества состоялось 29 мая 1892 года. Ректор Казанского университета профессор К. В. Ворошилов сообщил собравшимся о разрешении министерства создать в Казани новое общество и об утверждении разработанного ранее учредителями общества его устава. Председателем общества единогласно избрали В. М. Бехтерева, товарищем председателя — К. А. Арнштейна, секретарем А. Е. Смирнова, членами совета общества К. В. Ворошилова, И. М. Догеля и М. Я. Капустина. Затем было оглашено сообщение о том, что одна из местных купчих, некая Глебова, сделала щедрое пожертвование на нужды общества — целых две тысячи рублей.

После рассмотрения организационных вопросов с докладом «О современном развитии неврологических знаний и значении в этом развитии научных обществ» выступил Бехтерев. Он говорил о том, что «учение о нервной системе, имея теснейшее отношение к выяснению внутренней природы человека, как существа, отличающегося высшим умственным развитием, тем самым уже привлекает умы всего образованного человечества». Далее докладчик кратко изложил историю учения о нервной системе, дал определение понятию «неврология». Отметив при том, что «условия развития неврологии в настоящее время таковы, что ее многочисленные отделы разрабатываются представителями различных специальностей… Но нельзя, — говорил Бехтерев, — исследовать часть без целого, без знакомства со всеми другими отделами неврологии, и чем полнее это знакомство, тем более будет спориться работа… Имеется целый ряд важнейших вопросов неврологии, которые для своей разработки требуют не только различных методов исследования, но и участия в разработке различных специалистов».

Бехтерев подчеркивал важность создания научных обществ, которые могут объединять тех, кто занимается изучением различных граней неврологической науки. Он объявил, что к работе в неврологическом обществе приглашаются все, кто занимается анатомией, гистологией, эмбриологией, физиологией нервной системы, экспериментальной и эмпирической психологией, невропатологией, психиатрией, судебной психиатрией и т. д. Общество представляло единственную в своем роде возможность комплексного обсуждения различных вопросов о мозге и его деятельности в условиях нормы и патологии.

В докладе Бехтерев не удержался от напоминания о том, что «предложение об учреждении нового общества начало было

встречать противодействие со стороны отдельных лиц, которое нельзя было ни предвидеть, ни объяснить». Однако, сказал докладчик в заключение, «не будем в этот радостный для всех нас день вспоминать страничку, омрачившую историю первоначального возникновения нашего общества».

С 1893 года в Казани правлением неврологического общества стал регулярно издаваться его печатный орган — журнал «Неврологический вестник». Это был третий в России научный журнал, посвященный вопросам неврологии (ранее подобные журналы выходили в Петербурге и Харькове). «Неврологический вестник» регулярно выходил в свет до 1918 года, и бессменным его редактором все это время оставался Бехтерев.

Между тем весной 1893 года Бехтерев получил настоятельное приглашение начальника Военно-медицинской академии В. В. Пашутина занять в академии кафедру душевных и нервных болезней, освобождающуюся в связи с выходом в отставку учителя Бехтерева И. П. Мержеевского. Не так-то просто было покидать Казанский университет, которому отдано восемь лет жизни. В Казани Бехтерев приобрел большой клинический и научный опыт, преобразовал систему преподавания психиатрии, обеспечил кафедру клиническими базами, добился решения о постройке специального здания психиатрической клиники, создал великолепную по тем временам, многопрофильную психофизиологическую лабораторию, неврологическое общество, научный журнал. Работая в Казани, он опубликовал более 100 работ, в том числе первый вариант своей знаменитой книги «Проводящие пути мозга», начал создавать собственную научную школу.

Да, конечно, к Казани Бехтерев привязался душой, однако и предложение профессора Пашутина звучало лестно: ведь Петербург был не только столицей, но и крупнейшим научным центром, а Военно-медицинская академия являлась единственным в России специальным высшим учебно-научным медицинским учреждением. Жизнь в Петербурге и работа в академии давали больше возможностей для, осуществления жизненных планов находящегося в расцвете сил энергичного, необычайно трудоспособного профессора. Там все мерилось иными масштабами: большая клиника, многочисленный коллектив, прочная лабораторная база, широкое поле деятельности для педагогической, лечебной и научной работы, для пропаганды неврологических знаний. Там Бехтерев получал возможность возглавить не только психиатрическую, но и неврологическую службу, так как в Военно-медицинской академии преподавание психиатрии и невропатологии велось на

единой кафедре. Наконец он возвращался в свою альма-матер, туда, где он сам учился, где прошло его становление как врача и ученого, где оставалось немало его бывших однокашников, товарищей и друзей. Бехтерев ответил Пашутину согласием.

В сентябре 1893 года Бехтереву следовало прибыть в Петербург для занятия должности начальника кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии. Заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета назначался давний товарищ Бехтерева по Вятской гимназии и Военно-медицинской академии Н. М. Попов.

19 сентября состоялось последнее проходившее под председательством Бехтерева заседание Казанского неврологического общества. На этом заседании он объявил о своем отъезде. Коллеги просили Бехтерева оставить за собой пост редактора «Неврологического вестника», на что Бехтерев охотно согласился. В конце заседания ректор университета рассказал о заслугах Бехтерева в период его пребывания в Казани и благодарил его за проделанную работу, способствовавшую укреплению неврологической службы в университете и выдвинувшую Казанский университет в число крупнейших центров неврологической науки. Через несколько дней коллеги и друзья прощались с отъезжающим в Петербург семейством Бехтеревых.

Прибывший вскоре из Варшавы профессор Попов в первой же своей лекции, проходившей в переполненном Актовом зале университета, говорил о сложности своей миссии преемника такого крупного ученого, как Бехтерев, так как «высокоталантливый исследователь, всецело посвятивший себя разработке наиболее сложных и запутанных вопросов анатомии и физиологии нервной системы, профессор Бехтерев с полным правом может быть назван одним из самых компетентных специалистов современной эпохи». 31 октября 1893 года Казанское неврологическое общество единогласно избрало Бехтерева своим почетным членом. Связь с Казанью, с Казанским университетом Бехтерев поддерживал многие годы, практически всю жизнь. В 1915 году он был избран почетным членом Совета Казанского университета.

Глава 5
СНОВА В СТОЛИЦЕ

26 сентября 1893 года статский советник ординарный профессор Бехтерев был назначен начальником кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии и директором клиники душевных болезней Клинического военного госпиталя, на базе которой располагалась кафедра. Он возвращался в ту самую клинику, которую покинул, уезжая девять лет назад в заграничную командировку. Но уезжал он отсюда младшим врачом, а возвращался директором.

Теперь ему 36. За проведенные вне Петербурга годы он стал маститым профессором, в чинах вырос и теперь в академии должен носить мундир с двумя просветами на погонах[4]… Но главное — прошедшие годы были прожиты им в трудах и борении, и сам он стал более мудрым. Новое служебное положение открывало перед ним большие возможности. И Бехтерев воспользуется этим сполна.

Изменился за минувшие девять лет Бехтерев, но изменилась и клиника; она размещалась теперь в новом, лишь год назад построенном здании. И нетрудно понять досаду уходившего в отставку «за выслугой лет» Мержеевского, который так много сил вложил в создание этого великолепного, просторного помещения, создающего куда лучшие условия для больных и для занятий лечебной, преподавательской и научной работы.

Мечту о новой клинике Мержеевский вынашивал давно. В 1885 году он подал начальнику академии пространный рапорт о насущной необходимости строительства клиники душевных болезней. В старом помещении было тесно. Печное отопление создавало опасность пожара. Отсутствовала вентиляция. В таких условиях больным приходилось тяжко, да и сотрудникам нелегко. А между тем в задачу клиники и кафедры входило выполнение роли научно-методического центра для обучения не только студентов, но и прикомандированных врачей. В связи с этим, как мыслил Мержеевский, клиника должна стать эталоном, по образу и подобию которого со временем следовало бы преобразовать всю психиатрическую службу. Ему удалось убедить в этом начальника академии Быкова и военного министра Ванновского. Проектирование клиники поручили видному военному инженеру генерал-майору Войницкому. Тогда же была создана комиссия по строительству клиники во главе с находившимся в отставке профессором Балинским. Помощь Балинского и Мержеевского

позволила инженеру быстро завершить проект. Уже 16 декабря 1886 года его утвердил царь. Под строительство выделили четыре с половиной десятины земли — здесь же на Выборгской стороне между улицами Нижегородской (теперь Лебедева), Нюстадтской (теперь Лесной) и Самарской (теперь Боткинской). 24 мая 1887 года состоялась закладка здания клиники, а 24 июля 1892 года происходило официальное ее открытие. Клиника была рассчитана на пребывание в ней ста душевнобольных и состояла из главного трехэтажного здания и восьми двухэтажных павильонов, позволявших удобно разместить больных, соблюдая принцип их разделения по характеру недуга. В новом здании располагались также особые помещения для лабораторий и проведения учебных занятий. Особую гордость строителей составлял лекционный зал на 250 человек, в котором места для слушателей располагались амфитеатром. Для больных в клинике имелись спальные комнаты и отдельно — комнаты для дневного пребывания, а также для свидания с родственниками. Непривычными новинками оказывались читальня, бильярдная, гимнастический зал, зимний сад и хорошо оснащенные процедурные и физиотерапевтический кабинет.

Чтобы помещения для больных не походили на места заключения, проектировщики отказались от установки на окнах традиционных решеток. В палатах для беспокойных больных окна застеклили отличающимся исключительной прочностью корабельным стеклом. Отопление обеспечивалось водяными калориферами. Вентиляционные установки давали возможность подачи во все помещения свежего, при необходимости подогретого воздуха. Связь между отдельными службами клиники осуществлялась с помощью внутреннего телефона. Все это в ту нору являлось техническими новинками и позволяло говорить, что клиника оснащена буквально по последнему слову техники.

Успеху строительства клиники душевных болезней во многом содействовал профессор Виктор Васильевич Пашутин, ставший с 1890 года начальником Военно-медицинской академии. Родом он был из Новочеркасска. Учился в духовной семинарии, экзамены за курс гимназии сдал экстерном и в 1863 году поступил в академию, тогда еще Медико-хирургическую. На третьем курсе Пашутин увлекся физиологией, которую тогда преподавал И. М. Сеченов.

Сеченов к тому времени экспериментально доказал наличие в головном мозге лягушки центров, обеспечивающих торможение двигательных реакций, и назвал их задерживающими центрами мозга. Его работы, однако, встретили возражение немецких

физиологов. Возникла научная дискуссия. И в этот период студент Пашутин сумел поставить опыт, позволивший получить веские дополнительные аргументы в пользу высказанных ранее Сеченовым суждений. Тогда по предложению Сеченова была издана брошюра «Новые опыты над головным и спинным мозгом лягушки профессора Сеченова и студента Пашутина», в которой давалось подробное описание экспериментов, подтверждающих наличие в мозгу задерживающих центров. Эту брошюру Сеченов перевел на немецкий язык и вскоре издал в Берлине. Она обеспечила всеобщее признание его открытия.

Когда Пашутин окончил академию, он, как позднее и Бехтерев, был оставлен при ней в институте усовершенствования. Сеченов тогда оказался в годичной заграничной командировке. Молодой ученый стал работать в терапевтической клинике Боткина и в лабораториях химика Зинина, а затем возобновил занятия у Сеченова. Итогом проведенных им на разных кафедрах исследований явилась комплексная работа о ферментативных процессах в пищеварительном тракте, принесшая ему степень доктора медицины.

В 1874 году по настоянию физиолога Данилевского Пашутин был приглашен в Казанский университет на кафедру общей патологии. Ранее такие кафедры обычно возглавляли морфологи. Пашутин был первым патологом-физиологом, и потому с его именем оказалось связано создание, по сути дела, новой дисциплины — патологической физиологии (в настоящее время она является одной из основополагающих дисциплин в медицинских вузах. — *А. Н.*). В Казани Пашутин создал лабораторию экспериментальной патологии. Он написал книгу «Лекции по общей патологии (патологической физиологии), читанные студентам Императорского Казанского университета», изданную в 1879 году.

Через год Пашутина избрали на кафедру общей патологии Медико-хирургической академии, и вскоре он коренным образом изменил характер ее работы: почетное место в ней занял эксперимент, а физиология стала фундаментом изучения патологии. Именно такой подход стал преобладающим для подобных же кафедр, вскоре учрежденных на всех медицинских факультетах университетов. Многие из них возглавили ученики Пашутина.

Став в 1885 году ученым секретарем Конференции академии, Пашутин во многом содействовал постепенному исправлению ошибок, допущенных при реорганизации академиии в закрытое учебное заведение с 3-годичным сроком обучения в соответствии с «Временным положением» от 1881 года. Студенты

университетов переводились в академию неохотно. Пришлось создавать подготовительный курс, сначала один, а потом и второй; при этом стали восстанавливаться ранее ликвидированные общеобразовательные кафедры, необходимые для подготовки студентов к освоению специальных медицинских дисциплин.

После опубликования в 1884 году нового университетского устава Конференция приступила к разработке соответствующего документа для Военно-медицинской академии. Готовился он более пяти лет и был наконец утвержден в 1890 году. В том же году начальником академии стал Пашутин, зарекомендовавший себя энергичным, деловым человеком, прекрасным администратором. К тому же в отличие от своего предшественника Быкова он был признанным, авторитетным ученым.

Годом раньше Пашутин вошел в состав Медицинского совета при министерстве внутренних дел. По статье 386 действовавшего тогда «Свода законов» Медицинский совет являлся «высшим в государстве врачебно-ученым, врачебно-полицейским и врачебно-судебным местом». Исполнительным органом управления здравоохранением считался также входивший в состав министерства внутренних дел Медицинский департамент. С 1889 года им руководил отозванный из Казани Л. Ф. Рагозин. Пашутин и Рагозин по положению входили также в состав Военно-медицинского ученого комитета. Они содействовали назначению Бехтерева профессором Военно-медицинской академии, так как ценили в нем крупного ученого и организатора. Рагозина, кроме того, с Бехтеревым связывало старое чувство товарищества.

Основными сотрудниками Бехтерева на кафедре и в клинике оказались старший врач А. Ф. Эрлицкий и младшие врачи Б. В. Томашевский и П. Я. Розенбах, заместивший в 1885 году уезжавшего в Казань Бехтерева. Все они имели степень доктора медицины, ученое звание приват-доцента и участвовали в педагогическом процессе. Кроме того, при кафедре состояли приват-доценты без штатной должности: С. И. Данилло и Л. В. Блюминау. Приват-доцентов без должности разрешалось привлекать к преподаванию, но оплата им производилась лишь за фактически затраченное при этом время. Они составляли резерв для занятия штатных должностей в академии и в университетах.

Возвращение на кафедру бывшего ее питомца нередко встречает антагонизм со стороны тех, кто на ней работает постоянно: «Мы здесь упорно трудимся, терпеливо ожидаем вакансии, чтобы продвинуться по службе, а он где-то там порхал

и вдруг на готовенькое, как с неба, свалился на наши головы». И Бехтерева в клинике встретили настороженно. Удастся ли сработаться? Не потянет ли за собой помощников из Казани? К тому же все знали о неистовой трудоспособности Бехтерева и о том, что он будет требовать подобной же страстности в работе и от своих подчиненных. Эрлицкий к тому же, хотя и старался не подать виду, чувствовал себя несправедливо обойденным. Ему, как и Мержеевскому, на строительство новой клиники пришлось потратить немало сил, и где-то в глубине души он считал себя его законным преемником, тем более что он старше Бехтерева по возрасту; во время русско-турецкой войны был уже старшим ординатором госпиталя, получил боевой орден; звание приват-доцента ему было присвоено в один день с Бехтеревым, и чин у него был такой же, как у Бехтерева, — статский советник. В науке, правда, Эрлицкий не преуспевал. Но так ли это важно, если есть другие заслуги? — рассуждал обиженный ученый.

Опасения «старожилов» оказались не вовсе безосновательны. Уже 16 октября на заседании Конференции профессоров академии, на котором было официально объявлено об отставке Мержеевского и назначении на должность Бехтерева, вновь представленный профессор высказал просьбу о принятии на штатную должность в возглавляемую им клинику своего бывшего ассистента по кафедре душевных болезней Казанского университета П. А. Останкова. Просьбу Бехтерева Конференция уважила, а поскольку на кафедре вакансии не оказалось, Останкова назначили врачом для командировок с исполнением обязанностей ассистента по курсу нервных болезней, освободив для этого должность, временно занимаемую приват-доцентом Данилло.

Получивший в ноябре 1893 года звание приват-доцента, будущий крупный невропатолог и физиотерапевт Щербак по предложению Бехтерева сразу же был выдвинут на заведование кафедрой душевных и нервных болезней Варшавского университета, где заменил выехавшего в Казань профессора Попова. Вскоре «по семейным обстоятельствам» подал в отставку младший врач Томашевский. Освободившееся место занял проходивший в клинике усовершенствование Митрофан Степанович Добротворский, который в 1902 году после отставки Эрлицкого стал старшим врачом клиники и являлся одним из ближайших надежных помощников Бехтерева.

Первое же знакомство с клиникой убедило Бехтерева, что в этом современном, хорошо оснащенном лечебно-научном учреждении кое-что требовалось изменить. В клинике

применялись средства «стеснения». Беспокойных больных служители привязывали к койке, облачали в смирительные камзолы, а случалось порою и били, то есть делали то, что в Казанской окружной лечебнице признавалось недопустимым. Балинский о «нестеснении» когда-то говорил, что эта система «представляет только выражение справедливого, но преувеличенного негодования против злоупотреблений, никем не похваляемых», тогда как «уместное употребление насильственных механических мер, необходимое для поддержания порядка и спокойствия в заведении, полезно и безвредно». Мержеевский призывал избегать «помере возможности» физических воздействий при усмирении больных, но в то же время разрешал прибегать к ним «в крайнем случае». Такая инструкция фактически разрешала смотрителям и служителям применять по отношению к больным физические воздействия по своему усмотрению. На должности служителя зачастую определялись бездомные, ожесточенные жизнью люди, нередко склонные к спиртному. Ничто не мешало им вымещать на беззащитных больных свою озлобленность, а иногда и просто садистские наклонности. Такое, впрочем, случалось во многих психиатрических стационарах. Незадолго до описываемых событий служитель больницы святого Николая-чудотворца некий Осипов жестоко избил душевнобольного. Индицент получил огласку. Родственники больного подали жалобу в суд, и в итоге Осипов был приговорен к аресту на один месяц. А в пермском Александровском приюте служители нанесли тяжелые побои троим душевнобольным. Двое из них после этого скончались. У обоих оказались множественные переломы ребер. Газета «Волжский вестник», издававшаяся в Казани, поместила гневную статью своего пермского корреспондента и осуждала вообще порядки в психиатрических лечебницах и приютах. Бехтерев знал, что упреки газеты справедливы. Он сам наблюдал вскоре после вступления в должность директора клиники, как один из надзирателей распорядился надеть на больного смирительный камзол и перенести его из спокойного отделения в отделение для буйных без всяких к тому медицинских показаний.

Вопрос о прислуге остро стоял во всех психиатрических заведениях. Ведь к надзору за больными можно допускать лишь сердобольных и к тому же обученных гуманным методам обращения с душевнобольными людей. В клинике душевных болезней Клинического военного госпиталя Бехтерев решил сразу же ввести строгую систему «нестеснения». Уже 10 октября 1893 года он отдал первое письменное распоряжение: «Ни в коем случае на буйном и прочих отделениях не прибегать к

стеснительным мерам по отношению к больным…» В клинике он ортанизовал занятия с персоналом с целью обучения надзирателей, служителей и сиделок обращению с душевнобольными.

Опыт работы в Казанской окружной психиатрической лечебнице убедил Бехтерева в важности умело занять досуг больных. В клинике же пока что лишь женщины привлекались к починке больничного белья, да еще кое-кто из больных принимал участие в работах по двору. Правда, больные могли пользоваться читальней, а также играть в бильярд и даже музицировать. Но все это могло скрасить часы только выходцам из образованного класса.

Между тем если не все, то многие из больных могли бы регулярно выполнять посильный труд. И в клинике со временем появляются столярная и переплетная мастерская, женщины приобщаются к вязанию, вышиванию, плетению кружев и даже к росписи фаянса и фарфора.

Уже с весны 1894 года многие больные клиники систематически работали в огороде на ферме, расположенной по другую сторону неширокой Нюстадтской улицы. Там выращивали овощи и цветы, сажали фруктовые и декоративные деревья и кусты. На небольшой территории фермы прокладывались аллеи, строились беседки. Кроме того, больные помогали содержать в порядке оранжерею и зимний сад, находившийся на втором этаже главного здания клиники.

Продукция мастерских реализовывалась. Вырученные средства, как и суммы, получаемые за содержание и лечение платных больных-пансионеров, шли на нужды клиники, на улучшение питания больных. Этому же способствовал и урожай, собираемый в саду и огороде. Таким образом, труд больных способствовал улучшению их же быта. Уже в 1896 году выполненные больными женского отделения вышитые скатерти, кабинетные подушки, разрисованные ими фарфоровые изделия экспонировались на Нижегородской ярмарке.

Подумал новый директор и о развлечениях для больных. Еще Балинский каждое рождество организовывал для них елку. В 1894 году на елку в клинику приехали актеры петербургских театров. Получился хороший концерт. После этого на заработанные больными деньги было решено нанять руководителей хорового (регента) и драматического кружков. Концерты и спектакли в клинике стали устраиваться систематически. В них участвовали и сами больные, и студенты академии, и профессиональные актеры. С благотворительной целью в клинике выступали Савина,

Тартаков, Морской и другие известные в ту пору артисты. В 1896 году по распоряжению Бехтерева были закуплены необходимые для оформления сцены декорации, занавес, некоторые бутафорские предметы.

Не оставалось без внимания и внешнее оформление помещений. В палатах и комнатах для больных появились выращенные ими самими цветы. Цветочные клумбы украшали и вход в клинику. Летом на ферме устраивались пикники для больных. Им подавались фрукты, чай, всевозможные лакомства. Со временем на ферме появились и различные аттракционы — качели, «гигантские шаги» и т. п. Подлинным праздником для больных становились катания на лошадях — и летом и зимой. Небольшой пруд на ферме зимой превращался в каток, где желавшие могли покататься на уже входивших в ту пору коньках. И год от года увеличивалось число книг в библиотеке.

Вовлечение больных в работу, организация для них активного отдыха разительно меняли обстановку в клинике: больные освобождались от мучительных часов томительного безделья, их настроение стало гораздо лучше, а это в ряде случаев помогало восстановлению их здоровья.

Однако многие душевные болезни имеют хроническое течение, и страдающие ими больные со временем заполонили клинику. Среди них преобладали военные и члены их семей, содержание которых обеспечивалось за счет военного ведомства. Они занимали 80 из 100 штатных клинических коек. Перегруженность клиники хроническими больными не давала возможности знакомить студентов академии и прикомандированных к клинике врачей с острыми формами психической патологии. В составленном в связи с этим рапорте Бехтерева начальнику академии, датированном 16 декабря 1893 года, указывалось, что некоторые больные находились в клинике очень долго: дочь поручика Арсеньева — 22 года 5 месяцев, жена подпоручика Евдокимова — 27 лет 6 месяцев и т. д.

Уже к апрелю следующего года Бехтерев добился, чтобы 30 мест в клинике были определены «для бесплатного пользования душевнобольных гражданского ведомства взамен соответствующего числа лиц военного звания». Бехтереву, кроме того, было разрешено по своему усмотрению осуществлять обмен больными с Николаевским военным госпиталем и на бесплатные места госпитализировать любых профильных больных. Все это содействовало оживлению в клинике диагностической и лечебной работы и улучшению условий преподавания.

Преподавательской работе Бехтерев всегда придавал очень важное значение. Весьма серьезно он относился к разработке

учебных программ, лекционных материалов. Его лекции всегда богато иллюстрировались, на них демонстрировались больные. По инициативе Бехтерева в аудитории клиники была создана автоматическая система затемнения. На нее было затрачено 2350 рублей. Зато теперь лектор нажатием кнопки мог быстро зашторить все окна, что давало возможность пользоваться проекционной аппаратурой. В клинике накапливались учебные таблицы, рисунки, графики, муляжи, препараты мозга, предметы творчества больных… Все это со временем привело к мысли о создании при ней специального музея.

Несмотря на то, что на кафедру, которую возглавил Бехтерев, возлагалась задача обеспечить преподавание не только психиатрии, но и нервных болезней, в новой клинике для больных невропатологического профиля не было предусмотрено мест. Правда, с декабря 1892 года пришло разрешение развернуть для них 20 коек, но Мержеевский возможностей для этого так и не изыскал. Бехтерев же переселил из основного здания клиники 40 человек прислуги в сохранившийся на ее территории старый деревянный барак и в освободившихся комнатах создал неврологическое отделение на 20 коек. В этом отделении работали врач, фельдшер, четыре служителя и три сиделки. Бехтерев добился для них оплаты, соответствующей жалованью тех сотрудников, которые работали с душевнобольными.

Еще в 1887 году Мержеевский хлопотал о строительстве специального здания для клиники нервных болезней. Тогда военный министр ответил отказом «ввиду неимения особых средств… а главное — потому, что подобное устройство боевою готовностью армии не вызывается». Бехтерев оказался настойчивее своего предшественника и в 1895 году добился разрешения на строительство новой клиники нервных болезней. Проектировал его инженер-полковник В. Н. Зеленин. Сам Бехтерев принимал деятельное участие в разработке проекта здания. В нем намечалось разместить всего лишь 30 неврологических больных. Зато много места отводилось для лечебных кабинетов, мастерских, лабораторий. Здания клиник нервных и душевных болезней соединялись просторной теплой галереей, к ней примыкал фотопавильон со стеклянной крышей и цветолечебный кабинет, освещение в котором менялось с помощью цветных светофильтров, вдвигаемых автоматически между двойными рамами окон.

Особое внимание Бехтерев уделил проектированию и оборудованию нейрохирургического операционного блока, который располагался в центре второго этажа и состоял из

операционной, перевязочной и послеоперационной палаты. К его планированию Бехтерев привлек хирурга профессора Н. А. Вельяминова. Операционная имела три широких окна, над операционным столом свисала электрическая люстра из четырех ламп накаливания по 25 свечей. Новинками были и подача в операционную горячей воды, и водяное отопление, и возможность обработки операционного блока горячим паром.

Торжественное открытие клиники состоялось 19 ноября 1897 года. Этот день можно считать и днем зарождения отечественной нейрохирургической службы. В речи на открытии клиники Бехтерев говорил, в частности, следующее: «В настоящее время является несомненным, что целый ряд черепных заболеваний, некоторые поражения спинного мозга и периферической нервной системы служат поводом к хирургическому вмешательству. Установление диагноза поражения, требующего хирургического вмешательства, определение даже способа этого вмешательства и в настоящее время находится большей частью в ведении невропатолога — лишь выполнение операции принадлежит хирургам. Очевидно, что такое положение вещей не может быть признано нормальным, так как нельзя долго оставаться на полдороге. Либо хирурги должны изучать нервные болезни и таким образом являться во всеоружии у кровати такого рода нервнобольных, либо невропатологи должны основательно изучать хирургические приемы в пределах своей специальности и должны применять их в деле… Если нынешние врачи-невропатологи еще обращаются за помощью к хирургам, то будущее поколение уже не будет нуждаться в этом. Взявшись за нож, оно само будет выполнять то, что принадлежит ему по праву. Вот почему устройство операционной в клинике нервных болезней имеет огромное общеобразовательное значение, так как молодые невропатологи будут видеть, как на больных, которых они имели возможность наблюдать в своей клинике, производятся операции опытными хирургами, сами будут участвовать в этих операциях и следить за послеоперационным течением раны, дабы постепенным опытом и упражнениями могли и сами впоследствии, запасшись необходимыми сведениями, приступить к операциям в области мозговой хирургии».

Таким образом, организуя первую в России нейрохирургическую операционную, Бехтерев ратовал за создание нейрохирургии и подготовку нейрохирургов. Он считал, что нейрохирургами могут становиться хирурги, достаточно ознакомившиеся с невропатологией, а также невропатологи, овладевшие методами оперативных вмешательств на нервной

системе, при этом он отдавал предпочтение нейрохирургам из числа невропатологов.

Сам Бехтерев считал, что ему самому учиться нейрохирургической технике уже поздновато. Своих больных он не оперировал, но принимал деятельное участие в диагностике нейрохирургической патологии. При этом, как писал позже ученик и сотрудник Бехтерева В. П. Осипов, «его диагнозы в области нейрохирургии почти всегда были безошибочными». Бехтерев понимал, что хирургическое лечение сопряжено с риском, но считал более гуманным, рискуя, спасать больных, чем, не рискуя, выступать в роли наблюдателя там, где необходимо нейрохирургическое лечение.

Являясь большим знатоком строения мозга, Бехтерев подробно растолковывал хирургу необходимые сведения, активно участвовал в разработке методики будущей операции и этим во многом содействовал успеху нейрохирургического вмешательства. Один из хирургов академии, профессор М. С. Субботин, часто оперировавший в клинике нервных болезней, выступая в 1901 году на II съезде российских хирургов, в связи с этим говорил, что он находится в «счастливых условиях, так как оперирует вместе со знатоком мозговой патологии профессором Бехтеревым». В операционном блоке клиники нервных болезней, помимо Субботина, неврологических больных часто оперировали профессора Н. А. Вельяминов, Е. Н. Павлов, Р. Р. Вреден.

В операциях со временем все чаще стали принимать участие и некоторые невропатологи. Наиболее активным из них был ученик и один из ближайших сотрудников Бехтерева эстонец Людвиг Мартынович Пуссеп. По совету Бехтерева он изучал топографическую анатомию на кафедре профессора Н. А. Кругликовского, приобретал хирургические навыки под руководством Р. Р. Вредена и вскоре стал нейрохирургом высокого класса — первым нейрохирургом-невропатологом, который сам мог и распознавать заболевания нервной системы и оказывать хирургическую помощь неврологическим больным. Постепенно общие хирурги все реже стали приглашаться в нейрохирургическую операционную.

В лабораториях клиники Бехтерев вместе со своими сотрудниками и учениками продолжал многочисленные исследования по морфологии и физиологии нервной ткани. Расширение познаний о строении мозга служило основанием для пополнения материалов, опубликованных в работе о проводящих путях. Интенсивное накопление сведений по физиологии нервной системы побудило Бехтерева к работе над фундаментальным

многотомным трудом, названным впоследствии «Основы учения о функциях мозга». В то же время Бехтерев все больше внимания стал уделять изучению психологии; знание психологии он считал необходимым не только для врачей и особенно врачей — психиатров и невропатологов, но и вообще для всех людей, работающих с людьми, — педагогов, юристов, администраторов и т. д.

Однако психология в те времена основывалась главным образом на субъективных представлениях о сущности психических процессов. Выделившись из философии, психология оставалась чисто гуманитарной дисциплиной. Главным методом познания психологи считали самоанализ, проводя его обычно с откровенно идеалистических позиций. Опираясь на добытые таким путем сведения, они пытались судить о психике здоровых и больных людей, детей и даже животных. При этом они, как правило, даже не считали нужным увязать психические явления с физиологией мозга. Бехтерев же стремился к разработке представлений о психической деятельности, опираясь на достижения нейрофизиологии, и к созданию, таким образом, нового направления психологической науки. К осуществлению этой цели он приступил еще в период работы в Казанском университете. Там в 1888 году он прочитал актовую речь «Сознание и его границы». Эта же тема стала основной в его докладе «О локализации сознательной деятельности» на VI съезде Общества врачей в память Н. И. Пирогова, состоявшемся в Киеве в 1896 году.

В этом докладе Бехтерев обращал внимание на то, что «развитая психическая жизнь предполагает в нас признаки сознательной и бессознательной психической деятельности». При этом им отмечалось, что «мозг и вообще вся нервная система человека в постепенном развитии своих частей как бы повторяет те ступени развития мозга и нервной системы вообще, которые мы встречаем в последовательном восходящем ряду животных». Он утверждал, что «у новорожденных животных сознательную деятельность проявляют подкорковые центры, выполняющие у взрослых рефлекторную деятельность», но со временем сознательная деятельность «сосредоточивается в более высших центрах, выигрывая тем самым в своем развитии и совершенстве». Руководствуясь материалистическими принципами, Бехтерев четко связывал психическую деятельность вообще и сознание в частности с работой мозга. Он считал, что сознание должно быть свойственно не только человеку, но и животным, и при этом указывал на существенное качественное различие психической деятельности у животных, стоящих на разных ступенях

эволюционного развития и в разные периоды их жизни. Опираясь на данные собственных исследований, Бехтерев отмечал, что с возрастом нарастает функциональная специализация мозговой ткани и, в частности, различных зон больших полушарий. Этим он объяснял большую «способность к восстановлению утраченных центров у новорожденных животных», так как «у новорожденных животных, подвергнутых мозговой операции, заменяющая деятельность оставшихся мозговых областей представляется значительно более развитою, нежели у животных взрослых».

В докладе Бехтерева не все было бесспорным. Нельзя согласиться, в частности, с признанием элементов сознания даже у простейших организмов. Но главным следует считать материалистическую направленность основных положений доклада и стремление судить о психических функциях на основании не умозрительных представлений, а достижений нейрофизиологии.

В том же, 1896 году Бехтерев принимал участие в работе III Международного психологического конгресса в Мюнхене, на котором острая дискуссия разгорелась между представителями субъективно-идеалистической психологии (Штупф, Липпс и др.) и сторонниками материалистического направления развития этой науки. Приняв участие в дискуссии, Бехтерев с возмущением говорил о том, что «в конце XIX века среди ученых мира еще раздаются голоса, которые снова хотят отбросить психолога в область схоластики и догматики». Продолжая свою мысль, он охарактеризовал психологию как науку, которая должна строиться на материалистическом фундаменте, и подчеркивал приверженность взглядам на развитие психологии, которые ранее развивал И. М. Сеченов. «Наш прославленный физиолог Сеченов, — сказал тогда Бехтерев, — первым изучивший в 60-х годах задерживающие центры в мозгу, на вопрос о том, кто должен разрабатывать психологию, дал в результате продолжительной работы ответ — «физиологи». На того, кто, не проведя серьезных исследований в качестве физиолога и психиатра, назовет себя в будущем психологом, серьезные люди будут смотреть так же, как на человека, который считает себя архитектором, но не учился в технической школе или строительной академии. Это мое твердое убеждение».

В клинике Бехтерева Психологическая лаборатория была организована в 1895 году. В ней велись главным образом работы по экспериментальной психологии и клинической психофизиологии. Среди сотрудников лаборатории выделялся молодой талантливый выпускник Военно-медицинской академии Александр Федорович Лазурский. В 1900 году он блестяще

защитил диссертацию на степень доктора медицины о влиянии мышечных упражнений на мозговое кровообращение. Высокую оценку работе Лазурского дал, в частности, его официальный оппонент физиолог профессор И. П. Павлов. Широкую известность приобрела разработанная Лазурским методика «естественного эксперимента». Он создал новое направление в изучении человеческой личности.

В качестве начальника кафедры Бехтереву приходилось выполнять многочисленные обязанности и вне пределов руководимых им учреждений. Так, он сразу же вошел в состав Конференции профессоров академии, возглавляемой ее начальником. Здесь вместе с ним заседали и его бывшие учителя (анатом Тернецкий, хирург Вельяминов, химик Лебедев и другие), и ученые его собственного поколения, такие, как терапевт Пастернацкий, гигиенист Шидловский, хирург Субботин, химик Данин, биолог Холодковский, физиолог Павлов, — Иван Петрович Павлов…

Знаменитый уже и тогда коллега Бехтерева прошел к тому времени нелегкий путь в науку. После возвращения из зарубежной поездки он долго не мог получить профессорскую должность. Павлов рассчитывал на вакансию после ухода в апреле 1889 года с кафедры физиологии Петербургского университета своего духовного наставника И. М. Сеченова. Но ее занял ученик Сеченова Н. Е. Введенский. Павлов думал и о возможности занять подобную кафедру Томского университета. Однако министерством по одному ему понятным причинам туда был назначен зоолог Великий. Только весной 1890 года Павлов стал начальником кафедры фармакологии Военно-медицинской академии, а через пять лет в связи с отставкой профессора князя Тарханова он был переведен на должность руководителя кафедры физиологии. С 1891 года, кроме того, по приглашению принца Ольденбургского И. П. Павлов возглавлял физиологический отдел вновь создаваемого тогда этим меценатом Института экспериментальной медицины.

В 1895 году Павлов рецензировал книгу Бехтерева «Проводящие пути мозга», дал на нее положительный отзыв и тем способствовал решению Конференции академии о выделении субсидии в 700 рублей для ее переиздания. Переиздана книга была в переработанном и значительно дополненном виде в двух томах, которые вышли из печати в 1896 и 1898 годах. Историк медицины Г. В. Архангельский в 1965 году об этой книге писал следующее: «Среди наилучших руководств по изучению проводящих путей и центров головного и спинного мозга следует

отметить второе издание двухтомного труда В. М. Бехтерева, напечатанного в 1896–1898 годах. Оно было настольной книгой неврологов. Глубина и полнота изложения в этом руководстве материала делали его незаменимым пособием при написании учебников и монографий по семиотике нервных болезней, а также анатомических атласов. Многие схемы руководства В. М. Бехтерева использовал Раубер в своих знаменитых анатомических атласах, которые переиздаются и в наше время».

В ноябре 1900 года книга Бехтерева вошла в число выдвинутых на премию имени Бэра Российской Академии наук. На эту же премию была представлена и серия работ И. П. Павлова по физиологии пищеварительных желез. Комиссии, возглавляемой крупным патологом академиком Ф. В. Овсянниковым, трудно было отдать предпочтение тому или другому соискателю, и она вынесла такое решение: «Академия наук, признавая, что труды профессоров В. М. Бехтерева и И. П. Павлова одинаково заслуживают полную премию академика Бэра, положила согласно §8 Правил об этих наградах, соединить обе премии — полную в 1000 р. и половинную в 500 р. — и разделить сумму в 1500 р. между обоими авторами и выдать каждому по 750 р.». 29 декабря на торжественном заседании Академии наук двум замечательным ученым вручили присужденную им награду.

В 1894 году Бехтерев получил первый генеральский чин. В конце ноября того же года он был назначен «совещательным членом» Медицинского совета министерства внутренних дел, а в 1895 году — «совещательным членом» Военно-медицинского ученого совета при военном министре. Тогда же его включили в состав совета Дома призрения душевнобольных, учрежденного императором Александром III. Почти одновременно он получил извещение об избрании почетным членом Бельгийского и Нидерландского психоневрологических обществ и соответствующие дипломы. 15 мая 1899 года Бехтереву присудили почетное звание академика Военно-медицинской академии (с этого времени в печати его обыкновенно именовали академиком; встречая такое название, необходимо помнить, что в число членов Императорской, а позже Российской Академии наук он никогда не входил). Список почетных отличий щедрого на почести года дополнил диплом члена-корреспондента французского общества невропатологов.

Но награды соседствовали с заботами. Еще в 1894 году Бехтерев предложил пересмотреть положение о клинике душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии. Четыре года спустя, к 100-летнему юбилею академии, проект

Бехтерева был утвержден. Новое положение объединяло в единое лечебное учреждение клиники душевных и нервных болезней и подчиняло его начальнику академии. Улучшалось финансовое положение клиники, увеличивались права ее директора. Обновленная клиника превратилась в лечебный, научный и учебный центр, хорошо приспособленный для изучения и лечения неврологических и душевных больных, для преподавания нервных болезней и психиатрии, для ведения интенсивных научных исследований.

Созданную Мержеевским анатомо-физиологическую лабораторию Бехтерев разделил на лаборатории морфологическую и физиологическую и, кроме того, организовал лабораторию психологических и психометрических исследований, названную позже лабораторией объективной психологии. В дальнейшем для изучения изменений обмена веществ при различных заболеваниях им была организована лаборатория клинической химии.

Возглавляемая Бехтеревым клиника наряду с клиниками Московского университета стала крупнейшим в России центром по подготовке квалифицированных кадров невропатологов и психиатров. Число прикомандированных к ней врачей военных и гражданских ведомств постоянно возрастало. Так, к примеру, только в одном, 1897/98 учебном году в клинике Бехтерева, помимо штатных сотрудников, работали выпускники Военно-медицинской академии, оставленные в институте усовершенствования при ней для подготовки к преподавательской деятельности В. П. Осипов, А. В. Гервер, М. Н. Жуковский, А. И. Карпинский, А. Ф. Лазурский. От главного Военно-медицинского управления в клинике проходили стажировку врачи Текутьев, Трапезников, Иванов, Ларионов, Цитович, Мащенко, Мирский, Тонков; от гражданских ведомств — Бориншольский, Бруштейн, Сущинекий, Бари, Гольцингер, Левченко, Топорков, Наишевский, Тривус, Резников, Шипов, Гизе, Вирсаладзе. Кроме того, в клинике активно занимались лечебной и научно-исследовательской работой студенты академии Грибоедов, Рейц и другие. Большинство из перечисленных врачей и студентов, получавших подготовку под руководством Бехтерева, впоследствии стали профессорами, заведующими кафедрами, внесшими немалый вклад в развитие невропатологии, психиатрии и психологии.

Сам Бехтерев работал, как скажет потом один из его ближайших сотрудников, П. А. Останков, «упорствуя, волнуясь и спеша». Он заражал окружающих своим энтузиазмом, вовлекал их в интересную исследовательскую деятельность. Даже в часы

отдыха, во время прогулок в большом саду клиники Бехтерев, его сотрудники и ученики вели обычао беседы на профессиональные темы. Бехтерев, случалось, кого-то критиковал, с кем-то делился новой идеей, кому-то давал задание. «Помилуйте, — говорили о нем прикомандированные врачи, — нельзя с ним ни пройтись, ни проехаться — обязательно даст 2–3 темы или 2–3 поручения, да еще срочных». При этом, вспоминал Останков, он не подавлял инициативу младших коллег, всегда поощрял их работу по «своей» теме», с которой врачи приходили в клинику, а в ходе дискуссий умел выслушивать любые мнения. Иногда он их оспаривал, но никогда не злоупотреблял своим авторитетом и был чужд мелочности и злопамятности.

С ним работалось легко и свободно. Своим подопечным он старался помогать во всем: заботился об организации рабочего места, об обеспечении исследователя нужной ему аппаратурой, экспериментальными животными и т. п. При необходимости помогал и деньгами. Если возникала потребность овладеть новой методикой, разработанной лишь в зарубежной клинике, или приобрести за границей новое оборудование, требующееся для научной работы, Бехтерев направлял сотрудников в заграничную командировку. При этом оформление командировки проходило быстро. Как говорил Останков, «накануне решили, вечером — в берлинском поезде».

Для того чтобы сплотить большой врачебный коллектив своих клиник, сделать работу каждого достоянием всех, Бехтерев, несмотря на существование возглавляемого тогда профессором Мержеевским Петербургского общества психиатров, организовал еще одно. Называлось оно — «Научные собрания врачей клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии». 21 сентября 1895 года на первом собрании врачей клиники Бехтерев говорил: «При настоящем положении вещей, несмотря на большое количество лиц, занимающихся в нашей клинике, научное общение между ними если и существует, то все же как бы случайно, и часто бывает, что лица, работающие над тем или другим предметом в лабораториях или кабинетах клиники, не знают, над чем работает их сосед и какие научные интересы его занимают. Это почти обычный порядок вещей во всех больших лабораториях и научных учреждениях, который, однако, вовсе не заслуживает похвалы, если принять во внимание, как много поможет преуспеванию научного дела тот обмен мнений, который полезен и желателен не только для молодых научных работников, но и для лиц более опытных». В этом же выступлении Бехтерев призывал к коллективизму в работе, к взаимопомощи словом и делом и особо подчеркивал необходимость уважать мнение

каждого своего коллеги, независимо от его служебного положения, возраста и звания.

С 1896 года в Петербурге по инициативе Бехтерева и под его редакцией стал издаваться журнал «Обозрение психиатрии, неврологии, экспериментальной психологии и гипнотизма». С 1897 года регулярно выпускались «Отчеты научных собраний врачей С.-Петербургской клиники душевных и нервных болезней», также редактируемые Бехтеревым.

Трудоспособность Бехтерева была поразительной. В период с 1894 по 1905 год ежегодно выходило в свет от 14 до 24 научных работ. При этом следует иметь в виду, что Бехтерев никогда не ставил свою подпись под работой, написанной кем-либо другим. Все, что издано под его фамилией, написано его собственной рукой. Выполняя массу обязанностей, Бехтерев сам и с помощью своих сотрудников постоянно занимался экспериментальной работой, а также обследованием и лечением больных.

В процессе обследования каждого больного Бехтерев проявлял исключительную наблюдательность. Это давало ему возможность отмечать у больных никем не описанные ранее признаки (симптомы), многие из которых в специальной литературе стали называться его именем. Их выявление способствовало определению различных форм патологии нервной системы. Для объективизации данных обследования больных Бехтерев сконструировал и применил на практике множество приборов: болемер (альгезиметр) — для определения болевой чувствительности, трихестезиметр — для определения так, называемой волосковой чувствительности, барестезиметр — для проверки чувства давления, сейсмометр — для выявления нарушений вибрационной чувствительности, миоэс-гезиметр — для изучения болевой чувствительности при сдавливании мышц. Для исследования проводимости звука через кости черепа по замыслу Бехтерева его сотрудники Жуков и Добротворский разработали специальный прибор — остеоакузометр, представляющий собой камертон, непрерывность и равномерность звучания которого обеспечивались миниатюрным электромотором, подключенным к гальванической батарее.

Бехтерев разработал модификацию пружинного неврологического молоточка, позволяющего наносить удары дозированной силы и таким образом более обоснованно судить об интенсивности рефлекторных двигательных реакций, а также выявлять их асимметрию. Им сконструирован рефлексометр, дающий возможность измерения угла между бедром и голенью при проверке «коленного рефлекса». В возглавляемых Бехтеревым

лабораториях применялись и устройства, позволяющие получать графическую запись рефлекторных двигательных реакций, и, в частности, прибор конструкции Зоммера в модификации сотрудника Бехтерева — Срезневского.

Систематическое наблюдение за достижениями современной ему науки и техники и умение вычленять из потока текущей информации важное и перспективное для развития медицины и особенно невропатологии и психиатрии позволяли Бехтереву быстро реагировать на открытия и изобретения, заслуживающие серьезного внимания ввиду значимости в диагностике болезней нервной системы. Так, Рентген открыл неизвестные ранее лучи и получил первые рентгеновские снимки в 1895 году, а уже через несколько месяцев Бехтерев на очередном научном собрании врачей клиники говорил: «Хотя на первый взгляд кажется, что невропатологи и психиатры с меньшим успехом сумеют пользоваться этим способом, чем хирурги и акушеры-гинекологи, так как им приходится иметь дело с тканью, заключенной в малопроницаемую для рентгеновских лучей костную оболочку, но в действительности дело обстоит не так безнадежно». Он отметил тогда, что выявление дефектов строения черепа и позвоночника может дать много полезных сведений для суждения о состоянии нервной ткани. Он надеялся, что в процессе совершенствования методов рентгенологического обследования когда-нибудь, возможно, удастся получать «снимки извилин мозга, видеть различные патологические процессы в сером и белом веществе головного мозга». Задолго до разработки применяемых ныне методов он предвидел, что «сосуды головного мозга могут быть сфотографированы». В 1897 году работавший в клинике Бехтерева студент Г. Вихрев демонстрировал изобретенный им стереоскоп, позволявший видеть стереоскопические рентгеновские изображения. Бехтерев тогда отметил большое значение этого прибора в рентгенологии сосудов, так как он позволит выявить их взаимное расположение. Бехтерев одним из первых указал на возможность биологической активности рентгеновских лучей. В 1897 году его сотрудник Л. М. Пуссеп сделал сообщение «О влиянии рентгеновских лучей на возбудимость мозговой коры». А в 1904 году Пуссеп сделал доклад о биологических свойствах лучей радия.

Накопленный Бехтеревым в 90-х годах клинический опыт дал ему возможность издать в 1899 году второй том книги «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», а через год — первый том книги «Неврологические и психиатрические наблюдения». В этих сочинениях Бехтерев продолжил разработку семиотики нервных и душевных болезней и описал, в частности, извращения зрачковых

реакций, произвольное расширение зрачков, некоторые болезни нервно-мышечной системы, различные формы навязчивых страхов, изменения артериального давления, сердечного, дыхательного ритмов при поражении у человека определенных территорий коры больших полушарий мозга, редкие варианты эпилепсии, острых нарушений мозгового кровообращения, одеревенелости позвоночника (болезни Бехтерева). Там же содержатся клинические наблюдения сочетания своеобразных насильственных движений с периодически возникающими эпилептическими припадками — это сочетание симптомов Бехтерев назвал хореической падучей. Описание многих патологических состояний сопровождалось объяснением обусловивших их причин. Происхождение некоторых форм патологии Бехтерев объяснял нарушениями биохимических процессов в тканях. Много внимания он уделял рефлекторным механизмам некоторых болезненных явлений.

В своей врачебной практике Бехтерев стремился к комплексному применению лечебных мероприятий. При этом он отказался от еще применяющихся тогда «истощающих» методов воздействия на душевнобольных — рвотных, слабительных средств, клистиров и т. п. и отдавал предпочтение методам лечения, укрепляющим организм. В клинике душевных и нервных болезней широко применялись успокаивающие и тонизирующие лекарства, а также в необходимых по показаниям случаях — противовоспалительные, противоотечные и другие препараты, и такие процедуры, как электролечение, светолечение, механотерапия, массаж, гимнастика. При лечении некоторых болезней позвоночника проводилось его вытяжение. С каждым годом расширялся круг болезни нервной системы, при которых помощь больным оказывалась хирургическими методами — пункции, блокады, операции на периферических нервах, спинном и головном мозге.

В 1895–1896 годах в печати развернулась дискуссия *о* целесообразности постельного содержания душевнобольных в дневное время. Выявились как категорические противники, так и сторонники такого режима в психиатрических учреждениях. Бехтерев поручил своим сотрудникам В. П. Осипову и А. В. Трапезникову провести выборочные наблюдения за больными, создав некоторым из них возможность пребывания в постели в дневное время. Уже в 1897 году он сделал по этому поводу предварительные выводы, которые сводились прежде всего к отрицанию крайностей и неприятию шаблонов. Бехтерев признавал, что постельный режим может быть целесообразен для определенной группы больных, так как он «дает отдых мышечной

ткани, умеряет и облегчает сердечную деятельность, изменяет функцию дыхания, способствует более равномерному распространению крови в организме и устраняет в то же время массу раздражающих физических и психических влияний, успокаивает возбуждение больных и их душевные аффекты и в то же время уменьшает траты организма, предупреждает физическое истощение». Исходя из этого, он считал постельное содержание показанным в ряде случаев для беспокойных больных, а также больных истощенных, слабых, имеющих те или иные тяжелые общие соматические заболевания. При этом он категорически возражал против попыток насильственного удержания больных в постели как физическими методами, так и применением наркотических препаратов, расценивая такие попытки как «отзвук варварской системы удерживания», который «безусловно позорит те учреждения, где практикуются подобные мероприятия». Постельное содержание, отмечал далее Бехтерев, не исключает в то же время для больных прогулок и даже выполнения ими умеренного физического труда, развлечений. Он указывал на желательность содержания больных, находящихся на постельном режиме в отдельных палатах с постоянно открытыми или даже снятыми дверьми. Подход к определению режима должен быть индивидуальным. В опубликованных через год статьях Осипова и Трапезникова отмечалось, что постельное содержание имеет и недостатки, а потому не следует делать его слишком долгим, и при возможности таких больных надо переводить на общий режим.

В процессе лечения Бехтерев большое внимание уделял различным методам внушения. Наиболее рациональным он признавал внушение на фоне гипноза, которым владел в совершенстве еще со времен пребывания в Сальпетриере, в клинике Шарко.

В России врачи гипнозом занимались тогда мало. Этот метод еще в 80-х годах дискредитировал приезжавший из Германии гастролер, как тогда его называли — «магнетизер». Ганзен. В одной из великосветских гостиных он давал такой, с позволения сказать, «спектакль», разумеется, платный, однако никого так и не сумел загипнотизировать. На спектакле гастролера были врачи. Один из них разыграл загипнотизированного пациента и ввел таким образом в заблуждение «маэстро», который не смог отличить искусное притворство от истинного состояния гипноза. После этого Ганзену пришлось прекратить гастроли и покинуть Россию. Наблюдавший проделки шарлатана профессор Мержеевский добился решения Медицинского совета, членом которого он являлся, об ограничениях применения гипноза во

врачебной практике. Прибегать к гипнозу врачи после этого имели право только с разрешения администрации своих лечебных учреждений и обязательно в присутствии второго врача. Это решение Медицинского совета Бехтерев считал неверным; и когда на одном из Пироговских съездов был поднят вопрос о снятии ограничений на врачебный гипноз, Бехтерев это предложение поддержал. В Медицинском совете ему удалось настоять на снятии требований, ограничивающих применение гипноза в лечебных целях. Сам Бехтерев в лечении больных пользовался внушением и внушением под гипнозом, еще работая в Казани, и в дальнейшем все шире применял эти методы в своей практической деятельности. Когда в юбилейном для Военно-медицинской академии 1898 году Владимиру Михайловичу предложили выступить с актовой речью на годичном собрании Конференции, он посвятил ее роли внушения в общественной жизни.

В этой речи Бехтерев отмечал, что в отличие от логического убеждения, которое «входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, усваивается нами путем обдумывания и осмысленной переработки, становясь прочным достоянием нашего «я»… внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица другому, — прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания».

Элементы внушения могут иметь характер приказания или личного примера. «Команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи… пример тоже может действовать как внушение, ведущее к совершенно невольному и безотчетному подражанию… Внушение, — говорил Бехтерев, — действует путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике… внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем увлекательной и взволнованной речи, жестов, мимики».

Пути передачи психического состояния с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути передачи мыслей путем убеждения. Поэтому «внушение представляет собой гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение. Последнее может действовать только на лиц, обладающих сильной логикой, тогда как внушение действует… еще в большей степени на лиц, обладающих недостаточной логикой». Однако и «на интеллигентных лиц, обладающих вполне развитой логикой,

внушение действует вряд ли менее сильно…»

При лечении исключение сознательного критического восприятия внушаемой информации может достигаться путем гипноза, который, по мнению Бехтерева, представляет собой «не что иное, как искусственно вызванный видоизмененный нормальный сон» с «сужением сознания», при сохранном, однако, контакте с гипнотизером. «У загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушение и действует на него столь подавляющим образом». Но гипноз для внушения вовсе не обязателен. «У некоторых и в бодрствующем состоянии оно не сложнее, чем в гипнозе».

Особенно податливы внушению впечатлительные, эмоциональные люди, склонные принимать на веру любую, даже самую неправдоподобную информацию, люди, обладающие истерическими чертами характера. «При этом, — считал Бехтерев, — не подлежит сомнению, что восприимчивость их к внушению происходит в нормальном психическом состоянии. Но суть в том, что эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия». Этим он объяснял, в частности, и быстрое достижение при лечении внушением некоторых патологических состояний желаемого эффекта. Внушение особенно эффективно при лечении различных клинических проявлений истерического невроза, припадков, параличей, нарушений чувствительности и т. д. Именно таких больных Бехтерев обычно демонстрировал студентам и врачам на читаемых им ежегодно лекциях о внушении в бодрствующем состоянии и в гипнотическом сне.

При отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого, как отмечал Бехтерев, целительное значение иногда могут приобретать такие виды внушения, как всяческие выкрутасы знахарей, прикосновение королевской руки, прием хлебных пилюль, простой воды и увещевания церковников. Все, что по мнению больного, обладает магической силой, может оказать на него ожидаемое целебное воздействие. И напротив — гибельным может оказаться неосторожное замечание врача, которому больной всецело доверяет.

Бехтерев обращал внимание на большое значение ненамеренных внушений в бодрствующем состоянии, которое обычно бывает взаимным, но при этом «более доверчивые натуры легче поддаются психическому внушению». «Внушение, — говорил Бехтерев, — происходит исключительно при посредстве органов чувств». При этом он обращал внимание на то, что «все попытки доказать передачу мыслей на значительные

расстояния… рушатся тотчас же, как только их подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено, в сущности, ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний. Поэтому, — продолжал он, — не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанной».

В актовой речи Бехтерев подчеркивал «повсеместность» невольного внушения. У людей, совместно живущих, часто общающихся друг с другом, со временем возникает «психический взаимообмен», чем и объясняется сходство длительно находящихся в браке людей, особенно явное при счастливых браках. Путем невольного внушения могут распространяться зевота, икота, заикание, судороги, порой даже массовые самоубийства, примеры которых в истории нередки. Под влиянием внушения могут возникать и так называемые «наведенные помешательства». Бехтерев подчеркивал, что «особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются между прочим иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих людей одновременно». Их примером могут служить миражи, возникающие подчас у совместно путешествующих в море или в пустыне, массовые религиозные и мистические видения. Бехтерев рассказал, как во время эпидемии холеры в 1885 году на холме у часовни близ деревни Корано недалеко от Неаполя многие видели мадонну в черном. Видение привело к паломничеству массы людей в зону, где свирепствовала страшная инфекция. Чтобы избежать распространения эпидемии, власти Италии вынуждены были часовню перенести в другое место, а холм занять подразделением карабинеров. Массовому обману чувств способствует наличие в данной среде общности настроения, мыслей, опасений, особенно если в коллективе имеются лица с неуравновешенной психикой.

Внушение, как правило, сочетается с взаимовнушением и самовнушением, которые могут привести к психическим эпидемиям. Их характер определяется в значительной мере господствующими в данный период воззрениями. Так, для XVI века были характерны эпидемии колдовства, для XVII века — бесноватость, одержимость, для XIX века, как отмечал

Бехтерев, — мания величия и преследования.

Мистические идеи, суеверия путем внушения и самовнушения распространяются, как огонь по бикфордову шнуру, и ведут подчас к развитию разного рода конвульсий, например, так называемой «пляски св. Витта». В XVIII веке на могиле дьякона Пари на Сан-Медарском кладбище в Париже собирались тысячи паломников, которые устраивали такие вакханалии, что король должен был отдать приказ о закрытии кладбища. К эпидемиям бесноватости предрасполагали принятые в монастырях неприемлемые для молодых, физически здоровых людей правила строгого аскетизма.

Оценивая с материалистических позиций учения о внушении широко распространившийся в конце XIX века спиритизм, Бехтерев привел высказывание по этому поводу своего старого товарища И. А. Сикорского:

«Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнавания через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее — вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев. Как и прорицания сектантов лишены смысла и по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, так и то, что успели «сообщить» спиритам духи, совершенно посредственно или ничтожно и, как отметил английский философ Карпентер, «не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни».

Внушенная мысль о неминуемой опасности является причиной паники, которую можно рассматривать как своеобразную психическую эпидемию. Следствием внушения Бехтерев считал и религиозный фанатизм, охватывающий нередко большие массы людей; эту мысль он подтверждал, в частности, ссылкой на крестовые походы, обусловленные внушенной их участникам идеи о спасении святого гроба господня.

Внушение, взаимовнушение, самовнушение явственно проявляются в человеческих коллективах. Если даже группы людей формируются по убеждению, то вскоре в них «ведущая роль, несомненно, переходит к внушению и взаимовнушению, которые объединяют многих людей в нечто единое; их возбуждают и будоражат одни и те же чувства, настроения, мысли». Все это может повысить активность группы до необычайной степени. «Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех значительных исторических событий, когда нестройные толпы народа,

воодушевленные одной общей идеей, заставляли отступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления».

И в войсках роль внушения и взаимовнушения может быть очень большой. «При этом, — как отмечал Бехтерев, — нельзя, конечно, оспаривать того, что армия — это могучее колоссальное тело, но последнее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему поддержать дух войск в решающую минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев».

«Не подлежит вообще никакому сомнению, — говорил далее Бехтерев, — что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда понимают, так как здесь дело не идет об одном только социальном объединении, но о психологическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главным образом благодаря взаимовнушению». Направленность мыслей, чувств, поступков в группах людей во многом зависит от их лидеров. Эти чувства и поступки могут быть благородными и даже героическими, но могут оказаться и низменными, жестокими. Примером бессмысленной жестокости толпы, как отмечал Бехтерев, явилась гибель выпускника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию или поведение толпы в сцене из романа «Война и мир» во дворе графа Растопчина, отдавшего ей на растерзание ради собственного спасения обвиненного в измене человека.

Бехтерев обращал внимание аудитории и на то, что «идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды». Внушение, а затем и самовнушение могут определять как героические, так и преступные поступки. Психология отдельного человека во многом определяется его окружением. «Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц. В зависимости от того, выше или ниже человек окружающей среды, он под ее влиянием делается лучше или хуже, то есть выигрывает или проигрывает».

Внушаемые идеи Бехтерев сравнивал с микробами и называл их «психическими микробами» в отличие от микробов обычных или «физических».

«Не подлежит сомнению, — говорил он, — что… психический

микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений».

Известно, что точно так же, как физические микробы, которые могут быть полезными, ценными для человечества могут оказаться и внушаемые идеи, и тогда «внушение… является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории». Внушение, таким образом, считал Бехтерев, «является важным социальным фактором, который играет важную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов». Он указывал в связи с этим, что внушение заслуживает «самого внимательного изучения для историка и социолога».

В заключение речи Бехтерев высказал свое мнение о роли личности в истории. Он отмечал, что многие ее отрицают, считая личность «лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий». Однако, говорил Бехтерев, «при этом… забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятных условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих писателей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются в виде грядущих поколений».

Речь Бехтерева показала, что круг интересов ученого простирается далеко за пределы чисто клинических проблем. С позиций учения о внушении он стремился понять некоторые социальные вопросы, осознать мотивацию поступков отдельных лиц, человеческих коллективов, причину событий, определяющих ход человеческой истории.

Сам Бехтерев положениям, изложенным в актовой речи, придавал, по-видимому, большое значение, так как текст ее, опубликованный тогда же в журнале, в последующем постоянно исправлялся и пополнялся и составил основу книги «Внушение и его роль в общественной жизни», изданной в 1903-м и 1908 годах.

В конце XIX века в петербургском «свете» широко распространился спиритизм. Благодатную почву нашел он во дворцах царской знати, проник и в среду столичной интеллигенции. Уверовали в него даже некоторые преподаватели высших учебных заведений.

Для занятий спиритизмом, телепатией и т. п. при Военно-медицинской академии было создано общество «любителей психизма», во главе которого оказался известный зоолог профессор Н. П. Вагнер. В общество это попытались втянуть и Бехтерева. Он согласился войти в него при условии разработки нового устава, определяющего научный характер работы общества. При этом Бехтерев предложил именовать его «Российским обществом нормальной и патологической физиологии». Вопрос о реорганизации общества в соответствии с предложениями Бехтерева 17 февраля 1901 года был рассмотрен на Конференции академии. Проект его устава поручили рассмотреть В. М. Бехтереву и И. П. Павлову. 24 июня того же года они представили Конференции совместный рапорт, в котором сообщали, что устав «Русского общества нормальной и патологической физиологии» они нашли «соответствующим цели». Председателем преобразованного общества стал Бехтерев. Популярность общества быстро росла. За короткий период число его действительных членов возросло втрое и продолжало увеличиваться. Новое общество ставило перед собой целью научное изучение не получивших еще объяснения психических актов, углубленное исследование лежащих в основе психической деятельности физиологических процессов, развитие на этой основе психологии человека и животных. Бехтерев считал недопустимым априорно отвергать необъяснимые пока явления психической деятельности, однако он внимательно следил и за тем, чтобы за факты не принимались чья-либо досужая выдумка, ловкое трюкачество или плод болезненной фантазии. С 1904 года обществом стал издаваться научный журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». Впрочем, достижениям научной медицины и дальше продолжали противостоять разного рода ясновидцы, знахари и прочие пронырливые проходимцы и шарлатаны, которым покровительствовали царский двор и его ближайшее окружение.

Девяностые годы характеризовались промышленным подъемом, ростом в связи с этим количества рабочих и крепнущим с каждым годом их классовым самосознанием. Осенью 1895 года в Петербурге состоялась грандиозная стачка на фабрике Торнтона, а через год стачечной борьбой было охвачено 19 текстильных фабрик, на которых трудилось 30 тысяч рабочих. Это событие В. И. Ленин назвал «знаменитой петербургской промышленной войной». Требования рабочих властями игнорировались, в рабочие кварталы были введены жандармы и казаки. Много их разместилось вблизи Военно-медицинской академии на Выборгской стороне. В мае 1901 года бастующие рабочие Обуховского сталелитейного завода оказали сопротивление атаковавшим их конным полицейским. Завязалась борьба. Рабочие строили баррикады, отбивались от нападающих булыжниками. «Уличная борьба возможна, — писал после этого события, вошедшего в историю как Обуховская оборона, В. И. Ленин, — безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода». 1902 год ознаменовался массовой стачкой в Ростове-на-Дону. Еще более грандиозный размах приняло стачечное движение в 1903 году, когда только на юге России бастовало 430 тысяч рабочих. Стачечное движение, приобретая все более выраженную политическую направленность, продолжало развиваться.

Недовольство политикой правительства высказывалось и либеральной интеллигенцией. Так, на VI Пироговском съезде было выдвинуто требование об отмене телесных наказаний для крестьян. На VII съезде, состоявшемся в 1899 году в Казани, был образован особый врачебно-продовольственный комитет для оказания помощи голодающим и изучения причин голода, запрещенный правительством через два года.

8 февраля 1899 года в день юбилея Петербургского университета у Румянцевского сквера на набережной Васильевского острова конные полицейские атаковали и избили нагайками группу студентов. Четыре дня спустя в знак протеста была объявлена первая в истории студенческого движения всеобщая забастовка, проходившая под руководством выборного организационного комитета. В ней приняли участие 25 тысяч студентов 30 высших учебных заведений. В их числе оказались и слушатели Военно-медицинской академии.

По требованию министра внутренних дел Горемыкина и министра народного просвещения Боголепова по отношению к бастующим были приняты жестокие репрессивные меры: аресты, высылка из университетских городов и т. п. 26 июля 1899 года

царь утвердил «Временные правила», которые «за учинение скопом беспорядков» угрожали студентам исключением и отдачей «в распоряжение военного начальства». В соответствии с этими «Правилами» осенью того же года были отданы в солдаты 183 студента Киевского университета. Вслед за этим антиправительственные выступления студентов вспыхнули в Харькове, Москве, Петербурге… 14 февраля 1901 года студентом Карповичем был смертельно ранен министр просвещения Боголепов. Его сменил генерал Ванновский.

4 марта 1901 года по призыву Организационного студенческого комитета на площади у Казанского собора состоялась демонстрация «для публичного заявления протеста против «Временных правил». В ней участвовало несколько тысяч студентов, а также представители многих «интеллигентных» профессий. Демонстрантов окружили казаки и конная полиция. В ход пошли нагайки, многих арестовали. Среди пострадавших оказались известные общественные деятели того времени — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский. Н. Ф. Аннинский и ряд других. Пытавшийся вмешаться в действия полиции член Государственного совета князь Вяземский впоследствии получил «высочайший выговор». Событиями на Казанской площади возмущалась вся демократически настроенная общественность. Правительство пыталось новыми репрессиями навести «порядок». Был закрыт, в частности, защищавший права студентов «Союз взаимопомощи русских писателей». Однако возмущение общественности росло. И тогда, демонстрируя желание смягчить ситуацию, Ванновский издал «Временные правила студенческих организаций», по которым студентам разрешались сходки, но лишь по согласованию с правлением университета и под председательством назначаемых этим правлением лиц. Новые «Правила» большинство студентов восприняло как оскорбительные.

Бехтерев внимательно следил за происходящими в стране событиями. Особенно сочувственно он относился к студенческому движению. Вовлечение в борьбу народных масс вселяло в него надежду в свержение в ближайшее время монархического строя, явно тормозившего развитие страны. Партий, как легальных, так и нелегальных, становилось все больше. В их программах разобраться было непросто, и Бехтерев избегал прямого участия в какой-либо из них. Он не одобрял террора и не принимал идею насильственного переворота. Однако он нисколько не сомневался, что монархия себя изживает, что необходима демократизация государства, что управлять страной должны

избранники народа. Как же осуществить переход от монархии к республике? Этого Бехтерев не знал. Он надеялся, что возможна бескровная перемена политического строя, которой могут способствовать просвещение, наука, культура, достигшие высокой степени развития и ставшие всенародным достоянием. И он стремился всеми силами содействовать их развитию, не жалея для этого ни времени, ни сил.

Все эти годы Бехтерев провел в напряженной работе. Время строго расписано. К минимуму сведена затрата его на сон, еду. Развлечения — редкость. Все силы направлены на воплощение в жизнь все новых идей, переполняющих сознание. Делается много, но неотвязно преследует мысль: надо бы делать больше. Каждый день всплывают все новые, требующие решения вопросы… Клиника переживала период расцвета. Сложился дружный, понимающий дело коллектив врачей-единомышленников. Его глава уважаем подчиненными и начальством, студентами и пациентами. Авторитет абсолютен. Приятно осознавать значительность вклада, внесенного в построение здания, имя которому — неврология; по дороге познания проделан немалый путь…

Одно огорчительно: слишком быстро летит время. Наступил 1903 год, а с ним и 25-летие службы, чреватое отставкой. Правда, если здоровье позволяет, академикам обычно разрешают службу продлить. Надеялся на это и Бехтерев. Сил-то ведь еще много, и лет всего лишь 46. Позиции сдавать рано, хочется осуществить многое. А жизнь подсказывает все новые, нуждающиеся в решении задачи. Вот, к примеру, недавно посетил он в Таврическом дворце международную научно-промышленную выставку «Детский мир». Казалось бы, какое он к этому миру имеет отношение? Но на выставке не могло не обратить на себя внимание удивительное обстоятельство: судя по экспозициям, познание мира у ребенка начинается не раньше пяти лет. А что же до того? Этот вопрос всерьез почти не разрабатывался. Научно обоснованный ответ на него неизвестен. А ведь психика ребенка формируется не с пяти лет, а наверняка с самого рождения. Об этом Бехтерев мог судить хотя бы по наблюдениям за собственными детьми. Правда, велись они несистематически, случайно… Надо бы их систематизировать. Жаль, что многое упущено, но кое-что еще можно и наверстать. Хорошо бы создать учреждение, в котором дети могли бы содержаться и воспитываться специалистами с самого раннего возраста. Но на базе Военно-медицинской академии это сделать не удастся… Надо поискать какие-то возможности в другом месте. Да, многое интересно, не познано и требует изучения. И возможностями для

этого располагает он немалыми, но на все нужно время.

Подготовил к печати первый том фундаментальной работы «Основы учения о функциях мозга». Она должна стать его главным трудом по физиологии, цель которого — привести в строгую систему все накопленные в литературе и собственные, добытые в результате лабораторных и клинических наблюдений, сведения о деятельности центральной нервной системы. В предисловии к этой новой работе Бехтерев отмечал, что «существующие исследования дают лишь отрывочные сведения о функциях органа, регулирующего и поддерживающего отправления организма и представляющего собой тот аппарат, благодаря которому устанавливается связь между организмом и окружающим миром». В начатом труде ему хотелось не только обобщить все известные к тому времени данные о функциях мозга, но и, опираясь на многолетние собственные исследования, описать функцию всех его отделов с материалистических позиций.

В первом томе изложены общие положения о деятельности мозга. В нем представлена, в частности, разработанная Бехтеревым «энергетическая теория торможения». Согласно этой теории нервная энергия в мозгу устремляется к «центру», находящемуся в деятельном состоянии. К этому «центру» она как бы стекается по связующим отдельные территории мозга проводящим путям прежде всего из вблизи расположенных зон мозга, в которых, как считал Бехтерев, возникает «понижение возбудимости, следовательно, угнетение».

Написав первый том, Бехтерев как бы уподобился строителям железнодорожного тоннеля, которые вонзились в горную преграду, но понимают, что им еще надо потратить много труда и времени, чтобы пробиться через всю гору и когда-то наконец увидеть свет солнца в конце трудного пути. Предстоит дать описание функции всех без исключения отделов мозга. А это потребует еще массы работы.

Захватывающие интересы и проблемы психологии. Без их знания не может обходиться врач и тем более врач-психиатр. Но распространенная «классическая» психология, основанная главным образом на анализе результатов самосозерцания, для врача мало пригодна. Надо разрабатывать психологию, основанную на объективных фактах, которая помогала бы изучать психику не только здоровых людей, но и душевнобольных, а также психическую деятельность младенцев и животных.

Накопленный жизненный опыт побуждает к обобщениям, к абстрагированию, к философским трактовкам. С годами глубже осознается значимость философских позиций, потребность

определить свое отношение к вопросу о соотношении между духом и материей, бытием и сознанием, психикой и жизнью. Год назад из печати вышла книжка Бехтерева, так им и названная — «Психика и жизнь». Прошло немного времени, и уже кое-что в ней хотелось бы переделать, что-то внести новое… Надо готовить переиздание этой книжки, многими коллегами воспринятой как неожиданный шаг невролога в философию. Но неожиданного в этом не было. Все естественно и закономерно.

Хотел Бехтерев избежать чествований в связи с наступающим 25-летием службы, но оно все-таки состоялось. В начале 1903 года пришлось провести два месяца за границей, и за это время сотрудники и коллеги все организовали. И вот 2 мая в два часа дня в лекционном зале клиники собрались на юбилейное заседание все врачи клиники и многочисленные гости. Бехтерев с Натальей Петровной были приглашены, когда зал уже был полон. Встретили их бурными аплодисментами, одарили цветами. Вел заседание старший врач клиники приват-доцент Добротворский. В кратком вступительном слове он рассказал о жизненном и творческом пути юбиляра. Затем зачитывались приветствия и адреса: от Медицинского совета, от Военного ученого комитета, от Конференции Военно-медицинской академии, от больниц, обществ, ученых советов, профессоров, врачей, от пациентов, от персонала клиники… Особенно трогательным было приветствие студентов выпускного курса: «…Ваше имя слишком хорошо известно каждому интеллигентному человеку как имя одного из самых блестящих и талантливых русских ученых, далеко продвинувших вперед науку о душевных и нервных болезнях и сопряженные с ними области, и указывающего путь в научных исследованиях… Мы более, чем кто-либо, можем оценить в Вас талантливого учителя, заставляющего своими увлекательными лекциями заинтересоваться и полюбить эту труднейшую область медицины… В Вашей клинике, которую Вы сумели сделать одним из образцовых психиатрических учреждений всего мира, мы могли научиться наиболее гуманному отношению к больному, создать себе идеал врача-человека. В заключение считаем особенно приятным долгом выразить Вам горячую благодарность за Ваше участие и теплое к нам отношение. В воспоминаниях о наших студенческих годах Ваше имя будет в числе немногих, которыми смело можем гордиться мы вместе с нашей альма-матер».

По ходатайству Конференции академии, несмотря на выслугу лет, Бехтерев был оставлен в прежней должности еще на пять лет.

Глава 6
В ТРУДНЫЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА ГОДЫ

26 января 1904 года японский флот напал на русскую эскадру в Порт-Артуре, а у берегов Кореи были атакованы и погибли в неравном бою ставший легендарным крейсер «Варяг» и сопровождавшая его канонерская лодка «Кореец». На следующий день царский манифест возвестил о начале русско-японской войны. Несмотря на то, что Россия сразу же понесла значительный урон и ситуация на Дальнем Востоке с первого дня войны складывалась сложно, император российский и его приближенные в победе не сомневались. Раздавались — почти официально — голоса, утверждавшие, что русские-де солдаты «этих макак» шапками закидают. Назначенному главнокомандующим всех сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке адмиралу и генерал-адъютанту Е. И. Алексееву Николай II телеграфировал: «Войска должны окончательно обеспечить преобладающее положение России на берегах Тихого океана».

Однако неподготовленность к войне на Дальнем Востоке, огромная растянутость транспортных коммуникаций и бездарность военного руководства, прежде всего главнокомандующего Е. И. Алексеева и командующего Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина, привели к тому, что после серии крупных поражений на море и на суше, стоивших жизни сотням тысяч русских солдат, матросов и офицеров, царская Россия проиграла войну по всем статьям. По заключенному 23 августа 1905 года Портсмутскому договору Россия признала Корею сферой японских интересов и уступила Японии Порт-Артур и южную часть острова Сахалин. При этом обе стороны обязались вывести войска из Маньчжурии. Как писал В. И. Ленин, «не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению». Это военное поражение самодержавия ускорило революционные события в России.

Осенью 1904 года Общество поощрения художеств организовало в Петербурге выставку картин замечательного художника В. В. Верещагина, только что погибшего на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на мине на рейде Порт-Артура. Множество людей посетило выставку. Осмотрел ее и Бехтерев. Особенно тронули его душу картины, написанные по впечатлениям памятной и ему самому русско-турецкой войны.

Картина «Панихида на поле битвы» напоминала Бехтереву виденное им под Плевной устланное трупами и ранеными

солдатами поле. Возвратившись с выставки, Бехтерев записал навеянное ему верещагинским полотном стихотворение:

Все поле покрыто густою травой.
Не розы, а трупы его устилают.
Священник стоит с обнаженной главой.
Качая кадилом, читает…
И хор за ним дружно, протяжно поет
Одну за другою молитвы.
Он вечную память и скорбь воздает
Всем павшим за родину в битве.

А сколько таких устланных трупами полей оставила русско-японская война на Дальнем Востоке? И зачем велась эта бесславная война? Когда она завершилась, Бехтерев записал в дневниковой тетради стихи, отражавшие его отношение к ней: «… Немало слов лилось в печали о том, как в мукденском бою сыны отчизны умирали за участь рабскую свою».

Порицая войну, Бехтерев стремился сделать все возможное, чтобы облегчить участь русского солдата. Он обращал внимание на то, что отсталость царской России оборачивалась, в частности, и нехваткой врачей. «В период русско-японской войны, — писал Бехтерев, — в России с 150-миллионным населением врачей было 22 тысячи, тогда как в Японии с 40,5 миллиона жителей врачей насчитывалось 31 тысяча». Многие из молодых сотрудников и учеников Бехтерева оказывали в войну помощь раненым и больным непосредственно на полях сражений. Сам он активное участие принимал в работе Красного Креста и получил медаль этого общества.

Между тем всеобщее недовольство царизмом обернулось трагедией 9 января 1905 года. Вспоминая о событиях Кровавого воскресенья, Горький — их очевидец — писал: «Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватались за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду обильно яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивали к себе глаза…»

Царизм усиливал репрессии. Но они уже не могли ему помочь овладеть ситуацией. Рабочие вооружались и все чаще вступали в борьбу с царскими войсками. В июне 1905 года красный революционный флаг впервые в русской истории взвился на военном корабле — броненосце «Князь Потемкин Таврический».

По-своему выражали недовольство политикой царя и русские интеллигенты.

В январе 1905 года 342 петербургских ученых подписали адресованную царскому правительству «Записку» с настоятельным требованием реорганизации всей системы среднего и высшего образования и демократизации государственного строя в стране. Одной из первых под текстом «Записки» стояла подпись академика В. М. Бехтерева. Среди подписавших были академики и профессора филологи А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, В. В. Радлов, С. А. Венгеров, ботаник И. П. Бородин, физиолог И. П. Павлов, физик А. С. Попов, физикохимик Н. Н. Бекетов, художник И. Е. Репин.

В «Записке», в частности, говорилось: «Правительственная политика в области просвещения народа, внушаемая преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку». Далее там указывалось, что «академическая свобода несовместима с государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование».

С весны того же года стали образовываться профессионально-политические союзы представителей интеллигентных профессий — академический, писательский, инженеров, врачей, учителей и т. д. В мае в Москве проходил учредительный съезд «Союза Союзов», на который собрались представители 14 профессий. В июле состоялся уже третий съезд «Союза Союзов». На нем подавляющее большинство делегатов осудило представленный министром внутренних дел А. Г. Булыгиным проект созыва Государственной думы, которая непременно должна была сохранять «незыблемость основных законов империи». Булыгинский проект съездом был признан «дерзким вызовом со стороны правительства всем народам России». Организуемую правительством «булыгинскую» думу тогда было решено бойкотировать. Большевики к тому времени уже объявили ей активный бойкот. В решении «Союза Союзов» В. И. Ленин увидел «первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом». Революция развивалась по восходящей линии, и лозунгом дня стал призыв к вооруженному восстанию.

Представители интеллигенции активно выступали против существующих порядков и на заседаниях научных обществ. Бурно проходили в 1905 году заседания руководимого Бехтеревым Петербургского общества психиатров, на которых было принято несколько резолюций с требованием реформ и, в частности, восьмичасового рабочего дня на производстве, свободы стачек, охраны детского и женского труда, бесплатного обучения в

школе, отделения церкви от государства и т. д. Многие из этих резолюций были проявлением солидарности к справедливым требованиям революционного пролетариата. В высказываниях на заседаниях общества подвергались критике карательные правительственные меры, направленные на пресечение любых проявлений борьбы за справедливость, за демократические права. Среди причин душевных заболеваний указывалось неуверенность людей в завтрашнем дне в стране, где каждый человек находится под постоянной угрозой ареста или, по крайней мере, обыска. Это обстоятельство ведет к тому, что массы людей находятся в состоянии постоянного нервного напряжения. Нередко на заседаниях общества звучали высказывания о том, что демократические свободы могут быть добыты только после ликвидации монархического строя. Правда, в среде членов общества не было единства. Некоторые врачи выступали от имени определенных политических группировок. Бехтерев же всегда подчеркивал свою непричастность к политическим партиям и в оценке общественных событий, к которым он, как правило, постоянно проявлял живейший интерес, стремился руководствоваться понятиями справедливости и общественного блага.

В условиях нарастающего революционного движения 4 сентября 1905 года в Киеве начал работу II съезд отечественных психиатров. Перед открытием съезда председатель его оргкомитета заведующий кафедрой душевных болезней Киевского университета И. А. Сикорский получил от губернатора Савича письмо такого содержания: «…министр внутренних дел, ввиду распространившегося обсуждения в различных собраниях и повременных изданиях реформ внутреннего управления государством и принимая во внимание, что обсуждение сих вопросов сделалось настолько всеобщим и гласным, что в глазах многих как бы приобрело права на свое допущение, просит меня предупредить председателей предстоящих в губернии общественных собраний, что вопросы, не входящие в круг ведения последних, не могут быть допускаемы в их обсуждение и ныне, и председателям означенных собраний надлежит озаботиться неразрешением внесения таковых общегосударственных вопросов на рассмотрение собраний». В растянутой и нарочито запутанной витиеватой фразе, вышедшей из-под пера опытного бюрократа, содержалось, по сути дела, требование не касаться на съезде вопросов политики и не допускать критики существующих государственных порядков.

Для участия в съезде в Киев съехались практически все

ведущие психиатры и невропатологи России. Из Петербурга вместе с Бехтеревым прибыли его сотрудники и ученики Агадженян, Арнштейн, Аствацатуров, Добротворский, Жуковский, Карпинский, Лазурский, Никитин, Осипов, Останков, Поварнин, Реформатский, Спиртов, Срезневский. Из Москвы приехали Ганнушкин, Кащенко, Минор, Россолимо, Рыбаков, Сербский, Хорошко.

Накануне открытия съезда в университетской столовой участники съезда собрались на товарищеский ужин, во время которого Сикорский ознакомил коллег с письмом киевского губернатора. Многих оно возмутило. Реакцию большинства делегатов на губернаторское письмо выразил П. А. Останков. Он сказал, что «в деятельности съезда, как в зеркале, должно отразиться все то, что волнует, чем живет и чего хочется русскому психиатру как представителю русской психиатрической науки и как гражданину, болеющему об основных нуждах нашей родины».

Открытие съезда проходило торжественно, в переполненном до краев роскошном зале купеческого собрания. Помимо делегатов, присутствовала масса гостей — преподаватели и студенты университета, юристы, врачи, учителя гимназий, чиновники различных учреждений… После краткого вступительного слова и выборов рабочих органов съезда председатель первого пленарного заседания Сикорский предоставил слово академику Бехтереву, который произнес речь: «Личность и условия ее развития и здоровья».

«Психические болезни, — говорил Бехтерев, — суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильное ее развитие составляют ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвятивших себя изучению душевных расстройств». Изучать личность он призывал, опираясь на объективные критерии, обосновывая такую возможность тем, что «жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений». Личность Бехтерев определял как «самостоятельную особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающей среде», представляющую собой «ту основу, на которой зиждется общественная жизнь». Вопреки назиданиям губернатора, докладчик много внимания уделил общественно-политическим вопросам. Он говорил, в частности, что «народы нашего времени не представляют собой бессловесного стада», что они — «собрание более или менее деятельных личностей», объединенных признаками племенного родства и некоторым сходством основных психологических черт. «Поэтому, —

подчеркивал Бехтерев, — вполне естественно, что прогресс народов, их цивилизация и культура зависят от степени развития личностей».

Значение личности как самостоятельной психической особи в общем ходе исторических событий выступает с тем большей силой, чем дальше народ стоит от рабства, являющегося отрицанием всяких прав личности. «Какую бы отрасль труда мы ни взяли, развитая, деятельная личность, — указывал оратор, — выдвигает в ней новые планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, выросшие в условиях рабства, способны лишь к повторению и подражанию. Да и само существование современных государств, — продолжал Бехтерев, — зависит, как известно, не столько от внешней силы, олицетворяемой органами власти, сколько от нравственного сплочения личностей, их составляющих… То государство, которое пренебрегало нравственными силами и предполагало возможность опираться только на оружие, носило в себе зародыш разложения. Никакие многочисленные армии не могут спасти того государства, в котором расшатаны нравственные устои, ибо и сила самих армий зиждется исключительно на нравственных началах…

Так как личность вносит в общую сокровищницу человеческой культуры плоды своего самобытного развития, то вполне понятно, что сообщества и народы, имеющие в своей среде более развитые, более деятельные личности, при прочих равных условиях будут обогащать человеческую культуру большим количеством предметов своего труда и лучшим их качеством…».

Бехтерев отмечал далее, что значение личностей особенно выпукло проявляется при столкновении народов, то есть в период войны. При этом он напоминал о недавно окончившейся бесславной русской-японской войне, в которой «победа за победой доставались врагу». Как можно объяснить себе смысл столь тяжелых событий? — спрашивал оратор и сам же отвечал на этот вопрос: «и битвы народов выигрываются теми, кто дышит свободой, как родным воздухом…»

«Современные войны, — говорил докладчик, — требуют от участника борьбы некоторой доли самостоятельности, находчивости в трудных случаях и ясного понимания как цели войны, так и тех действий, в которых он участвует. Все это возможно только при соответствующем развитии личности, при известной степени его образования, при сознании прав, за которые идет борьба, и при поддержке в ней того духа инициативы и самодеятельности, без которой немыслимо вообще осуществление какого бы то ни было социального дела».

Говоря об отношении к человеческой личности в условиях царской России, Бехтерев говорил: «К сожалению, необходимо признать, что дело идет здесь не об одном только недоразвитии личности, но и о прямом ее подавлении. Личность задавливается еще при самом зачатке своего развития в школе, дающей неподходящую духовную пищу вместе с тяжелым нравственным гнетом, уничтожающим в ней всякую самостоятельность, она задавливается в семье, где господствуют и пользуются покровительством закона патриархальные нравы, и обычно она задавливается в общественной жизни при проявлении лучших ее стремлений, она систематически задавливается даже там, где господство непосредственно опирается на ее силу и мощь, то есть в войсках».

«Правильное развитие и здоровье личности является основой государственного благосостояния», — подчеркивал докладчик, тогда как «подавление личности, в особенности при ее природной или приобретенной недостаточности, если, конечно, это подавление не отпарировано соответствующим противодействием, обычно приводит к развитию астенических реакций, заканчивается весьма нередко самоуничтожением в виде той или другой формы самоубийства или болезненным состоянием в виде тяжелой формы неврастении и других общих неврозов и даже психических расстройств… Нужно ли говорить, — продолжал Бехтерев, — как много условий, подтачивающих душевное здоровье личности, могло бы быть устранено из нашего обихода при иных условиях общей жизни и при иных экономических условиях».

Бехтерев сделал паузу и внимательно посмотрел в зал. Было тихо. Все полны внимания. В пятом ряду справа что-то быстро строчил в блокноте полицейский чин. Оратор взял стоявший перед ним стакан с водой и, сделав несколько глотков, продолжал: «Какие причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?» Докладчик напомнил, что формирование личности находится в определенной зависимости от наследственности и от здоровья родителей, от физических условий, в которых развивается личность, «коль скоро мы приемлем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между телом и душой, как принято выражаться». В здоровом теле — здоровый дух. И потому на развитие человека, его личности пагубное влияние оказывают неблагоприятные экономические условия, ведущие к истощению, физическому ослаблению, к болезням.

Крайне негигиеничные условия труда на многих фабриках,

переутомление рабочих и нашей домашней прислуги, лишенной часто всякого отдыха, также не может не отразиться пагубно на развитии личности, особенно если это переутомление начинается с раннего юношеского возраста.

Другими важными факторами, влияющими на развитие личности, являются все хронические отравления, в особенности те из них, которые поражают… мозг и которые известны под названием интеллектуальных ядов. Алкоголизм, достигший такого гигантского развития в современном обществе, есть, без сомнения, то зло, которое несет в себе зародыш упадка личности. Алкоголик — это человек с притуплённым восприятием, с пониженной нравственностью и с ослабленной волей, то есть отличающийся именно теми особенностями, которые характеризуют упадок личности. Нет надобности доказывать, что алкоголь, парализуя сферу чувств, интеллекта и воли, подрывает в корне основные устои личности и является в то же время одной из важнейших причин, приводящих к развитию душевных болезней, вырождения и преступности».

В развитии личности, отмечал Бехтерев, велика роль воспитания и образования. В процессе воспитания должны закладываться склонности к самостоятельной деятельности, к жизненной активности. Для этого необходимо наличие определенных способностей у воспитуемых и соответствующих качеств у воспитателей. Нередко же в процессе воспитания и образования «более заботятся о загромождении человека знаниями, подчас совершенно ненужными, при более или менее пассивном отношении к этим знаниям, нежели о развитии критики и самостоятельного мышления, которое и составляет истинный залог самодеятельности будущей личности».

Оратор напомнил, что в правительственных кругах до последнего времени вообще отрицалась необходимость образования для народа. Результатом такой политики и явилась массовая неграмотность. А «безграмотность — это умственная слепота, и потому естественно, что личности темного народа мало возвышаются над проявлениями народной жизни… Загляните в наши захолустья, — призывал Бехтерев, — и вы удивитесь, до какой степени могут быть сужены потребности человека, до какой неприхотливости… доходит наш крестьянин, носящий все задатки богатого умственного развития. Вы убедитесь в то же время, до какой степени притупляются нервы долгим подневольным существованием, как ограничен его кругозор и как мало в нем самодеятельности… отсюда легковерность, уродливые взгляды религиозного и социального характера».

Далее Бехтерев говорил об отсутствии в царской России регулярной, сколько-нибудь значительной по своей эффективности общественной деятельности, без которой «нет и полного развития личности». Не участвуя в общественной деятельности, личность становится, как отмечал оратор, «равнодушною к общественным потребностям, она является пассивным членом общества, лишенным той самодеятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности… Естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятельности в форме самоуправления являются праздность и бездеятельность, которые находят в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в обеспеченном классе общества. Между тем праздность, чем бы она ни обуславливалась, приводит естественным образом к обессилению… к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники — алкоголизм и другие излишества».

Бехтерев говорил о создании в общегосударственном масштабе условий, способствующих развитию личностей, составляющих народ России. Он указывал на необходимость оздоровления местностей, об общественной санитарии, о профилактике болезней, об устранении антигигиенических условий труда, о необходимости разработки законодательства, «ограждающего возможность крайнего физического и умственного переутомления», о борьбе с алкоголизмом, которую докладчик признавал трудной, но возможной и не терпящей отлагательств. При этом он указывал на то, что «борьба с пьянством в народе будет бессильной до тех пор, пока наш государственный бюджет будет искать свою опору в тех сотнях миллионов, которые извлекаются из народного обращения за счет потребления им спиртных напитков».

Государство, говорил Бехтерев, «должно заботиться также всеми возможными способами об улучшении экономического положения населения». При этом он подчеркивал, что «вопиет о себе» необходимость улучшения положения и экономического благосостояния рабочих, отмечая, что «здесь нужно иметь в виду и рациональную гигиеническую обстановку труда, и строгое и правильное регулирование числа рабочих часов сообразно возрасту и полу, урегулирование денежных отношений между рабочими и работодателями и, наконец, правильно организованные условия самого быта рабочих…».

«В процессе обучения, — продолжал далее ученый, — школа должна заботиться не столько о шаблонном заучивании готовых

форм, заимствованных большей частью из классиков, сколько о развитии самодеятельной личности с критическим умом и самостоятельным отношением к окружающей действительности». При этом, как говорил оратор, «школа должна заботиться об устранении порабощения духа… Воспитание и обучение, — утверждал Бехтерев, — должны преследовать задачи общественные и должны иметь своей целью выработать личность как самостоятельную социальную единицу».

Оптимальным для развития составляющих народ личностей Бехтерев считал самоуправляемое общество, в котором «может быть только одна опека — это общественная критика и общественный же контроль над различными отраслями управления, которые именно и вводят личность в здоровые условия социальной деятельности. Общественное самоуправление и правильно организованное представительство являются поэтому, — говорил докладчик, — той жизненной ареной, где личность совершенствуется в своем окончательном развитии и где это развитие достигает своей наибольшей высоты… При условиях самоуправления на началах представительства имеется широкий простор для деятельности наиболее талантливых и способных личностей, которых выдвигает вперед сама жизнь».

Сложившуюся к тому времени в стране ситуацию Бехтерев оценивал так: «…Лишь помалу из-под тяжелого гнета развиваются, несмотря на удушающую атмосферу и отсутствие света, молодые зеленые побеги общественного самосознания и живой мысли. Они-то и служат первым вестником новой зари, приводящей к единению общественных сил и к жажде общественного правопорядка. Мало-помалу сумрак ночи просветляется, долго стоящий туман рассеивается и чуется дыхание жизни там, где царствовал глубокий, безмятежный сон. Быстро и верно вместе с утренней зарей врывается свежая струя в удушливую атмосферу и начинает слышаться дыхание чистого, оживляющего воздуха, — предвестника общего пробуждения к жизни».

Борьбу за свободу личности Бехтерев называл «в то же время и борьбой за правильное и здоровое ее развитие», а права личности рассматривал как показатель возможности ее развития. «Уважение личности человека, — говорил оратор, — какого бы происхождения он ни был, признание его прав выше всяких иных является первым и основным условием всякой гражданственности. Всякие ограничения, как, например, сословные, вероисповедные и прочие искусственно насаждаемые, оставшиеся до наших дней в виде жалкого пережитка от времен древнего рабства, должны быть отброшены как естественные

тормозы прогрессирования развития личности… Девиз свободы, — заявил Бехтерев, — неразрывно соединяется с девизом равенства и братства».

Гражданские и политические свободы личности Бехтерев рассматривал как «краеугольный камень и основное условие жизнеспособности современного государства. Права личности и законность, гарантирующая свободное пользование этими правами, — вот те устои современной гражданственности, которые одни дают правильные основы для нормального роста личности и для свободного развития всех присущих ей качеств».

В заключение речи Бехтерев еще раз подчеркнул, что при существующем монархическом строе личность русского человека «систематически угнетается в семье, в школе, которая опутывается повсюду рутиной и которая задыхается в тисках формализма и бесправия, как в душной тюремной келье, лишенной света и воздуха», и, высказав надежду на светлое будущее народа, повторил от имени его слова великого поэта:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня…

Громом аплодисментов приветствовали делегаты и гости съезда речь лидера отечественной невропатологии и психиатрии. Особенно восторженно реагировала галерка, занятая студентами. Все встали. То в одном, то в другом конце зала раздавались противоправительственные лозунги.

Вечером того же дня разгневанный губернатор грозился закрыть съезд. То ли его отговорил от этого шага Сикорский, то ли сам он не решился на закрытие всероссийского форума врачей, но съезд работу в последующие дни продолжил. И с его трибуны, как бы поддерживая заданную Бехтеревым тональность, ораторы еще не раз критиковали существующие в стране порядки и призывали активно бороться за демократизацию государственного строя, за социальные преобразования, которые могли бы обеспечить улучшение условий жизни русского народа.

Речь Бехтерева имела большой резонанс. Многие газеты опубликовали ее изложение. Для многих даже близко знавших Бехтерева людей прямолинейно антиправительственная направленность речи оказалась неожиданностью. Многие сотрудники, коллеги и особенно студенты горячо приветствовали возвратившегося из Киева Бехтерева. Сторонники же существующего режима сочли его речь выпадом, недостойным академика и генерала, занимающего столь высокое положение в Военно-медицинской академии и в государственных органах.

Некоторые реакционные газеты пытались дискредитировать маститого ученого в глазах общественности. Автор одного из таких пасквилей утверждал, что Бехтерев, пользуясь своим лидирующим положением в Петербургском обществе психиатров, является единоличным автором принятых этим обществом за последние месяцы демократических резолюций и что он вынуждал голосовать за них членов общества. 2 октября эта статья по настоянию Бехтерева обсуждалась на очередном заседании общества. Сам Бехтерев на это заседание намеренно не явился. Председательствовал приват-доцент Розенбах. Большинством членов общества статья была осуждена как клеветническая.

Настроение столичных психиатров и невропатологов отражали и материалы проведенного на том же заседании общества суда чести над врачом Кронштадтского госпиталя Филипповым, признавшим в процессе психической экспертизы «злостным симулянтом, требующим наказания» матроса с восставшего броненосца «Потемкин». Филиппов пытался доказать, что он дал лишь медицинское заключение, не вникая в последствия своего поступка, потом оправдывал свое недоброжелательное отношение к восставшим матросам гибелью своего близкого родственника в Цусимском сражении. Общество признало тем не менее поступок психиатра Филиппова недостойным и с гуманной миссией врача несовместимым.

В октябре 1905 года скоропостижно скончался начальник Военно-медицинской академии профессор Таренецкий, и Конференцией академии на этот пост был выдвинут Бехтерев. Таким образом, в период кульминации первой русской революции на Бехтерева легли обязанности начальника академии наряду с руководством кафедрой и клиникой душевных и нервных болезней. Через несколько дней после того, как Бехтерев возглавил академию, студенты на массовой сходке решили прекратить занятия и принять участие в охватившей столицу всеобщей забастовке. Военно-медицинская академия, таким образом, стала одним из активных очагов революционного движения. По распоряжению градоначальника главное здание академии заняли воинские и полицейские части. По настоятельному требованию Бехтерева «свободным от постоя», кроме клиник, осталось лишь студенческое общежитие, куда он перевел канцелярию академии. Сам Бехтерев бывал в общежитии ежедневно, подолгу беседовал со студентами на различные, в том числе на общественно-политические темы и таким образом знал их отношение к событиям, потрясающим Петербург и всю Россию,

знал, какое участие в этих событиях принимали и сами питомцы академии. Обо всем этом докладывали Бехтереву и призванные следить за благонадежностью студентов ретивые штаб-офицеры, однако с фискалами он держался недружелюбно, считая, что активное участие студентов в революционных событиях вполне естественно.

Как вспоминал позже Бехтерев, сам он был к тому времени активным противником царского режима, но считал, что борьба с ним не должна сопровождаться кровопролитием. Возглавляя академию, он делал все возможное, чтобы не допустить столкновений между студентами и войсками на территории академии. И, надо сказать, это ему удалось.

После опубликования манифеста 17 октября Бехтерев возбудил ходатайство о восстановлении в Военно-медицинскую академию всех студентов, исключенных из нее в период революционных событий 1904–1905 годов. В ноябре того же года большая группа студентов была восстановлена в правах. Однако уже в январе 1906 года военный министр назначил следственную комиссию по рассмотрению деятельности студентов в период революции. Тогда же Бехтерев заявил об отказе от занимаемого им временно поста начальника академии, хотя власти проявляли склонность утвердить его в этой должности. Свой добровольный уход сам Владимир Михайлович впоследствии объяснял «чрезвычайным бюрократизмом всего управленческого аппарата академии». Возможно, что к такому решению его привело нежелание связывать себе руки, а также намеченные им ранее жизненные планы. Он собирался еще многое сделать для неврологии, надеясь, что ее развитие сможет содействовать улучшению межчеловеческих отношений и приблизить торжество принципа справедливости в отношениях между людьми.

Первые годы XX века знаменовались для Бехтерева подведением итогов многолетних исследований по нейрофизиологии и последовательным выходом в свет томов фундаментального труда — «Основы учения о функциях мозга». Кроме того, в эти же годы в лаборатории Бехтерева осваивались методы вызывания так называемых сочетательных рефлексов.

Сочетательные рефлексы Бехтерева в принципе соответствовали условным рефлексам, изучение которых несколько раньше было начато в лаборатории, возглавляемой И. П. Павловым. Изучая физиологию пищеварения, Павлов столкнулся с феноменом «психического слюноотделения», наблюдения за которым и привели к открытию им условного рефлекса (рефлекса, вырабатываемого на индифферентный раздражитель в определенных условиях). Описание

слюноотделительных условных рефлексов у животных было сделано в 1903 году.

Бехтерев тогда всем своим предшествующим опытом экспериментатора и клинициста был более, чем кто-либо, подготовлен к пониманию важности и перспективности разработки нового метода вызывания рефлексов. При этом, как клиницист, он сразу стал искать методики выработки приобретенных рефлексов, пригодных для изучения психической деятельности человека. В 1906 году работавший под руководством Бехтерева В. П. Протопопов описал способ получения двигательных сочетательных рефлексов у собак. Вскоре подобную методику с целью исследования деятельности мозга у людей в условиях клиники воспроизвел другой ученик Бехтерева — А. Г. Молотков. Эксперимент сводился к тому, что после нескольких сочетаний звукового или светового воздействия и раздражения руки электрическим током испытуемый отдергивал руку сразу же после звонка или вспышки света. Позже в лаборатории Бехтерева были разработаны сочетательные рефлексы, проявляющиеся изменением ритма дыхания (Спиртов и Анфимов), частоты сердечных сокращений (Чалый) и т. п.

Бехтерев не высказывался напрямую о том, кто первым открыл сочетательные (по Павлову — условные) рефлексы. Не приписывая этого открытия себе, он уклонялся от признания приоритета И. П. Павлова. Возможно, потому, что в начале века такая идея, как иногда говорят, «витала в воздухе» и продумывалась Бехтеревым еще до появления первых сообщений о выработке условных рефлексов в павловской лаборатории. К тому же Бехтерев не принял предложенного Павловым названия метода и обозначил его по-своему. Создавшееся положение, по-видимому, раздражало Павлова, он истолковывал его как притязание на принадлежащее ему первенство в описании метода. Этим может быть объяснено, скажем, такое высказывание Павлова в одной из его публикаций: «В Европе к нашим работам спустя несколько лет после их начала примкнули В. М. Бехтерев с его учениками у нас и Калишер в Германии. Претензии того и другого на какой-то приоритет в этом роде исследования для всех сколько-нибудь знакомых с предметом, конечно, совершенно эфемерны».

Всю жизнь Павлов и Бехтерев относились друг к другу с известной настороженностью. Между ними нередко возникали научные споры, которые в общем-то были, по-видимому, полезны, так как заставляли исследователей проявлять большую тщательность в проведении экспериментов. К сожалению, иной раз споры выходили за рамки научности, что не могло не

радовать любителей скандальных историй из числа обывателей, довольных возможностью посудачить об ученых, являвшихся, несомненно, гордостью русской науки.

Вместе с тем Павлова и Бехтерева многое объединяло: оба они в избытке обладали талантами, отличались большим трудолюбием. Оба воспитывались в семьях скромного достатка и в молодости терпели нужду. Оба почти одновременно окончили Медико-хирургическую академию. Оба были почитателями И. М. Сеченова и С. П. Боткина. Оба совершенствовали свои знания в научных учреждениях Западной Европы. Оба длительное время возглавляли кафедры Военно-медицинской академии и являлись членами ее Конференции, где нередко им приходилось совместно решать вопросы, равно интересовавшие их обоих.

Но Павлова и Бехтерева многое и отличало. Так, Павлов был физиолог и всецело отдавал себя экспериментальной работе. Как экспериментатор он всегда отличался осторожностью в выводах и позволял себе публиковать лишь те материалы, в достоверности которых он убеждался после многократной проверки. Павлов умел концентрировать все свое внимание на важных, но относительно узких физиологических проблемах, умел отметать возникающие при их разработке «побочные ассоциации» и не отклоняться таким образом с пути, ведущего к достижению конкретной, ранее намеченной цели. Бехтерев же был прежде всего врачом-клиницистом. Он стремился как можно полнее познать человека. А для этого требовалось постижение многих фундаментальных научных и клинических дисциплин и умение разбираться в вопросах социологии. Подчас в одно и то же время его занимали совершенно разные проблемы, решение которых казалось ему безотлагательным. Вновь полученными экспериментальными данными о нервной и психической деятельности человека и возникающими на их основе мыслями Владимир Михайлович стремился как можно скорее поделиться с коллегами, а подчас и с широкой аудиторией, сделать быстрее свои мысли всеобщим достоянием. Притом Бехтерев иной раз спешил и потому делился не только выверенными фактами, но и гипотетическими идеями, которые не всегда оказывались бесспорными и порой были уязвимы. Это создавало, естественно, повод для критики. И в таких случаях наиболее активным его критиком, как правило, оказывался всегда внимательно следивший за публикациями Бехтерева академик И. П. Павлов.

Вот один из примеров не всегда легко складывавшихся между обоими учеными взаимоотношений. Свой фундаментальный труд по нейрофизиологии «Основы учения о функциях мозга» в семи томах Бехтерев завершил в 1907 году. Но уже за год до этого

опубликованные тома были представлены на премию Академии наук имени академика К. М. Бэра. Конкурс этот тогда, однако, не состоялся, и работа Бехтерева уже после завершения ее публикации перешла на конкурс имени академика Л. Л. Рклицкого. Конкурсную комиссию составляли академики В. В. Зеленский, В. Н. Насонов и И. П. Павлов. И. П. Павлов дал рецензию на книгу Владимира Михайловича. В ней, в частности, говорилось следующее: «Книга академика В. М. Бехтерева представляет собой весьма обширное систематическое изложение указанного в заголовке предмета, изложение, единственное по своей полноте не только в русской, но и в иностранной литературе. Занимаясь несколько десятков лет со своими учениками разработкой огромного количества тем в данной области, он получил возможность излагать все учение о мозге не только полно с литературной стороны, но и с личным знанием дела в массе пунктов его. Ввиду сказанного книга автора должна стать главным руководством при специальном ознакомлении врачей и естественников с центральной нервной системой».

Несмотря на такую, казалось бы, высокую оценку книги, Павлов высказался все-таки против присуждения Бехтереву премии за нее, и в результате искомую премию тот так и не получил.

После публикации «Основ учения о функциях мозга» Бехтерев и его сотрудники продолжали изучение нейрофизиологии, применяя, в частности, разрабатываемые ими методы вызывания сочетательных рефлексов. Однако главенствующее положение в сфере внимания ученого стали занимать исследования по психологии человека.

Еще в апреле 1904 года на одном из заседаний Общества нормальной и патологической психологии Бехтерев сообщил, что Центральная комиссия по исследованию мозга, созданная Международной ассоциацией национальных академий, на общем собрании ассоциаций, состоявшемся в Лондоне 25 мая 1903 года, предложила войти с ходатайством в правительства наиболее развитых стран о создании в этих странах специализированных институтов для изучения центральной нервной системы. Перед этими институтами предполагалось поставить такие задачи: техническая помощь исследователям мозга, осуществление больших совместных работ по изучению мозга, сохранение, накопление и обобщение соответствующих научных материалов. В связи с этим Бехтерев счел своим долгом ознакомить участников заседания с разработанным им проектом института для психологических и неврологических исследований, мысль о

котором возникла у него с начала мая 1903 года и тогда же была им обсуждена с некоторыми членами общества.

Речь шла о создании в Петербурге Психоневрологического института, представляющего собой высшее научно-учебное заведение. Предполагалось, что в нем будут изучаться морфология и функции мозга, включая вопросы нормальной и патологической психологии, педологии, криминальная антропология, невропатология, психиатрия, внушение и гипноз. В связи с этим в институте «на первое время» предусматривалось создать следующие отделы: психологический с лабораторией для исследований в области экспериментальной, индивидуальной и общественной психологии, педологическое отделение, криминально-антропологическое отделение, неврологическое отделение с лабораториями для исследования анатомии, гистологии и эмбриологии мозга, физиолого-химическое отделение с лабораториями, клиническое отделение для изучения психических и нервных болезней и, наконец, гипнологический кабинет для изучения гипноза и внушения.

При Психоневрологическом институте намечалось организовать высшую школу, а также отдельные курсы для подготовки специалистов различного профиля. Институт создавался на частные средства. Идею создания Психоневрологического института поддержали члены Общества нормальной и патологической физиологии. Устав будущего института готовила целая комиссия, в состав которой вместе с Бехтеревым вошли авторитетные ученые — Лазурский, Нечаев, Дриль и Осипов. Им же (и еще Доб-ротворскому) пришлось взять на себя ведение организационной работы по созданию нового по замыслу, нигде в мире не имевшего себе аналогов научно-учебного учреждения.

Война с Японией и первая русская революция затормозили несколько реализацию идеи создания Психоневрологического института, но Бехтерев был не из тех людей, которые отказываются от выполнения своего замысла. Несмотря на постоянную занятость, он не упускал ни единой возможности, чтобы приблизить день открытия «вольного» института, организацию которого считал одним из главных свершений своей жизни.

Глава 7
ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ

По прошествии нескольких лет всевозможных проволочек 9 июня 1907 года властелин Российской империи соизволил начертать на проекте устава Психоневрологического института: «Быть посему». Это давало задуманному Бехтеревым институту право на существование. В соответствии с первым параграфом устава институт должен был представлять собой «ученое и учебное учреждение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук».

После утверждения устава пришла пора создавать сам Психоневрологический институт. Для этого требовалось многое, но прежде всего надежные помощники, деньги и помещения. В работу по созданию института включились все сотрудники клиники душевных и нервных болезней академии. Длительная совместная работа с Бехтеревым вселяла в них веру в осуществимость грандиозной и несомненно общественно полезной идеи своего учителя. Добротворский, Останков, Никитин и еще многие его соратники добровольно взяли на себя проведение в жизнь смелого замысла Владимира Михайловича.

Большую изобретательность и находчивость проявили Бехтерев и его сотрудники в изыскании необходимых для нового научно-учебного заведения средств. Любая трибуна использовалась ими для пропаганды создаваемого института. Появилось немало сочувствующих идее, организовывались подписки по сбору так необходимых средств. Первое крупное пожертвование — 50 тысяч рублей — внесла состоятельная семья некоего Алафузова.

21 июня 1907 года состоялось последнее заседание Организационного комитета Психоневрологического института, на котором были избраны первые профессора, составившие ядро будущего Совета: академик Бехтерев, профессора — физиолог В. И. Вартанов, гигиенист Г. В. Хлопин, антрополог Д. А. Дриль и ученики Бехтерева А. В. Гервер, М. С. Добротворский и А. Ф. Лазурский. 2 сентября того же года Совет впервые собрался, пополнив свой состав еще несколькими учеными. На следующем заседании, 20 сентября, Бехтерева единогласно избрали президентом института. Министерству народного просвещения не оставалось ничего иного, кроме как утвердить его в этой должности.

Работа по организации института шла полным ходом. Готовились программы обучения и учебные планы. 20 декабря Совет утвердил правила приема в институт. Начался набор слушателей.

Оставалось еще одно срочное дело — арендовать подходящее помещение. В этот трудный для находящегося в стадии становления института период помощь ему предложил выдающийся ученый, просветитель и общественный деятель, руководитель существовавшей с 1894 года Петербургской биологической лаборатории П. Ф. Лесгафт — широко известный как основатель физиологической анатомии, активный поборник физической культуры. С 1896 года на базе возглавляемой им лаборатории работали «Временные курсы для подготовки руководительниц физических упражнений и игры», ставшие широко известными как курсы Лесгафта. Курс обучения сначала был двухлетним, потом увеличился до трех лет, и курсы фактически превратились в высшее учебное заведение, готовившее организаторов и преподавателей физической культуры.

Лесгафт, многие его сотрудники и слушательницы («лесгафтички») принимали активное участие в первой русской революции. В разгар революционных событий Лесгафт добился согласия правительства на создание первого в России Вольного университета, названного позднее Вольной высшей школой, состоящего из трех отделений: биологического, педагогического и социологического. Через год число учащихся в нем превысило две тысячи человек. Вырос и преподавательский коллектив. В него вошли, в частности, и бывшие узники Шлиссельбургской крепости Н. А. Морозов, М. Н. Новорусский и И. Д. Лукашевич. При Вольной высшей школе открылось специальное «народное» отделение, и в студенческий коллектив таким образом влилась большая группа передовой рабочей молодежи.

Агенты охранки доносили о том, что в помещениях возглавляемого Лесгафтом учебного заведения «…происходят собрания преступного характера, заседания революционных комитетов и партийные лекции противоправительственного направления с участием рабочих». В Вольной высшей школе заседали первый Петербургский совет рабочих депутатов и Союз рабочих печатного дела. В здании Биологической лаборатории на Английском проспекте (ныне проспект Маклина, дом № 32) в ноябре 1905 года с членами исполкома Совета рабочих депутатов встречался В. И. Ленин, в том же месяце он проводил здесь занятия в кружке марксистов-аграрников; неоднократно выступал он здесь и в 1906 году.

Вольная высшая школа просуществовала недолго. В мае 1907 года она была закрыта «как очаг революционной заразы». Ее помещения по просьбе Бехтерева Лесгафт передал Психоневрологическому институту, который таким образом как бы принял от нее эстафету борьбы за знания, культуру и права человека. Эта преемственность подчеркивалась и тем, что сам Лесгафт и многие преподаватели Вольной высшей школы сразу же вошли в состав Совета Психоневрологического института, а сотни ее слушателей стали учиться в созданном Бехтеревым новом учебном заведении.

Открытие учебных курсов Психоневрологического института состоялось 3 февраля 1908 года в переполненном зале Петербургской городской думы. С речью «Задачи Психоневрологического института» выступил Бехтерев. Кратко изложив историю создания института и основные положения его устава, он сообщил о соглашении между Советом Биологической лаборатории и Советом Психоневрологического института, по которому институт получал необходимые для открытия курсов помещения на Английском проспекте. Затем Бехтерев благодарил всех, кто содействовал созданию института.

В докладе Бехтерев обращал внимание слушателей на своеобразный парадокс: «…в то время как культурный человек мнит себя победителем природы и объясняет свое существование различными условиями, созданными пытливостью его ума, орудие этого ума, то есть самый мозг, до сих пор еще остается малообследованным даже в архитектурном, или так называемом морфологическом смысле. Изучению этого важнейшего из органов, — говорил Бехтерев, — уделяется мало времени в тех высших школах, которые посвящают себя изучению человеческого организма вообще».

Задачей Психоневрологического института, заявлял докладчик, следует считать «не только изучение мозга, но и всестороннее изучение психики вообще и, в частности, разнообразных проявлений деятельности человеческого ума и творчества и вместе с тем и изучение всех важных в общественном смысле ненормальных, болезненных отклонений психической деятельности человека».

Психология, как отмечал Бехтерев, обычно «читается как обязательный предмет лишь на историко-филологическом факультете университета. Но и здесь она не составляет особой кафедры и входит в предмет ведения кафедры философии. Являясь таким образом подчиненной научной дисциплиной, влачась постоянно на запятках философии, она, естественно, не может получить того значения и развития в курсе наук, которые

ей принадлежат по праву». Докладчик указывал на необходимость преподавания в институте не только индивидуальной, но и общественной психологии, которая помогает «улавливать народный пульс», понимать «психологическую сторону общественных событий и даже… предвидеть исход народных движений».

В докладе сообщалось решение Совета Психоневрологического института о том, чтобы для всех обучающихся в нем два первых курса сделать общеобразовательными. Там намечалось преподавать дисциплины, знание которых желательно всем людям, намеренным в дальнейшем работать с людьми: анатомия, гистология, физиология, химия, физика, общая биология с учением о наследственности, общая психология, сравнительная психология, введение в философию, логика, основные моменты русской и всеобщей истории, история литературы, общая социология, психофизиология органов чувств, антропология, экспериментальная психология, история культуры и религии, история искусств, политическая экономия, общая теория права, общая теория государства.

Лица, завершившие образование на двух первых курсах или уже имеющие высшее образование, могли поступать сразу на третий курс, на котором шла подготовка по разным профилям. В связи с этим с третьего курса учащиеся разделялись на секции соответственно своей будущей специальности. Предполагалось со временем создать секции: психологическую, педагогическую, юридическую (криминалистическую) и психиатрическую.

«Познать человека!» — так Бехтерев кратко сформулировал девиз Психоневрологического института. «Как это ни печально, — говорил он в докладе, — но следует отметить парадоксальный факт, что в наше время сам человек остается как бы забытым. Все наши высшие школы преследуют большей частью утилитарные и профессиональные задачи. Они готовят юристов, математиков, естественников, врачей, архитекторов, техников, путейцев и т. п. Но при этом упущено из виду, что впереди всего этого должен быть поставлен сам человек и что для государства и общества, кроме профессиональных деятелей, нужны еще лица, которые понимали бы, что такое человек, как и по каким законам развивается его психика, как его лучше уберегать от ненормальных уклонений в этом развитии, как лучше использовать школьный возраст человека для его образования, как лучше направить его воспитание, как следует ограждать сложившуюся личность от упадка интеллекта и нравственности, какими мерами следует предупреждать вырождение населения,

какими общественными установлениями надлежит поддерживать самодеятельность личности, устранение развития пагубной в общественном смысле пассивности, какими способами государство должно оберегать и гарантировать права личности, в чем должны заключаться разумные меры борьбы с преступностью в населении, какое значение имеют идеалы в обществе, как и по каким законам развивается массовое движение умов и т. п. Все это, — заявлял докладчик, — вопросы капитальной важности для современного человека, значение которых не может быть переоценено».

Бехтерев призывал «…познать человека в его высших проявлениях ума, чувств и воли, в его идеалах истины, добра и красоты для того, чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого; познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, что жаждет его младенческая душа; познать юношу в его стремлении к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов; познать сердце человека в его порывах любви, чтобы эту любовь направить на все человечество; познать обездоленного бедняка, толкаемого судьбой на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем проведения улучшения его быта и перевоспитания; познать и изучать душевнобольного, чтобы облегчить его страдания и, где можно, излечить, — не значит ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашей общественной жизни.

…Но познать человека, познать в нем личность, возвышающуюся над другими существами в виде бессловесных тварей, признать в нем стремление к высшему идеалу, к прогрессу, к знанию — это значит его полюбить, это значит его уважать.

Таким образом, на знамени Психоневрологического института должен быть начертан девиз не просто только познать человека, но и любить в нем все человеческое и уважать в нем права человеческой личности. И пусть этот девиз познания любви и уважения личности в человеке взрастит в юных любовь к знанию о человеке как человеке и воспитает в них те социальные чувства и те идеалы, которые будут вечно светить над человечеством, и пусть эти чувства и эти идеалы будут служить для них верными руководителями не только в светлые периоды подъема общественных сил, но и в мрачные эпохи испытания…».

На торжественном открытии Психоневрологического института, кроме Бехтерева, с докладами выступали профессора — зоопсихолог В. А. Вагнер и социологи Е. В. де Роберти и М. М. Ковалевский. Два последних ранее преподавали в Вольной

русской школе социальных наук в Париже, созданной на средства эмигрантов. Оба они были активными пропагандистами демократических идей.

Собрание прошло с большим подъемом. Поток желающих учиться в институте возрос после него еще более. К 15 февраля 1908 года на первый курс записалось 421 человек, в том числе 313 женщин. Совет института за обучение в первом семестре установил плату в 30 рублей, при этом 36 неимущих слушателей от платы за обучение были освобождены.

В сентябре 1908 года в Психоневрологический институт приняли еще 479 человек. С 15 сентября лекции и занятия велись уже параллельно со студентами 1-го и 2-го семестров. Это привело к необходимости иметь более обширное помещение. Тогда и был арендован дом Груздева (Невский проспект, д. 104), который и стал на некоторое время главным зданием Психоневрологического института. Увеличился и состав Совета. К осени 1908 года в него входили 42 профессора. Среди вновь избранных профессоров были физиолог Н. Е. Введенский, историк всемирной литературы Ф. Д. Батюшков, математик В. И. Бауман, антрополог Р. Л. Вайнберг, профессор уголовной социологии С. Г. Гогель, специалисты по общему землеведению А. В. Клоссовский, по общему государственному праву М. А. Рейснер, по всеобщей истории Е. В. Тарле, по химии Д. М. Цвет и другие. 11 декабря 1908 года Совет института избрал своим почетным членом великого русского писателя Л. Н. Толстого.

Для поддержания финансового обеспечения института по инициативе Бехтерева был создан Попечительский совет, состоящий из жертвователей крупных сумм, «а также лиц, способных принести особую пользу институту по своим познаниям и общественному положению». Председателем этого совета стал граф А. Д. Шереметев. Хозяйственный комитет института возглавил М. С. Добротворский.

С 1909 года при Психоневрологическом институте возникла Строительная комиссия, которую также возглавил Добротворский. В состав этой комиссии входили Бехтерев, Вагнер, Гервер, Пуссеп, архитектор института Р. Ф. Мельцер и инженер А. И. Балинский (сын профессора И. М. Балинского). В задачу комиссии входила организация строительства новых корпусов Психоневрологического института на «дарованной» царской канцелярией заболоченной пустоши за Невской заставой в 12,66 десятины на месте бывшей Глухозерской фермы.

Еще 1 октября 1907 года Бехтерев на заседании Совета института предложил организовать Попечительство о душевных и

нервных больных. В комиссию по составлению проекта устава Попечительства вошли Бехтерев, Останков и Грибоедов. 13 декабря того же года устав этот одобрил Совет, но утверждение его министерством внутренних дел последовало только 30 апреля 1909 года — иными словами, через полтора года. Попечительство было благотворительной организацией, призванной облегчать участь находившихся вне стационаров душевных и нервных больных по всей территории России.

Торжественное заседание в связи с созданием Попечительства состоялось в декабре 1909 года во время III съезда отечественных психиатров. В работе этого заседания приняли участие и делегаты съезда. Академик Бехтерев выступил в этот день с докладом «О положении душевнобольных в России». Попечительство взяло на себя сбор средств на нужды душевнобольных и больных нервными заболеваниями. Часть этих средств должна была расходоваться на строительство и содержание клиник при Психоневрологическом институте, призванных обеспечить «не только призрение, но и изучение причин развития и распространения душевных и нервных заболеваний». Фонды попечительства пополнялись за счет пожертвований, благотворительных вечеров, членских взносов… Бехтерев передал Попечительству собственные деньги, заработанные во время частного приема больных, который проводился им регулярно по четвергам. Плата за консультацию была строго определенной и составляла 20 рублей. В 1911 году с разрешения Петербургского митрополита для нужд Попечительства деньги собирали в церквах. Попечительство о душевных и нервных больных стало массовой всероссийской организацией. В него вступали люди, живущие в разных концах страны. Бехтерев входил в число почетных членов Попечительства.

Большое значение Бехтерев придавал созданному по его предложению «Обществу вспомоществования нуждающимся студентам Психоневрологического института». Оно выдавало нуждающимся единовременные или постоянные пособия (беспроцентные ссуды), занималось подысканием работы для неимущих студентов, проявляло заботу о заболевших и принимало различные меры «по удешевлению жизни студентов в столице». Средства общества состояли из пожертвований, членских взносов, возвращенных ссуд, из доходов за организуемые концерты, спектакли, публичные лекции и пр. Членами общества являлись практически все преподаватели института и немало лиц, не состоявших в его штате. Чтобы считаться членом общества, достаточно было вносить ежегодно по три рубля или же внести единовременно не менее 100 рублей.

Тщеславие жертвователей подогревал установленный порядок: единовременный взнос в триста рублей обеспечивал звание почетного члена общества, а начиная со взноса в пятьсот рублей и больше, жертвователь получал право на ношение на часовой цепочке специально установленного жетона. Такие правила играли на суетности толстосумов, но — как бы то ни было — эта не слишком привлекательная черта человеческого характера позволяла пополнять фонд общества. А выигрывали в результате студенты.

Для оказания студентам медицинской помощи в штате института состояли врачи, проводившие регулярные приемы. Лекарства студентам продавались со скидкой в 25 процентов. Имел институт и штатного юрисконсульта.

Материальная база института постепенно укреплялась. Библиотеки скончавшихся профессоров-психиатров И. М. Балинского и В. Х. Кандинского, переданные институту в дар их родственниками, легли в основу Фундаментальной библиотеки.

С каждым годом в институте возрастало число студентов. Уже с 1909 года секции института были преобразованы в факультеты: педагогический с естественно-историческим и словесно-историческим отделениями, юридический и медицинский.

Наряду с интенсивной учебной работой сотрудники Психоневрологического института все в большем объеме занимались исследованиями научного характера. Бехтерев и его помощники много делали для создания при Психоневрологическом институте специализированных научных учреждений. Первым из них стал Педологический институт (педология — учение о детях), задуманный Бехтеревым еще в 1903 году, как «педологический отдел для экспериментальных и иных исследований в области воспитания». Его созданию содействовал меценат В. Т. Зимин, предложивший Бехтереву в сентябре 1907 года 52 тысячи рублей на учреждение, имеющее целью «изучение человека как предмета воспитания», и, кроме того, изъявивший желание передать в ведение Психоневрологического института небольшой интернат, уже устроенный им для этой цели. Из пожертвованных средств 30 тысяч рублей Зимин предназначал для организации особого фонда имени К. Д. Ушинского, на проценты от которого в Педологическом институте должно было содержаться трое воспитанников, остальные 22 тысячи предназначались для строительства нового здания Педологического института. Совет Психоневрологического института 12 сентября решил принять пожертвования Зимина и согласиться на выдвинутые им условия.

Созданный таким образом Педологический институт временно возглавил сам Бехтерев. С марта 1910 года директором этого института был назначен приват-доцент К. И. Поварнин. В нем работали профессора А. Н. Шкарин и П. Ф. Коптеров, врачи И. Н. Спиртов, Г. Е. Шумков, Ю. Н. Болдырева. В число попечителей, помимо Зимина, входила дочь Бехтерева Ольга (в замужестве Никонова). После смерти Зимина попечительским советом института руководил Бехтерев.

В пансионат при институте принимались только здоровые дети не старше семи лет, имеющие здоровых родителей. Срок их содержания в пансионе устанавливался не менее десяти лет. Часть детей содержалась за счет частных стипендий, остальные за определенную плату, взимаемую с родителей. До постройки собственного здания Педологический институт располагался на Нюстадской улице. Летом воспитанники жили на даче на берегу Финского залива.

В 1910 году при Психоневрологическом институте открылись Криминологический и Психиатрический институты. Для изучения преступности в детском возрасте было получено разрешение проводить научные исследования в земледельческой колонии для малолетних преступников под Петербургом.

В Психоневрологическом институте систематически проводились административные и научные заседания Совета. В научных заседаниях принимали участие не только профессора и преподаватели, но и студенты. Нередко их посещали сотрудники и студенты университета, Военно-медицинской академии и других учебных заведений Петербурга.

Состав студентов и преподавателей Психоневрологического института определял демократический характер установившихся в нем порядков. Дисциплина в институте строилась на сознательном отношении к делу. Многие преподаватели охотно общались со студентами и во внеучебное время. Уже в 1909 году в институте работали студенческие учебно-образовательные кружки, созданные по решению Совета: научно-педагогический, историко-философский, философско-социологический и многие другие. Помимо преподавателей, с членами кружков занимались такие известные деятели культуры, как М. Горький, А. Ф. Кони, И. Е. Репин.

Начиная с 1908 года в России активизировалось движение за единение славян. Когда первая русская революция оказалась подавлена и либеральная интеллигенция убедилась в невозможности создания всенародного братства внутри своей

страны, ввиду непримиримого антагонизма между эксплуатируемыми и эксплуататорами, жаждущая активной дяетельности общественность вновь обратила свои взоры на «младших братьев» — славянские народы.

В 1909 году в Петербурге при активном участии Бехтерева было создано Общество славянского научного единения. Бехтерев стал президентом этого общества. В состав возглавляемого им комитета входили профессора Ваганов, Фортунатов, Шахматов, Погодин, Ковалевский и другие. Василеостровскую часть комитета возглавлял лингвист академик Шахматов, на квартире которого у Дворцового моста обычно и собирались руководители общества и засиживались там подчас до поздней ночи, горячо обсуждая проблемы единения с коллегами из славянских стран. Единение народов, правда, мыслилось ими не на классовой и не на политической, а на национальной, научной и даже просто языковой основе.

Как бы там ни было, но после 1908 года, когда в Праге состоялся съезд сторонников единения славян, движение за укрепление «духовных связей» между славянскими народами ширилось, и Бехтерев оказался одним из его признанных лидеров. В мае 1910 года на Подготовительном славянском съезде в Софии он выступил с большим программным докладом «Вопросы славянского научно-литературного единения в связи с культурным их сближением».

Являясь верным жрецом науки, Бехтерев считал, что она способна сближать народы и обеспечивать развитие в людях осмысленной тяги к добру, к миру, к справедливости, к созданию счастливой жизни для всех, к «всеобщему благу». В докладе он призывал к ликвидации прежде всего культурной розни, которая способствует культурной отсталости. Он говорил, что если экономическое сближение обещает материальные успехи, «то единение славянских деятелей, занятых научным, литературным и художественным творчеством, имеет в виду идейные результаты, общее согласование мысли и общее же использование результатов умственного и художественного творчества». При этом Бехтерев высказывался о том, что «чем шире круг лиц, занятых разрешением научных задач, связанных с одной общей целью, тем интенсивнее и продуктивнее идет работа, тем плодотворнее должны быть ее результаты… Чем больший круг лиц участвует в обмене мыслей, тем, в свою очередь, более выигрывает истина, и тем, следовательно, точнее достигнутые результаты умственной работы…

«Объединение научной и литературной деятельности, — говорил Бехтерев, — сближает народы, сплачивает их более

тесными узами культурного единства». При этом он подчеркивал, как важно, «чтобы в славянской среде для урегулирования славянских интересов везде и всюду действовали не сила, а право и справедливость… Имена таких могикан мысли и слова, как великие Каменский, Мицкевич, Пушкин, Лобачевский, Достоевский, Толстой и другие, служат порукой тому, что славянство еще скажет новое слово, которое объединит его и сделает сильным по содержанию и полным любви к ближнему и лучшей заботы о благе поколений».

Бехтерев высказывал надежду на то, что «новое слово» умиротворит враждующие народы, даст им «нравственную силу бороться с разъедающим их организм милитаризмом и укрепит и обоснует общественные идеалы служения истине и добру». Заканчивая доклад, Бехтерев призывал: «Вперед, за общую культуру на основе свободы, братства и равенства!» Призыв этот не мог не вызвать сочувствия у многочисленных слушателей, хотя казалось удивительным, что он звучал из уст человека, живущего в монархическом государстве, где в ту пору свирепствовала столыпинская реакция и ни свободы, ни равенства, ни братства не было и в помине. Но слушатели верили в искренность оратора, которого знали как большого ученого и к тому же участника войны за свободу славян.

После окончания съезда Бехтерев вместе с дочерью Ольгой и группой русских делегатов совершил путешествие по местам боев периода русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Эта поездка навеяла массу воспоминаний о прошлом. Болгары были гостеприимны, бережно хранили памятники былого, и Бехтереву было приятно осознавать и свою причастность к борьбе за их освобождение. Вспоминая о бесталанности высшего руководства русской армией, он отмечал тогда в путевых заметках: «… Очевидно, наши успехи были обязаны особому подъему энергии и духа войск, которые поддерживались во время освободительной войны и которых — увы! — не было и не могло быть в наших войсках во время несчастной для нас русско-японской войны».

Там же Бехтерев писал, что Болгария добилась после освобождения от турецкого ига немалых успехов в своем культурном развитии. В ней давно уже стало обязательным всеобщее четырехлетнее обучение и готовился переход ко всеобщему семилетнему образованию. «За время, немногим большее смены одного поколения, — отмечал Бехтерев, — она достигла всеобщего образования и сделалась в буквальном смысле слова цветущей страной. Ныне Болгария пользуется, что называется, вовсю плодами своей культуры. Она имеет прекрасно поставленное земледелие, сама строит при помощи своих

инженеров железные дороги, заводит свою обрабатывающую промышленность, устроила из прежней деревушки нынешнюю, так поражавшую нас своим благоустройством столицу и в то же время является могущественным государством на Балканском полуострове, с которым очень и очень считается Турция, да и одна ли Турция?.. Представьте же себе, — обращался к читателям своих путевых заметок Бехтерев, — и это необходимо особенно иметь в виду нашим задопятам, что вся Болгария и по пространству и по числу жителей равняется или почти равняется одной из наших больших губерний. Страшно подумать о нашей отсталости, — сокрушался в связи с этим Бехтерев, — не по сравнению даже со странами Западной Европы, а по сравнению с теми же славянами, которых освобождали своими собственными усилиями от векового рабства около тридцати с небольшим лет тому назад.

Когда сам увидишь воочию, что делает просвещение в стране, что значит и идущая вместе с просвещением культура, то поневоле проникаешься убеждением, что государство крепнет и растет не штыками, как у нас принято думать, а просвещением и культурой, культурой и просвещением».

Из Болгарии Бехтерев с дочерью направился в Константинополь. Осматривая город и его окрестности с башни старой многострадальной крепости, Бехтерев высказал надежду на то, что мирное сотрудничество с турками «может принести гораздо больше пользы славянству вообще и России в частности, нежели военные лавры».

С 27 декабря 1909-го по 6 января 1910 года в Петербурге проходил III съезд отечественных психиатров, организованный по инициативе Бехтерева Советом Психоневрологического института и Петербургским обществом психиатров «с целью дальнейшей разработки научно-практических вопросов в области психиатрии, невропатологии и призрения и лечения душевнобольных». За день до открытия съезда на товарищеском ужине делегатов обменялись приветствиями председатель оргкомитета Бехтерев и возглавлявший прибывшую на съезд группу психиатров и невропатологов славянских стран чешский профессор Е. Фроманек. При этом оба оратора говорили о том, что совместная работа на предстоящем съезде может рассматриваться как реализация на практике идеи о научном единении славян.

Торжественное открытие съезда состоялось в час дня в Александровском зале городской думы. Председателем съезда был избран Бехтерев.

На III съезде отечественных психиатров Бехтерев выступал

несколько раз. Большой доклад на тему «Вопросы душевного здоровья в населении России» был сделан им на заседании съезда, посвященном созданию «Попечительства о нервных и душевных больных».

«Как мы ни свыкаемся с действительностью, — говорил Бехтерев, — как ни притупляются наши нервы к тому злу, которое окружает нас со всех сторон, факты невольно заставляют нас вспомнить о том, что далеко не все вокруг нас благополучно… Нервно-психическое здоровье населения за последнее время у нас подвергается тяжелому испытанию еще и по особым условиям, стоявшим в связи с переживаемым общим кризисом страны. Необходимо скорейшее просветление окружающей нас мрачной атмосферы…

…Наш «нервный век», — продолжал оратор, — обязан своим названием всей совокупности условий, которые связаны с современной цивилизацией. Ее основой является значение капитала, приводящее к борьбе за существование. Золотой идол, этот страшный враг человечества, парализует стремление к взаимопомощи людей, направляя их друг против друга. Эксплуатация бедного люда приводит к всевозможным лишениям, к развитию нищеты и к крайнему переотягощению физических и нравственных сил населения, особенно в рабочем классе. Обусловленная тем же поклонением золотому тельцу борьба за существование ведет, в свою очередь, к умственному переутомлению, к целому ряду нравственных лишений и к физическому истощению».

Далее Бехтерев отмечал, что в задачи Психоневрологического института входит изучение факторов, способствующих развитию душевных и нервных болезней. В связи с этим им должны изучаться общественно-экономические и биологические условия бытия, должна вестись разработка «предупреждающих мер и мер общественной борьбы с болезнями мозга».

Одной из важных причин душевных и нервных заболеваний Бехтерев считал алкогольную интоксикацию и наркотики, которые зачастую принимаются людьми в связи с физическим истощением и нравственными лишениями в качестве возбуждающих средств. Бехтерев настаивал на изъятии алкоголя из свободной продажи и доказывал, что «главнейшей правильной мерой является отказ правительства от пользования вином в фискальных целях», а также «проведение в жизнь самых широких социальных реформ и поднятие благосостояния масс путем приближения их ко всем плодам современной европейской культуры».

Обращая внимание на то, что здоровье и воспитание детей во

многом определяется здоровьем и развитием женщин, Бехтерев ратовал за проведение реформ, направленных на проявление заботы о женщине-матери. Он призывал не допускать пренебрежения общественным воспитанием там, где это необходимо, принимать меры для устранения «систематического растления детей на улицах».

Бехтерев считал необходимым «всемерно бороться с народным невежеством как самым страшным злом, поддерживающим грубость нравов и незнакомство с самыми элементарными условиями гигиены и нормальных общественных отношений. Всеобщее распространение образования, но образования, поставленного правильно и умело, — говорил докладчик, — должно быть признано одним из средств, способствующих оздоровлению населения в нервно-психическом отношении». К числу мер, «способствующих охранению нервно-психического здоровья населения», Бехтерев относил также и «возможное предупреждение тяжелых общественных кризисов и прекращение войн». Он подчеркивал, что «значение экономических условий в развитии нервных и душевных болезней переоценить трудно», что «дурное питание населения, приводящее к ослаблению его физического здоровья, также должно быть признано одною из важных причин, подрывающих стойкость нервно-психического здоровья».

Завершая выступление, которое, как читатель помнит, прозвучало в годы торжества жестокой реакции, Бехтерев сказал: «Человечество пережило немало цивилизаций, которые отошли в область предания. Оставляя в стороне доисторические времена, заметим, что если Древний Рим погиб от рабства, если социальные катаклизмы в конце XVIII — начале XIX века зависели в значительной мере от феодального строя государств, то современное нам экономическое рабство, обусловленное значением капитала, грозит не меньшими бедами. Капиталистический строй — вот основное зло нашего времени. И мы должны стремиться к другим, более возвышенным нормам общественности; на место капитала мы должны выдвигать на первый план труд и служение истине и добру… Все… усилия, направленные против основного зла нашей действительности, должны быть делаемы не только в интересах сохранения расы, но и во имя высших общечеловеческих идеалов, во имя тех нравственных норм, которые не позволяют человеку попирать права других, устраняют рознь и ненавистничество между людьми и ведут человечество к единению и братству на почве общего равенства и уважения личности».

На III съезде отечественных психиатров Бехтерев выступал

также на заседании, посвященном открытию бюста Балинского и портрета Мержеевского, проходившем в аудитории клиники душевных болезней Военно-медицинской академии. На этом заседании он рассказал о жизненном пути и научных заслугах своих учителей, основавших петербургскую школу отечественных психиатров.

В совместном докладе В. М. Бехтерева и П. А. Останкова «О кандалах у испытуемых и душевнобольных арестантов» авторы отстаивали право на немедленное освобождение от кандалов и наручников подследственных и осужденных, поступающих в психиатрический стационар из тюремных больниц.

В речи «По поводу открытия Союза отечественных психиатров» Бехтерев рассказал о том, что мысль об этом Союзе зародилась еще в 1896 году во время VI Пироговского съезда в частном собрании группы русских психиатров: Корсакова, Сикорского, Кандинского и его самого. Через несколько месяцев в Москве Бехтерев, Корсаков и Яковенко разработали проект устава Союза.

На X Пироговском съезде устав был одобрен общественностью, а в 1908 году утвержден и министерством внутренних дел. Союз обеспечивал всероссийское единение психиатров и невропатологов и содействовал разработке в России общих концепций по вопросам теории и практики нервных и душевных болезней.

К началу III съезда в Психоневрологическом институте открылась большая выставка разнообразных материалов, имеющих отношение к деятельности психиатрической и неврологической служб. Демонстрировались макеты новых больниц, новая диагностическая и лечебная аппаратура, методики обследования, лекарственные препараты, методы восстановительного лечения, поделки больных. За две недели выставку посетило более пяти тысяч человек. На ее базе было решено в дальнейшем создать музей.

Психоневрологический институт постепенно разрастался. Со временем возникла потребность в организации специализированных секций Совета института: педагогической, психологической, криминалистической. На открытии психологической секции 20 февраля 1910 года Бехтерев выступил с докладом «Предмет и задачи общественной психологии малых и больших коллективов». Его выступление на секции криминалистов посвящалось объективным психологическим методам в изучении преступности.

В связи с открытием медицинского факультета института его Совет пополнили такие профессора, как анатом Д. И. Дейнека,

физиолог А. А. Ухтомский, хирурги В. А. Оппель, Н. Н. Петров, Е. В. Павлов, Р. Р. Вреден, инфекционист С. В. Посадский, специалист по общей патологии Н. Г. Ушинский и другие. В состав преподавателей института вошел тогда выпускник Военно-медицинской академии паразитолог Е. Н. Павловский — в будущем прославленный советский ученый, академик.

Среди учащейся молодежи популярность института росла чрезвычайно быстро. Все больше становилось желающих учиться в этой самобытной вольной высшей школе. Уже к весне 1910 года общее количество студентов Психоневрологического института приближалось к 1000 человек. Росло число кафедр, клиник, лабораторий. Исследования велись в самых разнообразных областях науки о человеке. На секциях Совета, в студенческих аудиториях нередко возникали горячие дискуссии, в процессе которых часто обсуждались и социально-политические проблемы.

Вместе с тем политическая обстановка в стране оставалась напряженной. Пока царствующая чета, ее родственники и приспешники, составлявшие дворцовую камарилью, развлекались и наживались, плели сети интриг и занимались распутством, управление государством практически полностью перешло к Столыпину, опиравшемуся на созданную им после «июньского переворота» в 1907 году III Государственную думу, всецело поддерживающую его политику. Подавляющее большинство членов думы составляли представители правых партий: «Союза русского народа» и «октябристов». К ним примыкала и главная партия либеральной буржуазии — конституционные демократы (кадеты). Правление Столыпина ознаменовалось жестокой расправой с участниками революционного движения, проведением аграрной реформы, разрушавшей крестьянскую общину и укреплявшей кулацкие хозяйства, а также настойчивым наступлением на демократию всюду и в том числе в учебных заведениях.

Ожесточению порядков в учебных заведениях способствовало назначение в 1910 году на пост министра народного просвещения ярого реакционера Л. А. Кассо. Кассо преследовал деятельность любых общественных студенческих организаций — землячеств, касс взаимопомощи, партийных группировок. В университетах и институтах были запрещены какие бы то ни было студенческие собрания. Новый министр добивался беспрекословного подчинения студентов и преподавателей чиновникам министерства, попечителям учебных округов и инспекторам.

Реакционные реформы министерства народного просвещения вызвали новые студенческие волнения, забастовки. Особенно

грубо оно вмешивалось в работу университетов, В связи с этим ректор Московского университета Мануйлов от имени Совета профессоров обратился к министру Кассо с протестом. Министр разгневался и добился отставки избранного в соответствии с Положением от 1906 года ректора, что возмутило преподавателей и было расценено как вопиющее беззаконие.

В 1911 году в знак протеста Московский университет покинуло 126 профессоров и преподавателей, в том числе такие выдающиеся деятели науки, как В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин. Среди подавших тогда в отставку профессоров медицинского факультета были психиатры и невропатологи В. П. Сербский, П. Б. Ганнушкин, В. К. Рот, Г. И. Россолимо, В. К. Хорошко, М. Н. Шатерников, Б. Н. Могильницкий. Инцидент не имел себе аналогов в истории Русского государства, да, пожалуй, и в мировой истории. Вся демократическая пресса выступила с осуждением действий министра просвещения. Однако их одобряли и всемогущий Столыпин, и царь.

4 сентября 1911 года в Москве в аудитории Политехнического музея открылся I съезд Союза отечественных психиатров и невропатологов в память С. С. Корсакова. Первый доклад на съезде сделал с недавних пор оказавшийся, подобно многим другим, в отставке известный московский психиатр профессор В. П. Сербский. Он говорил о том, что Россия переживает один из наиболее мрачных периодов своей истории — «кромешную ночь», в которой «свободно рыщет зверь, а человек бродит пугливо» и «принцип нестеснения царит только в психиатрических больницах, и то не во всех…». В заключительной части речи Сербский сделал ряд откровенных выпадов против министра Кассо. Речь его была встречена всеобщим одобрением. Присутствовавший на съезде пристав московского полицейского управления Строев потребовал прервать съезд «вплоть до особого распоряжения».

Возобновить работу съезда удалось лишь через день. Его заседания после вынужденного перерыва продолжались в большой аудитории Народного университета имени Шанявского в голицынском доме на Волхонке. Университет этот был создан в 1908 году на средства, завещанные умершим за три года до того отставным офицером Генерального штаба А. Л. Шанявским, для «привлечения симпатий народа к наукам и знаниям». Это демократическое учреждение пользовалось широкой поддержкой передовой общественности.

Перерыв в работе съезда, вызванный действиями полиции, лишь подогрел интерес к нему. На заседание, помимо делегатов,

явилось много молодежи, особенно «шанявцев». В соответствии с программой в этот день с докладом о причинах школьных самоубийств выступил Бехтерев. Он обратил внимание слушателей на то, что причины самоубийств, на которые указывает полиция, чаще всего неверны, так как полицейские чины обычно указывают не подлинную причину, а всего лишь внешний повод. Властям не на руку их раскрытие.

«Самоубийства, — говорил Бехтерев, — увеличиваются с увеличением человеческих страданий и уменьшаются с повышением материального и нравственного благосостояния общества». Улучшению благосостояния людей, казалось бы, должна способствовать цивилизация. «Однако, — замечал докладчик, — …современная цивилизация есть аристократка, и благами ее пользуется, в сущности, меньшинство населения, у огромного же большинства… развивается лишь стремление к плодам цивилизации, остающееся, однако, неудовлетворенным, а неудовлетворенность есть уже один из поводов к самоубийству». Но и у тех, кто имеет доступ к плодам цивилизации, возможна неудовлетворенность. Потребности зачастую намного опережают возможности, а это ведет к тому, «что неудовлетворение тех или иных желаний является слишком частым явлением». Однако особенно большое значение имеет «социальная несправедливость… вследствие служебного, классового и экономического неравенства, слишком часто обнаруживается попрание прав менее сильного в социальном смысле более сильными элементами». И роль социальной несправедливости в стране постоянно растет вместе с ростом фабричного пролетариата и все более неудовлетворительными условиями соглашения между хозяевами предприятий и рабочими.

Докладчик призывал «к устранению во что бы то ни стало» таких предрасполагающих к самоубийству факторов, как социальная несправедливость, бедственное экономическое положение людей, истощающие экономику и травмирующие тело и душу войны. «Война, это пугало современного национализма, разве она неизбежна? — спрашивал Бехтерев. — Разве нет средств разрешать жизненные вопросы между отдельными людьми не кулачным правом, а на основании определенных законоположений? Так почему же признается многими утопией введение юридических, договорных норм и арбитража в отношениях между народами?.. Я вообще убежден, — заявлял докладчик, — что с улучшением международных отношений, с установлением более тесных отношений между членами различных народов, когда народы вообще ближе будут знать друг друга, а особенно с развитием культуры народов, войны

прекратятся сами собою, и нужно только стремиться к тому, чтобы время мирного созидательства наступило возможно скорее».

Бехтерев считал необходимым устранение классовых перегородок и более равномерное распределение между людьми жизненных благ. «И тот, кто имеет больше жизненных благ, — говорил он, — и в то же время желает быть нравственно спокойным, должен стремиться вместе с другими к возможно большему уравнению и жизненных средств и прав между людьми…». Докладчик советовал «всемерно усилить взаимопомощь между людьми, о которой вообще люди легко забывают. Говорят, жизнь есть борьба. Но человеческая жизнь немыслима без сообщества людей, а если это так, то каждый должен работать в интересах этого общества, устраняя жизненные невзгоды там, где они обнаруживаются». С этой целью он считал необходимым «поддерживать все общественные начинания, клонящиеся к осуществлению взаимопомощи между людьми».

Большое внимание Бехтерев придавал необходимости совершенствования личности человека. При этом он отмечал, что «дело идет здесь не о простой образованности, ибо образованность еще не предполагает ни нравственного, ни эстетического воспитания, а между тем в этом вся суть… Дело не столько в самой образованности… сколько в создании характеров, в развитии самодеятельности, в приучении к плановому труду и переносливости различного рода испытаний, в развитии чувства долга и необходимости помощи другим во всех вообще случаях. Долг и помощь другим должны быть идеализированы, они должны войти в плоть и кровь учащегося, должны сделаться второй его натурой…

Как бы ни была мрачна действительность, — настаивал Бехтерев, — человек никогда не должен предаваться унынию и отчаянию. Он должен видеть идеал жизни не в роскоши, а в скромности, не в праздности, а в труде, не в уме только, но и в сердце. Девиз этот, — говорил он, — должен быть общим, и он должен подавлять губящий жизнь пессимизм, не дающий человечеству ничего вообще, кроме гнетущего мрака и смерти. Борьба с пессимизмом, — считал докладчик, — должна быть предметом самого внимательного отношения педагогов как высших и средних, так и низших школ. Прививание своим воспитанникам лучших общественных идеалов, вера в которые в современном обществе стала ослабевать, должно быть вообще первейшей задачей школы».

Бехтерев хотел, «чтобы человек верил в совершенствование человечества, верил в его будущее и в грядущее торжество разума

и идеалов. Нужно, — говорил он, — чтобы эта вера ничуть не колебалась, когда человек встречается с кажущимся крушением идеалов, когда, по его мнению, лучшие общественные идеалы нагло и непрестанно попираются. Человек должен всегда верить… в торжество разума, — призывал Бехтерев, — того разума, который и создал идею добра на земле… веру в торжество лучших общественных идеалов, ибо высший разум и зло несовместимы друг с другом».

В заключительной части выступления докладчик сказал: «Кто колеблется под напором жизненных условий, кто чувствует над собой непомерную тяжесть современного жизненного режима и готов под его тяжестью пасть и кончить самоубийством, тот ни на минуту не должен забывать, что бывали в жизни человечества и более мрачные эпохи, и тем не менее они миновали, и не только миновали, но даже способствовали возрождению человеческого духа, и это возрождение было обязано именно тем борцам, которые стойко держались в жизненных условиях и не отступали ни перед какими испытаниями; оно обязано их вере в идеалы и неустанной борьбе за лучшее будущее. Будем же и мы, — обращался Бехтерев к аудитории, — полны этой веры в лучшее светлое будущее, которое наступит непременно и наступит скоро, ибо за мраком ночи должно следовать утро, и оно будет тем радостнее, чем мрачнее и длиннее была ночь».

Завершение речи Бехтерева было встречено бурными аплодисментами. А когда Бехтерев спустился с трибуны, к нему стремительно метнулся полицейский пристав Строев и потребовал текст доклада. Бехтерев категорически отказал ему, объяснив, что у него имеется лишь один экземпляр речи, но он предназначен для прессы.

Во время происходившего в Москве I съезда «Русского Союза отечественных психиатров и невропатологов» в Киеве от ран умирал глава российского правительства и министр внутренних дел П. А. Столыпин. Туда он приехал, сопровождая императорскую семью, направлявшуюся на открытие памятника Александру II. 1 сентября в Киевском оперном театре для именитых гостей давался концерт. Во время антракта к сидевшему в первом ряду Столыпину приблизился сотрудник охранки и в упор несколько раз выстрелил в него из браунинга. Все это происходило на глазах многочисленной публики и находившегося в ложе царя.

Через четыре дня Столыпин умер, и на пост председателя совета министров Николай II назначил бывшего министра финансов В. И. Коковцева. В его продвижении большую роль

сыграл пользовавшийся к тому времени бесконечным доверием царя авантюрист Григорий Распутин. Другой ставленник Распутина, А. А. Макаров, вскоре стал министром внутренних дел. Он сразу же взял курс на дальнейшее ужесточение порядков в государстве. Донос московского градоначальника об антиправительственных высказываниях Бехтерева на съезде, составленный со слов пристава Строева, сразу же попал в руки вновь назначенного министра, стремившегося своим усердием оправдать оказанную ему царскую милость. За Бехтеревым был учрежден негласный полицейский надзор. Информация о крамольном содержании его московской речи попала к военному министру и к министру народного просвещения. Им намекнули, что «должные выводы» они должны сделать сами. Но даже министрам трудно было предпринять что-либо против известного всей России ученого и мыслителя.

Жизнь, однако, текла своим чередом. Бехтерев по-прежнему руководил кафедрами в Военно-медицинской академии и в Женском медицинском институте, занимался разнообразной общественной деятельностью, но особенно много внимания уделял дальнейшему расширению Психоневрологического института.

Летом 1911 года на осушенных землях за Невской заставой завершилось строительство основного четырехэтажного здания Психоневрологического института. С осени там читались лекции, проводилась значительная часть практических занятий. В этом здании насчитывалось шесть лекционных аудиторий. Там же находились и лаборатории: химическая, физическая и гистологическая. Нашлось здесь место и для канцелярии института.

В том же году при Психоневрологическом институте во временном помещении на Петроградской стороне открылось нейрохирургическое отделение, возглавляемое Л. М. Пуссепом, а затем и физиотерапевтическая поликлиника, которой руководил другой ученик Бехтерева — К. С. Агаджанянц. Тогда же начала функционировать и амбулатория для больных алкоголизмом. С сентября и до конца года ее посетило 819 человек.

6 мая 1912 года при Психоневрологическом институте открылся еще один специализированный научный центр — Экспериментально-клинический институт по изучению алкоголизма. Ничего подобного не существовало прежде нигде в мире. В трехэтажном здании с оригинальным фасадом, выходившим на Казачью улицу (ныне улица Бехтерева), построенном по проекту архитекторов Р. Ф. Мельцера и А. И.

Балинского, располагалась большая аудитория на 400 человек, палаты и комнаты дневного пребывания для больных, амбулатория, гимнастический, электролечебный и водолечебный кабинеты, столовая, мастерские и многочисленные вспомогательные помещения, в которых вскоре были развернуты физиологическая, психологическая, биологическая, гистологическая лаборатории, ботанический и зоологический кабинеты, а также фундаментальная научная библиотека Психоневрологического института, насчитывавшая к тому времени 11 тысяч томов. Еще в период строительства института его проект, сопровождавшийся подробной объяснительной запиской о целях и задачах учреждения, был представлен на международной выставке в Турине. Комитет выставки особое внимание уделил тогда самой идее создания лечебно-научного учреждения нового типа и присудил высшую премию ее автору — Бехтереву.

На открытии Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма, или, как его вскоре стали называть, Противоалкогольного института, Бехтерев выступил с большой речью «Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием», в которой излагал задачи нового института, сводившиеся к изучению влияния алкоголя на организм, опираясь при этом на строго научные методы и разработку действенных путей борьбы с алкоголизмом — этим страшным злом, разрушающим здоровье людей, ослабляющим производительные силы в государстве и нравственные устои народа.

Среди возможных мероприятий по борьбе с алкоголизмом Бехтерев упоминал в своей речи снижение крепости поступающих в продажу спиртных напитков, употребление их обязательно с пищей, широкое распространение и пропаганду напитков естественного брожения — пива, меда, кваса, натуральных вин и, разумеется, безалкогольных напитков. Особое внимание при этом он уделял изменениям социально-экономических условий жизни народа. «Проповеди идей трезвости, — настаивал докладчик, — связаны с созданием здоровых интересов в населении». В речи Бехтерева обращала на себя внимание широта проблем, изучением которых должен заниматься институт: от субъективных реакций на определенные дозы алкоголя до путей социальных преобразований.

14 сентября 1912 года открылась психиатрическая клиника Психоневрологического института. Ею руководили Гервер и Останков. В тот же день на территории института было заложено здание клиники нейрохирургии и хирургии имени Н. И. Пирогова. Неподалеку строились здания Педологического

института в Эпилептическая клиника.

В конце сентября на I съезде по семейному воспитанию Бехтерев выступал с докладом «Об эволюции психики ребенка». Чтобы получить возможность изучать развитие психики не только у здоровых, но и у больных детей, при Психоневрологическом институте была организована и Воспитательная школа для детей с пониженной успеваемостью, нервных и слаборазвитых детей (Надеждинская улица, дом № 18). В школе учились дети в возрасте от 7 до 17 лет с различными формами патологии нервной системы. Часть из них размещалась в созданном при школе пансионате, большинство же учеников жило в семьях. Эта школа, возглавляемая А. Ф. Лазурским, стремилась обеспечить возможно большее развитие психики у больных детей, укрепить их физически, «приохотить» к работе и, если окажется возможным, вернуть их в нормальную школу. При воспитательной школе работали шестинедельные курсы для лиц, интересующихся обучением и воспитанием умственно отсталых детей. Эти курсы посещались учителями, воспитателями, родителями. Уже в 1912 году вышли в свет два первых номера созданного при Психоневрологическом институте научного журнала «Вопросы врачебно-педагогической патологии».

В 1912 году в Психоневрологический институт, учебная база которого значительно расширилась, приняли 1065 слушателей. Общее число обучающихся в институте достигло 2590 человек.

Глава 8
НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ

Проявляя колоссальную настойчивость и титаническую трудоспособность, Бехтерев достиг немалых успехов в осуществлении поставленных целей. При этом на его пути, помимо естественных трудностей, встречались и искусственно создаваемые препятствия. Так, в 1912 году он был вовлечен в скандальную историю в связи с созданием Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма, которая отняла у него немало энергии и сил.

При создании Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма Бехтерев добился решения о выделении министерством финансов 400 тысяч рублей, необходимых для его строительства и оснащения. Однако к тому времени, когда строительство института уже было завершено, министерство ассигновало на него лишь 250 тысяч. 80 тысяч рублей Совету Психоневрологического института пришлось затратить из своих фондов. Требовались дополнительные расходы на оснащение столь необходимых в научно-исследовательском учреждении лабораторий. В связи с этим Совет принял решение направить министерству финансов запрос на дополнительные ассигнования. К запросу прилагалась объяснительная записка «Об устройстве лабораторий для изучения влияния алкоголя на организм и для исследования алкоголизма в населении». Составление записки поручили сотрудникам Экспериментально-клинического института Горелову и Михайлову. Текст запроса и приложение к нему были одобрены на заседании Совета Психоневрологического института, проходившем под председательством профессора Гервера.

В министерстве финансов запрос и сопровождающая его объяснительная записка были приложены к проекту сметы департамента неокладных сборов и казенных питий и направлены для обсуждения в бюджетную комиссию Государственной думы. Член думы М. Д. Челышев счел нужным передать записку председателю алкогольной комиссии при Обществе народного здравия доктору М. Н. Нижегородцеву «для открытого обсуждения с участием компетентных лиц». Такими лицами были признаны физиологи академики А. Я. Данилевский и И. П. Павлов и профессор Н. Е. Введенский.

Данилевский и Введенский, не вникая особенно глубоко в содержание бумаг, поддержали открытие нового научно-

исследовательского учреждения. Павлов, придирчиво изучив текст «Записки», обнаружил в ней две весьма уязвимые фразы: «… Опыт показывает, что алкогольные напитки естественного брожения, не подвергнутые интенсивной обработке (дистилляции), не содержат более 9 % алкоголя, и при обыкновенном их употреблении количество вводимого в организм алкоголя не превышает отношения 1,0 грамм на 1 кг веса, то есть количества, остающегося безвредным…». И далее: «…Но если выяснится факт, что алкоголь является веществом, не чуждым реакциям организма, то не исключена возможность и того, что с течением времени после тщательного изучения вопроса можно будет найти способы употребления алкоголя без всякого побочного вредного его действия, соблюдая лишь определенные условия для пользования им».

Павлов дал на «Записку» разгромный отзыв. Рецензент высказался в том смысле, что вред алкоголя давно известен и изучать его не следует. 26 апреля 1912 года «Записка» обсуждалась на заседании алкогольной комиссии. «Для чего при изучении влияния алкоголя на живой организм требуется учреждение целого естественного факультета? Что значат слова «беспристрастное изучение»? Может ли оно быть беспристрастным, если ведется на деньги казенной палаты питий?» — задавал вопросы Павлов. А некие доктора Сажин и Мендельсон высказались даже о том, что организаторы Экспериментально-клинического института намерены обосновать спаивание населения России. Манипулируя с цифрами, содержавшимися в «Записке», эти два «критика» утверждали, что ее авторы полагают допустимым употребление водки из расчета грамм алкоголя на килограмм веса тела. Иными словами, у них получалось, что «Записка» как бы разрешает человеку выпивать ежедневно — без вреда! — примерно стакан водки. Нечего и говорить, что это была злонамеренная фальсификация. Член Государственной думы Челышев чувствовал себя героем-обличителем. Он витийствовал, громя Экспериментально-клинический институт.

Бехтерев высказал удивление стремлению подозревать какие-то подвохи и недобросовестность со стороны организаторов первого в Европе института по изучению алкоголизма. Он доказывал, что «на борьбу с алкоголизмом надо выходить не с голыми руками, не с проповедью, а во всеоружии», говорил, что институт является и лечебным учреждением, амбулаторию которого уже более полугода посещали сотни больных, желающих излечиться от тяжкого недуга. Заканчивая выступление, он отметил, что в обсуждении «Записки» на Совете

Психоневрологического института ему участия принять не удалось, и признал неудачность некоторых формулировок в ее тексте. Малоприятная эта история тянулась еще несколько месяцев. В конце концов она завершилась, как и следовало ожидать, установлением непреложной истины: разумеется, ни Экспериментально-клинический институт, ни кто-либо из его сотрудников потворствовать алкоголизму не намеревался. Был и положительный момент во всей этой дискуссии: она показала, что изложение научных истин требует четкости и строгости в формулировках.

Еще больше, чем споры вокруг Экспериментально-клинического института, внимание общественности столицы в 1912 году занимали студенческие волнения.

Еще в январе 1912 года «учебную забастовку» объявили студентки Женского медицинского института. Причиной забастовки стало назначение министерством просвещения нескольких профессоров и преподавателей вопреки никем не отмененному закону о выборности преподавателей высших учебных заведений, принятому в 1906 году. Ректор института С. С. Салазкин отказался принимать против студенток какие-либо карательные меры, считая их протест справедливым. Тогда министр просвещения Кассо предложил ему подать в отставку. Это вызвало новую волну возмущения со стороны студенток и преподавателей. В результате по распоряжению Кассо из института были исключены 1237 человек. Занятия в институте возобновились лишь к осени, после того как под давлением общественности 1220 студенток вернулись в его стены. Во время забастовки Бехтерев вместе с большинством членов Совета этого института отстаивал права и интересы бастующей молодежи.

Осенью 1912 года обострилась обстановка в Военно-медицинской академии. 25 сентября военный министр В. А. Сухомлинов издал приказ об отдаче студентами академии воинской чести всем офицерам. В тот же день в трамвае возник конфликт между студентом академии и каким-то бравым поручиком. 27 сентября студенческая сходка постановила «не подчиняться приказу об отдании чести, хотя бы это грозило репрессиями, впредь до изменения порядка отдания чести в более соответствующем студентам академии смысле». В эти дни Наталья Петровна Бехтерева писала сыну Владимиру: «Дорогой Воля, папа так много работает, что я серьезно боюсь за его здоровье. Ложится он ежедневно в четыре утра и встает в десять. Из-за Алкогольного института идет до сих пор словесная печатная война, что отнимает у палы много энергии и времени…

Третьего дня был издан приказ по академии, что все студенты, как и нижние чины, должны отдавать честь офицерам[5]. Это вызвало целую бурю среди студентов с объявлением трехдневной забастовки. Начальник академии Вельяминов был освистан студентами, которых он выстроил во фрунт…»

Вскоре в петербургской газете «Биржевые ведомости» появилось интервью «с одним видным генералом», который заверял, что приказ об отдаче студентами Военно-медицинской академии чести офицерам издан будто бы по ходатайству профессоров и преподавателей академии. Эта газетная публикация большинством педагогов академии была воспринята как оскорбительная для них неуклюжая попытка Сухомлинова переложить на их плечи спровоцированную им самим конфликтную ситуацию. По предложению Бехтерева статья была обсуждена и осуждена Конференцией академии. Специально избранной при этом комиссии во главе с Бехтеревым было поручено составить от имени Конференции опровержение и направить его в ту же газету. Когда опровержение появилось в печати, Сухомлинов стал выяснять, кем оно составлено. Ученый секретарь академии профессор А. И. Моисеев перечислил военно-санитарному инспектору Евдокимову состав комиссии. Бехтерев, узнав об этом, сказал Моисееву: «Хорошенькое дело! Вы все испортили: ведь ответ был мнением всей Конференции. А так, видите ли, частное мнение отдельных лиц. Эх Вы!»

Вскоре между профессорами Военно-медицинской академии и военным министром возник новый конфликт. Сухомлинов, уделяя мало внимания повышению боеготовности армии, весьма заботился об ее внешнем виде, особенно на парадах, в связи с чем вводил новую форму — и не только в строевых частях, но и в военных учебных заведениях и вспомогательных службах военного ведомства. Делалось это, как говорила молва, в угоду коммерсантам — поставщикам обмундирования. Конференция высказалась против изменения формы студентов. Бехтерев, разумеется, вновь оказался в числе «протестантов». Его отношения с военным министром испортились вконец, и можно было ожидать любого подвоха со стороны злопамятного Сухомлинова.

Бехтерев, однако, старался волноваться как можно меньше по всем подобным поводам. Его заботили куда более важные проблемы. Организация учреждений Психоневрологического института требовала поистине титанических усилий. — И не ослабевала ни на миг его преподавательская, лечебная, издательская и общественная работа. В это время Бехтерев много писал.

В 1910 году из печати вышел второй том его книги «Невропатологические и психиатрические наблюдения», в которой описывался ряд неизвестных ранее симптомов и патологических состояний, встречающихся в клинике нервных и душевных болезней. В 1911 году была опубликована большая монография «Общая диагностика болезней нервной системы». В ней подробно излагались методики обследования неврологических больных и многочисленные клинические признаки различных по локализации и характеру поражений нервной системы.

В 1912 году в разгаре поднятой в печати свистопляски вокруг представленной в министерство финансов «Записки» Бехтерев опубликовал большую статью «Алкогольная политика и алкогольное оздоровление», которая однозначно определяла его отношение к существующей практике царского правительства в этом вопросе и содержала предложение о мероприятиях для противодействия насаждаемому властями пристрастию к «зеленому змию». «Алкоголизм населения, — писал в ней Бехтерев, — является в полном смысле слова государственным злом, которое не только губит силы нынешнего населения, но… обрушивается всею своею тяжестью и на будущие поколения…» Он, кстати, активно возражал против признания безопасным употребления умеренных доз алкоголя, отмечая при этом, что «начало всегда выражается малыми дозами, которые постепенно переходят в дозы все большие и большие по закону тяготения ко всем вообще наркотическим ядам…».

«Экономический ущерб, наносимый стране потреблением алкоголя, так велик, — писал Бехтерев, — что с устранением его государственные финансы только выиграют, не говоря уже об ежегодном сбережении страной 1 млрд. рублей, ныне пропиваемого населением». Бехтерев утверждал, что вообще трудно выразить экономический и моральный ущерб, наносимый стране и народу распространением алкоголизма, при этом он обращал внимание на то, что алкоголизму сопутствуют рост хулиганства, преступности, душевных и нервных болезней, многих иных заболеваний и травматизма, что он становится причиной преждевременной старости и смерти. «С распространением алкоголизма, — говорилось в статье, — страна не только проигрывает и морально, и материально, но и существенно обременяет свой государственный бюджет чрезмерными тратами на содержание тюрем, домов трудолюбия, всевозможных приютов, богаделен, больниц, колоний и т. п. Наконец, физическая хилость пьющего рабочего, умственная вялость интеллигента-алкоголика, нравственное и физическое

вырождение потомков алкоголиков — разве это не прямой ущерб, ослабляющий экономические и нравственные силы населения?» Бехтерев утверждал, что многомиллионные доходы министерства финансов от продажи водки и других спиртных напитков создают лишь «мираж бюджетного благополучия», и призывал правительство отказаться «от пользования вином для поддержания финансов» и обеспечить повсеместно лечение алкоголиков. Главным же условием борьбы с алкоголизмом Бехтерев считал поднятие благосостояния и культуры населения.

Бехтерев был убежден в большой научной и практической значимости исследований, которыми должен был заниматься Экспериментально-клинический институт. Перспективность разработки поставленных перед коллективом института задач была признана и на состоявшемся в 1913 году в Париже Международном конгрессе, обсуждавшем меры борьбы с алкоголизмом. По предложению профессора Д'Арсенваля конгрессом было принято постановление просить русское правительство сделать Противоалкогольный институт международным научно-исследовательским учреждением, подобным Пастеровскому институту во Франции.

Работа в Педологическом научно-исследовательском учреждении при Психоневрологическом институте послужила основанием к написанию Бехтеревым ряда статей о воспитании детей первых лет жизни. «Трудно найти слова, — отмечал он, — для осуждения… взгляда, исключающего воспитание в младенческом возрасте, который как раз нуждается в особенно внимательном воспитании и который почему-то обходят современные воспитательные системы… Внимательное наблюдение над развитием детской психики показывает, что первые проявления психорефлексов, развивающихся на почве обыкновенных рефлексов, можно подметить уже с первых дней жизни ребенка…»

Сам Бехтерев вместе с женой давно уже вел наблюдения над развитием собственных детей. Особенно подробно велся дневник развития их младшей дочери Марии, родившейся в 1904 году. Бехтерев стал одним из создателей педагогики периода «первого детства», он многократно подчеркивал значимость воспитательных мероприятий на этом этапе развития ребенка.

Большое внимание Бехтерев обращал на развитие эмоциональной сферы детей. Он писал: «Необходимо прежде всего, чтобы младенец, наряду с физическим содержанием, был всемерно оберегаем от всего, что подавляет психику и жизненные отправления, а к числу таких факторов бесспорно относятся все угнетающие эмоции, как испуг, страх, плач и т. п.». Он

высказывал надежду на то, что «…правильное воспитание, приведя к нравственному оздоровлению человечества, послужит лучшей основой для пересоздания общества на началах справедливости и уважения прав личности».

После завершения работы над «Основами учения о функциях мозга» на первый план в научных исследованиях Бехтерева вышли проблемы психологии. Исходя из того, что психическая деятельность есть следствие работы мозга, Бехтерев стремился максимально объективизировать методы психологических и психиатрических исследований, опираясь главным образом на достижения физиологии и прежде всего учения о рефлексах.

В докладе Бехтерева и Владычко на научном собрании врачей клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии в октябре 1909 года было сказано, что «все нервно-психические отправления могут быть исследованы как явления вполне объективные, причем для определения и оценки их может быть применен вполне объективный критерий, совершенно исключающий субъективную форму оценки нервно-психических явлений». Через три года, выступая на заседании общества психиатров Петербурга, Бехтерев высказывался о том, что «нет ни одного субъективного явления, которое не сопутствовалось бы объективными процессами в мозгу в виде пробегающего по нервным клеткам и волокнам тока, представляющего собой… по внешности акт химико-физический». Вслед за И. М. Сеченовым Бехтерев заявил, что «так называемые психические явления суть те же рефлексы».

Наиболее крупной монографической работой Бехтерева, написанной в первые годы существования Психоневрологического института, стала книга в трех выпусках (томах) «Объективная психология», опубликованных в период с 1907 по 1910 год. В ней автор как бы развернул и уточнил положения, нашедшие отражение в его более ранней работе «Объективная психология и ее предмет», напечатанной в 1904 году.

Существовавшую к тому времени психологию Бехтерев именовал субъективной, так как она «основывалась почти исключительно на самонаблюдении». Он рассматривал ее как «психологию индивидуального сознания» и разделял на описательную и объяснительную. Субъективной психологии он противопоставлял создаваемую им объективную психологию, которая «исключает совершенно метод самонаблюдения из наблюдения и эксперимента, причем все психические отправления должны подвергаться лишь объективной регистрации и контролю».

Бехтерев считал, что психологии не следует ограничиваться изучением осознаваемой психической деятельности, что она должна изучать и бессознательные психические явления, а также «внешние проявления деятельности организма, поскольку они являются выражением психической жизни». «Психология, — говорил Бехтерев, — с нашей точки зрения есть наука о психической жизни вообще, а не в сознательных только ее проявлениях». Уже в первом выпуске «Объективной психологии» Бехтерев предлагал выделять психологию индивидуальную, общественную, национальную, сравнительную, психологию народов и так называемую зоопсихологию. Кроме того, он указывал на необходимость выделения детской психологии «как науки, изучающей законы и последовательность психического развития отдельных индивидуумов». При этом Бехтерева интересовали не только «последовательность развития психической сферы, но и изучение способов и приемов, содействующих достижению правильного воспитания и умственного развития». Естественным оказывался и вывод о необходимости выделять «как особый предмет, преследующий свои специальные задачи», педагогическую психологию.

Разработка всех этих разделов психологии стала одной из главных задач дальнейшей творческой деятельности Бехтерева. Эта работа проводилась им главным образом на основании материалов, полученных в научных учреждениях Психоневрологического института.

В Психоневрологическом институте работали профессора и преподаватели, которые хотели вырваться из атмосферы казенщины и бюрократизма, царивших в государственных учебных заведениях. Здесь они могли излагать студентам материал, выходящий подчас далеко за рамки утвержденного министерством народного просвещения учебного плана, делились со студентами новейшими достижениями науки, обменивались с ними мыслями о социально-политической обстановке в стране, не опасаясь вмешательства каких-нибудь инспекторов, штаб-офицеров и иных подобных им чиновников от воспитания.

Жалованья в Психоневрологическом институте платили меньше, чем в университете и тем более — в Военно-медицинской академии, но работать здесь было интереснее. К тому же студенческая масса, более демократическая по происхождению и устремлениям, проявляла живую заинтересованность в занятиях. А когда власти пытались помешать общественной жизни института, студенты и преподаватели выступали единым фронтом.

Уже в 1909 году более 30 процентов профессоров и преподавателей Психоневрологического института числились в департаменте полиции как «лица неблагонадежные в политическом смысле». Так, например, профессор П. Ф. Лесгафт был «известен своей политической неблагонадежностью еще с 1871 года». Возглавляемые им Биологические курсы, с точки зрения полиции, являлись «одним из центров революционной агитации в столице, оказывая на слушателей своих вредное влияние, вселяя в них революционную убежденность».

Бывший депутат Государственной думы профессор М. М. Ковалевский «был связан еще с народовольцами, принимал участие в деятельности нелегальных съездов в августе 1905 года» и в полицейских досье характеризовался как «человек крайне либерального образа мыслей».

Литератор профессор В. А. Мяконин в течение трех лет находился под гласным надзором полиции. Во время революции 1905 года он был «в составе комитета по руководству действиями всех подпольных организаций, направленными к ниспровержению самодержавной власти, вместе с литератором Пешковым (М. Горьким). Он же призывал избирать в Государственную думу представителей левых партий, рекомендуя при этом не слагать оружия, пока народ не добьется полной победы».

Математик профессор В. И. Бауман, родственник агента «Искры» большевика Н. Э. Баумана, убитого черносотенцами в Москве в октябре 1905 года, отличался «крайне политической неблагонадежностью и хранил революционную литературу по рабочему движению».

На профессора-невропатолога М. П. Никитина в полиции имелось досье, в котором указывалось, что он когда-то занимался пропагандистской деятельностью среди рабочих Нижнего Новгорода. О докторе медицины А. П. Щеглове было известно, что он тесно контактировал с петербургскими революционными кружками. Профессор-филолог К. Ф. Жаков у себя дома устраивал собрания студентов, на которых обсуждались вопросы, «далеко выходившие за пределы языкознания и филологии, носившие политическую окраску».

В полицейских документах указывалось на то, что преподаватели и студенты Психоневрологического института «в громадном большинстве, как можно судить по постоянным их выступлениям, отличаются ярко революционным настроением». Градоначальник Петербурга докладывал министру внутренних дел, что в возглавляемом Бехтеревым институте «существует целый ряд разрешенных его Советом студенческих организаций, таких, как кружок имени Н. К. Михайловского (партия социал-

революционеров) и философско-экономический кружок (партия социал-демократов). Кроме того, среди слушателей и слушательниц совершенно открыто действуют три революционных кружка: 1. Народников (партия социал-революционеров), имеющий свой периодический орган «Листок студентов-психоневрологов»; 2. Марксистов (социал-демократическая партия), пользующийся тем же печатным органом; 3. Радикал-автономистов, который также издает собственную газету под названием «Отклики нашей жизни», ставит себе главной целью отстаивание полной автономии высшей школы… Вполне понятно при таких условиях, что не было ни одного политического события, на которое слушатели и слушательницы института не реагировали бы в революционном направлении».

В донесении градоначальника отмечалось также, что руководство института и его президент Бехтерев «неизменно обнаруживают полную неспособность или явное нежелание прекращать или предупреждать подобного рода выступления. В частности, по постановлению совета министров от 3 января 1911 года о временном запрещении студенческих собраний не подчинилось одно только управление Психоневрологического института».

Полиции было известно, что 7 сентября 1911 года в здании института на Невском проспекте под председательством профессора Венгерова состоялся вечер, посвященный памяти Л. Н. Толстого, с участием более тысячи человек, «на коем некоторыми ораторами произнесены были речи тенденциозного содержания, причем один из говоривших призывал всех собраться на Казанской площади для устройства демонстрации с целью выражения протеста против смертной казни. Год спустя в одной из аудиторий нового здания института за Невской заставой была проведена массовая студенческая сходка, сопровождающаяся резкими противоправительственными выходками и призывами к ведению пропаганды среди фабричных рабочих. 19 октября 1912 года проходило собрание студентов и преподавателей института, «посвященное изложению сущности марксизма». Сходка 1500 студентов и преподавателей 24 октября завершилась «резкой резолюцией против осуждения членов Государственной думы второго созыва и пением революционного похоронного марша». Кроме того, в полицейских документах указывалось, что в Психоневрологическом институте беспрепятственно распространяются противоправительственные прокламации, что студенты института часто принимали участие «в уличных беспорядках», в частности в событиях, возникших в связи с

Ленским расстрелом, в в Первомайских демонстрациях и еще многое в том же роде.

Во «всеподданнейшем отчете» санкт-петербургского градоначальника за 1912 год отмечалось, что в Психоневрологическом институте существует «определенно выраженное противоправительственное направление как преподавательского его персонала, так и всего состава слушателей». Подчеркивалось также «вредное влияние этого института на другие высшие учебные заведения столицы и на рабочее население района, где расположено названное учреждение». Император Николай II внимательно ознакомился с донесением и на полях его написал: «Какова польза от этого института для России? Желаю иметь обоснованный ответ».

Царская фраза наглядно демонстрировала отношение правящих кругов к Психоневрологическому институту и его президенту. Она развязывала руки министру народного просвещения Кассо, давно уже лелеявшему мечту ликвидировать ненавистное ему научно-учебное учреждение, которое он рассматривал не иначе как «гнездо революционной демократии».

Над Психоневрологическим институтом явно сгущались тучи, но президент его продолжал интенсивно работать. Ввиду большой занятости организационными обязанностями, лечебной и педагогической работой научные статьи и книги Бехтерев писал вечерами, нередко засиживаясь и до глубокой ночи. Работе он отдавал и дни отдыха.

К тому времени Бехтеревы приобрели дачу на Черноморском побережье за Туапсе. Ею широко пользовались родственники, но самим ее хозяевам выбираться туда удавалось редко. А вот за несколько лет до того построенную на берегу Финского залива другую дачу — ей в семье дали имя «Тихий берег» — Бехтеревы зачастую посещали по воскресеньям и в праздничные дни. Но и здесь Владимир Михайлович больше работал, чем отдыхал. Как писала его дочь Екатерина Владимировна, дети «никогда не видели отца вне целенаправленной деятельности». Его постоянная занятость не давала ему возможности поддерживать связи со старыми друзьями, поскольку времени хватало только для контактов, имевших общественный характер.

Но это не означало, однако, что Бехтерев чурался новых знакомств. Из числа его дачных знакомых в первую очередь, наверное, стоит упомянуть об И. Е. Репине, дом которого — «Пенаты» — располагался неподалеку от бехтеревской дачи. Бехтерев и Репин — эти два неутомимых труженика — питали друг к другу самые теплые чувства. По предложению Бехтерева

великого художника избрали почетным членом Совета Психоневрологического института. Здесь Репин бывал неоднократно, беседовал со студентами, интересовался решаемыми тут проблемами. А Бехтерев навещал «Пенаты», где не раз имел возможность встречаться со многими интересными людьми — писателями В. Г. Короленко и Л. Н. Андреевым, художниками, со скульптором П. П. Трубецким, создателем полного сарказма памятника Александру III, воздвигнутого в 1909 году напротив Николаевского (ныне Московского) вокзала, с журналистом Г. Петровым, с певицей Б. Горской, актрисой Яворской… Встречал он здесь и старых знакомых — юриста А. Ф. Кони, бывшего узника Шлиссельбургской крепости Н. А. Морозова и других.

Летом 1913 года Бехтерев позировал Репину в его мастерской. Во время сеансов обычно присутствовал молодой тогда писатель К. И. Чуковский. По просьбе Репина он «будоражил и тормошил тех людей, что позировали ему для портретов». Как впоследствии вспоминал Чуковский, «в большинстве случаев эти люди, особенно если они были стары, очень скоро утомлялись. Иные через час, а иные и ранее обмякали, обвисали, начинали сутулиться, и, главное, у всех у них потухали глаза. Академик Бехтерев, тучный старик с нависшими, дремучими бровями, всегда производивший впечатление сонного, во время одного сеанса заснул окончательно (он приехал в «Пенаты» смертельно усталым), и Репин на цыпочках отошел от него, чтобы не мешать ему выспаться». 56-летний академик юному писателю казался стариком. Он действительно с трудом переносил сеансы позирования: приезжал он обычно после многотрудных дел, измученным и усталым. А тут еще непривычная бездеятельная неподвижность. Чтобы развлечь ученого, Чуковский заводил с ним разговоры, чаще всего о гипнозе, бывшем тогда модной темой. А уж кому-кому, как не Бехтереву, доподлинно было известно, что истинно, а что ложно в этом занимавшем всех явлении.

Портрет Бехтерева Репин написал летом 1913 года. Его приобрел Румянцевский музей. Ныне же он хранится в Ленинграде в фондах Русского музея. А авторская копия портрета вскоре украсила петербургскую квартиру Владимира Михайловича.

В быту Бехтерев был нетребователен и неприхотлив. Однако он счел нужным обзавестись еще диковинным в то время видом транспорта — автомобилем, который давал возможность существенно экономить время при разъездах по городу. Поначалу

машину водил нанятый шофер. Позже ученый ездил сам, притом довольно лихо.

В 1912 году у Бехтерева созрело решение о строительстве собственного дома в Петербурге. Казенная квартира в здании Психиатрической клиники Военно-медицинской академии, которую он занимал с 1893 года, стала для семьи тесноватой. Но, главное, в 1913 году заканчивалось второе дополнительное пятилетие службы Бехтерева после полагавшихся 25 лет, которые истекли еще в 1903 году, а при складывающихся отношениях с военным министром и администрацией академии не было никакой уверенности в том, что он будет оставлен в должности руководителя кафедры и клиники. Новый дом для семьи Бехтерева строился по проекту архитектора Мельцера неподалеку от дома академика Данилевского, на окраине города — на Каменном острове. К осени 1913 года строительство завершилось, и это оказалось весьма кстати. Как только истекло пять лет после последнего приказа о продлении службы Бехтерева в военном ведомстве, он получил предписание начальника Военно-медицинской академии Маковцева — «всеподданнейшее прошение об отчислении… от должности ординарного профессора академии». Это было 4 сентября 1913 года, а через пять дней Маковцев прислал Бехтереву настоятельное напоминание об этом.

Требуемый рапорт Бехтеревым был подан, и вскоре последовало официальное сообщение о том, что «заслуженный ординарный профессор Военно-медицинской академии, совещательный член Медицинского совета министерства внутренних дел и Военно-санитарного ученого комитета, ординарный профессор Санкт-Петербургского женского медицинского института и член Совета дома призрения душевнобольных, учрежденного императором Александром III, академик, тайный советник Бехтерев отчисляется от должности ординарного профессора академии за выслугой лет, с оставлением в прочих занимаемых должностях и званиях».

Последние слова сообщения — об отстранении Бехтерева от должности профессора и «оставлении» в прочих — оказались лицемерными. Министр Кассо, который давно уже «точил зубы» на Бехтерева, известил Совет Психоневрологического института о том, что он «не считает возможным» утвердить повторно избранного президентом института Бехтерева в этой должности. В связи с этим в журнале «Русский врач» тогда писали: «Можно ли себе представить Психоневрологический институт — воплощение мысли и энергии Бехтерева отставленным от творца своего, от

души своей! Все знают, что профессор Бехтерев не только идейный, но и фактический создатель института, что построение этого института, стоившее Бехтереву гигантского труда, было возможно только при его выдающемся авторитете ученого и общественного деятеля, что он, В. М. Бехтерев, создал нечто великое из ничего». Почти одновременно Кассо не утвердил Бехтерева и в должности заведующего кафедрой психиатрии и невропатологии Женского медицинского института, на которую он незадолго до того был переизбран.

Таким образом, в 1913 году полный сил и творческих планов 56-летний академик Бехтерев оказался отстраненным от работы в Военно-медицинской академии, где он много лет был одним из ведущих профессоров, создал неврологическую клинику, сделал образцовой клинику душевных болезней, организовал лабораторную базу, позволившие выполнить десятки экспериментальных и экспериментально-клинических исследований и подготовить при этом целую плеяду крупных специалистов — психиатров, невропатологов, психологов. Вынужден он был прекратить преподавательскую работу и в Женском медицинском институте, где, как писала одна из студенток, каждый «приезд Владимира Михайловича был выдающимся событием». И наконец, он был лишен должности руководителя созданного им же Психоневрологического института.

Столь явно продемонстрированное отношение власть имущих к великому ученому вызвало всеобщее возмущение студентов и передовой части преподавателей Военно-медицинской академии и Женского медицинского института, но наиболее активное сопротивление решению министра народного просвещения оказали студенты и преподаватели Психоневрологического института. 24 октября 1913 года состоялось экстренное заседание Совета института, на котором преподаватели высказали единодушное мнение о его незаменимости как президента. Было решено направить протест в адрес председателя совета министров Коковцева. Протест этот остался, однако, без ответа. Тогда на пост президента Совет избрал профессора В. А. Вагнера, который дал согласие занять его при непременном условии, что его наставник и учитель по-прежнему будет руководить Психоневрологическим институтом. Бехтерев, таким образом, остался фактическим руководителем института. При этом ему приходилось нередко иметь дело с министерством, что тамошние сотрудники воспринимали как вполне естественное явление. Не мог угомониться лишь сам министр. И в связи с этим Бехтерев предвидел, что «усечение головы предвещало и предстоящее

закрытие института», по крайней мере от Кассо следовало ожидать решительных действий, направленных на достижение этой цели.

2 июля 1914 года председатель совета министров Горемыкин подписал адресованный царю официальный документ «О состоящем в ведении министерства народного просвещения Психоневрологическом институте». Этот документ, по сути дела, являлся ответом на вопросы Николая II в его резолюции на «всеподданнейшем отчете» санкт-петербургского градоначальника за 1912 год. Горемыкин сообщал о том, что «во исполнение таковой высочайшей воли» министр Кассо представил подробные сведения об институте. Излагалась краткая история института. При этом упоминалось, что поначалу институт планировался прежде всего как научное учреждение. Далее перечислялись созданные при нем научно-исследовательские организации, затраты на которые превышали 200 тысяч рублей. Указывалось, что созданы они были «преимущественно за счет частных пожертвований с некоторыми лишь из средств казны пособиями и расположены на высочайше дарованном институту участке земли в так называемом «Царском городке» за Невскою заставою».

После этого в представленном царю документе указывалось, что «в действительности преимущественное в жизни института развитие получила, однако же, не научная сторона его деятельности, отступившая на второй план, а учебная; с первого года своего существования институт, широко толкуя предоставленное ему право устраивать курсы по предметам, входящим в область психологии и неврологии и сопредельных с ними наук, открыл целый ряд курсов, которые в течение времени превратились в частное высшее учебное заведение для лиц обоего пола, в составе обычных четырех университетских факультетов с общим числом слушателей, превышающим 3000 человек. При этом, пользуясь полною автономностью в деле устройства своих учреждений, Совет Психоневрологического института придал означенным курсам тот революционный характер, на который указывалось во всеподданнейшем отчете санкт-петербургского градоначальника. Так, прежде всего состав профессоров и преподавателей института, всего в числе свыше 150 человек, отличается совершенно определенным противоправительственным направлением… Равным образом и слушатели, а также слушательницы института, в громадном своем большинстве, как можно об этом судить по постоянным их выступлениям, отличаются ярко революционным настроением,

что и вполне естественно, так как, по меткому выражению одного из членов Государственной думы… учреждение это является как бы отдушиною, куда уходят все те элементы, которые по разным причинам не могут попасть в правительственные высшие школы».

Далее в документе говорилось о том, что «на неудовлетворительное с государственной точки зрения положение дел в Психоневрологическом институте в письмах на имя бывшего президента института академика Бехтерева и покойного председателя совета министров Столыпина неоднократно обращал внимание еще бывший министр просвещения сенатор Шварц». В марте 1913 года, как отмечалось в докладной записке, министр Кассо предложил руководству института пересмотреть его устав, подчинив таким образом институт общему контролю министерства просвещения в лице попечителя Петербургского учебного округа и обеспечив при этом контроль министерства за избранием профессоров и преподавателей и набором студентов. Ответ на это требование министра Совет института дал лишь в начале 1914 года; он представил в нем проект дополнений к действующему уставу, обойдя при этом основные требования Кассо.

«Совокупность всего вышеизложенного, — сообщал председатель совета министров Николаю II, — приводит министерство народного просвещения к заключению, что на поставленный Вашим Императорским величеством вопрос о пользе, приносимой государству Психоневрологическим институтом, может быть дан только отрицательный ответ. Поэтому и принимая во внимание, что противоправительственное направление, как это ныне может считаться окончательно установленным, пустило в Психоневрологическом институте слишком глубокие корни, чтобы частичными изменениями и дополнениями его устава могло бы быть достигнуто быстрое изменение этого направления и оздоровление жизни института, тайный советник Кассо приходит к заключению о необходимости закрытия института».

Совет министров, со своей стороны, был не против закрытия Психоневрологического института, тем более что закрытие его можно в какой-то степени оправдать «нарушением» институтом своего устава и «противоправительственной направленностью» деятельности преподавателей и студентов. Вместе с тем Горемыкин счел нужным предупредить царя, что «подобная мера теперь… несомненно, произвела бы крайне неблагоприятное в общественном мнении впечатление, тем более нежелательное, что институт организован и содержится преимущественно на частные средства».

С общественным мнением приходилось считаться даже царю и его приспешникам. И потому в решении вопроса о судьбе Психоневрологического института Горемыкин не был столь категоричен, как Кассо. Вместе с тем и он находил, что «противоправительственная агитация, прочно укоренившаяся в институте, несомненно, подлежит устранению». Совет министров считал необходимым «ввести правила, регулирующие права, обязанности и весь внутренний строй института». Для этого он предлагал «немедленно пересмотреть устав института» таким образом, чтобы порядки в нем были приведены в соответствие с прочими высшими учебными заведениями.

На этом документе с грифом «Совершенно секретно» Николай II написал: «Согласен». Это случилось 28 июля 1914 года — через девять дней после того, как был опубликован скрепленный его же подписью минифест о вступлении России в войну с Германией и ее союзниками.

Война всколыхнула Россию, Европу, весь мир. Как относиться к ней? Понятно, что каждая война несет беды, разрушения, жертвы. Но война была начата с кайзеровской Германией и реакционной Австро-Венгрией — столпами милитаризма на Европейском континенте, главными противниками единения славян. Некоторые «левые», и прежде всего представители большевистской фракции социал-демократов, указывают на империалистический характер войны, на ее бессмысленность, рассуждал Бехтерев. Да, конечно, война не имеет оправдания, и лучше бы ее не было. Но если она уже возникла, то победу в ней все-таки следует предпочесть поражению. Ведь третьего не дано; по крайней мере, предсказать какой-либо третий исход нет возможности. К тому же, если сражаются и проливают кровь соотечественники, то долг врача — помогать страждущим. Так или приблизительно так мыслил Бехтерев о разразившейся войне, о том, как сам он должен реагировать на сопряженные с ней события.

Результатом такого хода мыслей стала активная деятельность Бехтерева, направленная на оказание помощи соотечественникам, страждущим от ран и болезней. Таким образом, Бехтерев, противник самодержавия и капитализма, невольно оказался в одном стане с ненавистными ему и преследующими его монархистами и правительственными чиновниками, которые как раз в то время покушались на само существование Психоневрологического института.

Институт тем не менее продолжал существовать. Более того, в нем долго еще сохранялись заведенные Бехтеревым

демократические порядки. Это удавалось отчасти потому, что министр Кассо к началу войны оказался в положении курортника где-то в Германии. Группой колбасников-«патриотов» там он был избит, в Россию вернулся больным и вскоре умер. На посту министра народного просвещения его сменил граф Игнатьев, который к Психоневрологическому институту относился более спокойно. В соответствии с распоряжением Николая II он поручил Совету института разработать проект нового устава. Совет института для разработки проекта устава создал комиссию, в состав которой вошел и Бехтерев. Комиссия время от времени собиралась в его доме на Каменном острове и работала не спеша.

Война внесла свои коррективы в помыслы и дела Совета Психоневрологического института, и уже 3 сентября 1914 года он принял решение о «предоставлении в пользование войска, нуждающегося в соответственном лечении, нервно-хирургической клиники». Клиника вскоре оказалась заполненной ранеными с травмами головного мозга и других отделов нервной системы.

Созданный по инициативе медицинской общественности столицы «Комитет помощи воинам на поле брани в память Н. И. Пирогова», председателем которого стал известный хирург С. П. Федоров, а руководителем медицинского отдела — В. М. Бехтерев, решил «расширить нейрохирургическую клинику Психоневрологического института». В санитарных поездах оборудовались особые вагоны для нейрохирургических больных, к территории Психоневрологического института была подведена специальная ветка от Николаевской железной дороги, по которой раненые и больные подвозились прямо к клиникам. Руководил нейрохирургической клиникой, а затем и нейрохирургическим лазаретом один из ближайших сотрудников Бехтерева — Л. М. Пуссеп. Вместе с ним работали нейрохирурги Е. И. Воробьева, Д. П. Кузнецкий, А. Г. Молотков, В. М. Чегодаев и целый ряд других высококвалифицированных специалистов. Бехтерев постоянно консультировал нейрохирургических больных.

В годы войны Бехтерев участвовал в работе Петроградского комитета общественных деятелей и Петроградского областного комитета городов. Это были большие, главным образом благотворительные общественные организации, возглавляемые представителями либеральной интеллигенции. Все они преследовали вроде бы благородные цели оказания помощи терпящим нужду и страдающим от ран и болезней людям. Однако практической пользы они приносили немного, ибо зачастую члены комитетов увлекались собственным красноречием, делом же заниматься не успевали.

Прикрываясь патриотическими лозунгами, буржуазия в

период войны усиливала эксплуатацию трудящихся. С условиями работы на промышленных предприятиях Бехтереву пришлось познакомиться, участвуя в работе правительственных комиссий, создаваемых для выяснения причин массовых отравлений на промышленных предприятиях. Особенно тяжелыми были условия труда на фабриках резиновой мануфактуры и обувном предприятии «Треугольник». Комиссия в составе гигиениста Г. В. Хлопина, В. М. Бехтерева и А. И. Карпинского установила на них факты пренебрежения хозяевами элементарными правилами промышленной гигиены. В обоих случаях комиссия настояла на проведении судебного расследования причин отравления рабочих и наказании промышленников денежным штрафом в пользу пострадавших.

С началом войны Бехтерев интенсивно разрабатывал проблемы неврологической патологии в условиях войны и совершенствования помощи нервно- и душевнобольным, пострадавшим «на театре военных действий». В 1915 году им была опубликована статья «Война и психозы», в которой он писал: «Не подлежит сомнению, что война, являющаяся тяжелым общественным бедствием, воздействующим на все вообще население, не может не отразиться на нервно-психическом его здоровье, увеличивая в той или иной мере количество в стране нервных и душевных заболеваний». По приведенной в статье статистике во время войны количество душевнобольных в армии увеличивается в 3,5 раза. За первый год мировой войны на 1 миллион военнослужащих приходилось 1500 заболевших душевными болезнями.

Среди причин психопатологии, развивающейся на фронте, Бехтерев указывал на изнурительные переходы, недостаточное питание, недосыпание, контузии и травмы, нервные потрясения, тревожное ожидание боя, смерти, состояние перевозбуждения во время боя, особенно если дело доходит до рукопашной схватки. Сопряженные с войной экстремальные состояния приобретают подчас весьма затянувшийся характер. Они способствуют развитию у людей различных форм психопатологии или же проявлению ранее скрытно протекавших душевных заболеваний. Последствием войны является массовый травматизм, и в частности травматизм нервной системы. Войну Бехтерев рассматривал как несомненное зло, к преодолению которого должны стремиться все наделенные разумом люди.

2 февраля 1915 года на торжественном актовом заседании Психоневрологического института Бехтерев выступил с большой речью «Моральные итоги великой мировой войны». «Все мы поражены, — говорил в этот день Бехтерев, — ужасами, которые

переживают народы мира на материке Европы… Нечего говорить, что совесть человеческая не может найти морального оправдания войны». В то же время он считал, что войну следует принимать «как неизбежный результат той безысходности, в которой оказалось человечество с своим прошлым укладом жизни, как тот тупик, из которого не оказалось иного выхода, как насилие. С этой точки зрения, — продолжал докладчик, — война может быть понимаема как нечто роковое, которое явилось неотвратимым бедствием, связанным со всем прошлым европейской цивилизации, своего рода расплата за человеческую греховность, дающая нам ясное указание, что в будущем человечество не может идти прежним путем, если не желает еще более страшных последствий…».

Признавая войну колоссальным всенародным бедствием, Бехтерев все же надеялся, что она даст «возможность освободиться от пагубного для нас иностранного давления не только во внешней, но и во внутренней политике». Он обращал внимание аудитории на то, что Россия издавна подпала под влияние Германии, тогда как «всем известно, что немцы, не скрывая, признавали славянскую расу за низшую, которая будто бы может служить лишь в форме удобрения для, германской культуры. И все это в то время, когда в нашей стране раздавалась проповедь «всечеловечества» нашего великого Достоевского, а позднее проповеди единения и миролюбия такого общепризнанного гения, как Лев Толстой».

В то время как славянские съезды в Праге, в Софии проходили под лозунгом: «Свобода, равенство и братство народов», говорил далее Бехтерев, в Германии и в Австро-Венгрии процветал милитаризм. Критикуя агрессивные намерения немецких вояк, Бехтерев подчеркивал, что ими признается правомочность господства силы над правом, что выдвигаемый ими лозунг «Дейчланд юбер аллес» («Германия превыше всего») направлен на оправдание ими ненасытной захватнической политики.

Далее Бехтерев выражал надежду, что первая мировая война обусловит «глубокие моральные перевороты в международных отношениях» и «грядущее торжество принципов права и большей свободы всех вообще народов… провозглашение принципов свободного развития и самоопределения всех славянских и других культурных народов», что «само по себе есть акт приближения нас к общечеловеческому идеалу». Надеялся Бехтерев и на то, что война приведет к единению людей, к демократизации положения в России, результатом которой будет истинное равенство всех, кто проживает в многонациональном

Русском государстве. Он говорил, что «равенство всех граждан одного государства перед законом представляет тот принцип, который крепче всего сплачивает народы друг с другом в целях общего государственного строительства, тогда как неравенство ведет к внутренней розни и гибели государства».

Приведя примеры жестокости немцев по отношению к мирным жителям, разрушения ими памятников общечеловеческой культуры, ограбления музеев и т. п., Бехтерев высказывал возмущение воззванием «К культурному миру», подписанным видными представителями немецкой литературы и науки (К. Гауптман, Э. Геккель, А. Нейсер, А. фон Вассерман, В. Вундт, П. Эрлих и др. — всего около пятидесяти подписей), оправдывавшим немецкий милитаризм. В этом воззвании, в частности, говорилось: «Менее всего имеют право разыгрывать роль защитников европейской цивилизации те, кто заключает союз с русскими и сербами и являет миру позорное зрелище, натравляя монголов и негров на белую расу». Такие расистские, шовинистические воззрения деятелей немецкой культуры Бехтерев объяснял тем, что после успехов во франко-прусской войне 1870–1871 годов в воспитании юношества Германии устранялась проповедь гуманизма и усиленно прививались националистические, расовые традиции, основанные на учении некоего графа Гобио, согласно которому «германцы, как чистые представителя белой расы, имеют все преимущества перед другими народами Европы — семитами, кельтами, славянами». В результате, говорил Бехтерев, «гобинизм вошел в плоть и кровь каждого немца, к какой бы политической партии он ни принадлежал».

Большое влияние на идеологию немецкого милитаризма, по мнению Бехтерева, оказала и философия Ницше и в том числе такие ее тезисы, как «смерть слабому», «любовь должна быть не к ближнему, а к дальнему», «жизнь есть по своей сути присвоение чужого» и т. п.

Германскому националистическому милитаризму Бехтерев противопоставлял мнение о том, что «все народы, раз они призваны к самостоятельной культурной жизни, должны иметь свое право на самобытное существование, ибо каждому народу есть что сказать цивилизованному миру, есть что внести в общую сокровищницу общечеловеческого блага…

Я думаю, — говорил Бехтерев, — что мы имеем основание мечтать в исходе текущей войны… о всеобщем разоружении народов и о предстоящем восстановлении всеобщего мира. Нельзя допустить, чтобы культурные народы, истощившие свои силы в течение более полувека в постоянных вооружениях,

отдавшие свои народные сбережения неумолимому языческому богу войны, не пришли к необходимости более или менее полного разоружения и установления норм международных отношений, при которых войны вообще стали бы немыслимыми и недопустимыми. В конце концов для всех ясно, что даже победоносная война убыточна для государства».

Бехтерев надеялся на то, что первая мировая война станет и последней. В этом, по его мнению, «должны сыграть роль… и те демократические силы, которые таятся в каждой стране и которые скажут свое слово после войны… Я думаю, — продолжал Бехтерев, — что по окончании войны наступит момент, когда будет признан не только возможным, но и желательным общий союз европейских народов, не исключая Германии, однако не при теперешнем милитаристском ее режиме, а при победе ее демократических элементов, которые сбросят с себя иго гнетущего империализма. Тогда-то при общем союзе можно ожидать осуществления вековой мечты народов о мире всего мира».

Бехтерев высказывал надежду на то, что мировая война приведет в итоге к «торжеству идеалов прав и свободы… составит своего рода перелом в жизни народов, и когда пройдут века, то будут смотреть на весь период до настоящей войны как на период грубого варварства, за которым последует период другой жизни с иными социальными принципами.

…Вооруженный мир, — говорил Бехтерев, — есть уже начало войны». Он высказывался против вооружений, против тайной дипломатии, так как и то и другое ставит народы перед фактом неизбежных военных действий, тогда как «никакая вообще война, взятая безотносительно, не может получить оправдания с общечеловеческой точки зрения».

Таким образом, Бехтерев надеялся на то, что происходившая тогда невиданная по своим масштабам и жестокости мировая война приведет к ликвидации милитаризма и единению народов на принципах равенства и демократии. Он надеялся, что война приведет к социальным изменениям во всех, по крайней мере во всех европейских странах, и люди заживут счастливо и благополучно, а отношения между ними после войны будут строиться на новых, совершенных и справедливых социальных принципах. Мало знакомый с идеями научного социализма ученый считал возможным, что в послевоенный период общественные изменения произойдут как бы сами собой лишь потому, что пережитые ужасы войны приведут людей к мысли о необходимости создания более справедливого общественного строя.

Допускал Бехтерев и возможность революционных переворотов, но считал, что «нормальная эволюция в жизни народов предпочтительнее революции…», так же как «мирное развитие общечеловеческой культуры и прогресса всегда предпочтительнее решения мировых вопросов путем войны». Но, чтобы избежать революционных переворотов, говорил Бехтерев, необходимо «нормальное развитие народной жизни». А жизнь в царской России развивалась вопреки каким бы то ни было представлениям о норме.

Как психолог и психиатр, Бехтерев отчетливо понимал, что царь и его окружение — люди, не имеющие ни способностей, ни даже достаточной подготовки для того, чтобы сколько-нибудь грамотно управлять огромным Российским государством. Мало того, он имел достаточно оснований усомниться в психической полноценности многих из тех, кому волею случая выпала такая ответственнейшая миссия. Эти сомнения основывались, в частности, на известных Бехтереву фактах исключительного влияния на царскую семью и придворную знать различных шарлатанов и проходимцев — от пресловутого лжелекаря француза Филиппа до гнусного «старца» Распутина, влияние которого в ту пору достигло своего эпогея. Знал Бехтерев, что царский двор заполняли дельцы, развратники, мракобесы, ничтожные люди, для которых интересы государства ровно ничего не значили. Они грабили казну, проматывали добытые потом и кровью народные деньги на изощренные развлечения, кутежи. Будучи людьми, по существу, невежественными и темными, они верили в черную магию, в спиритизм и другие чудеса, пришедшие в XX век из глубин мрачного средневековья.

Война особенно наглядно выявила несостоятельность военного, политического и экономического руководства Россией. Боеспособность русской армии к началу первой мировой войны оказалась не на высоте. Уже через год после вступления России в войну в Государственной думе был поднят вопрос о преступных действиях военного министра Сухомлинова. В марте 1916 года он был обвинен в измене и заключен в Петропавловскую крепость. Только как следствие грубых ошибок в международной политике Бехтерев рассматривал факт вступления в войну на стороне Германии славянского государства Болгарии, в вечной дружбе с которой он еще так недавно был абсолютно уверен. В архиве Бехтерева до сих пор хранится так и не опубликованная статья «О том, как мы потеряли Болгарию», в которой он считал, что потеря Болгарии целиком лежит на совести неуклюжей царской дипломатии.

Беспомощность экономической политики царского

правительства привела к тому, что уже в начале войны выявилась нехватка квалифицированных инженеров, которые могли бы удовлетворить растущие в связи с войной потребности страны в знающих свое дело руководителях производства. Бехтерев оказался в числе инициаторов создания в 1916 году Института народного хозяйства, который мог бы готовить так необходимые для российской промышленности собственные инженерные кадры. При этом институте предполагалось создать «музей отечествоведения». Мысль о таком музее была обусловлена тем, что, как это выявилось в период войны, ни русское правительство, ни общественность не знали толком свою страну и ее экономические ресурсы.

В статье, написанной в связи с открытием музея, Бехтерев обращал внимание на то, что «только под грохот вражеских орудий, к нашему ужасу, узнали мы те недочеты, которые в экономической жизни страны явились существенными пробелами, создавшими пагубные лишения не только экономическому строю жизни русских людей, но, тяжело сознавать, даже нуждам обороны нашей страны. Когда ручьями полилась кровь наших братьев, мы стали узнавать, что даже гигроскопическая вата, масса медикаментов, хирургические инструменты — словом, все столь нужное и неустранимое при врачевании раненых и больных, все это доставлялось из-за границы, главным образом из Германии… Два года войны оголили перед нами ряд недочетов и упущений, пагубно отражающихся на интересах нашей родины… Страшно сознаться, но ни для кого не секрет, что многие иностранцы, в особенности немцы, знают нашу родину несравненно лучше, чем мы, коренные русские люди».

Принимая активное участие в работе порожденных войной многочисленных общественных организаций, находясь все время в гуще общественной жизни столицы, Бехтерев по-прежнему много внимания уделял Психоневрологическому институту, учреждения которого в годы войны претерпели некоторую реорганизацию.

Введение в 1914 году «сухого закона», а также наплыв раненых и больных в клиники Психоневрологического института привели к закрытию Противоалкогольного института. Когда нейрохирургическая клиника оказалась переполнена ранеными, в здании Противоалкогольного института был развернут лазарет для раненых с поражением нервной системы. Этот лазарет финансировался Обществом Красного Креста и формально числился в ведении этой организации, а с 20 января 1917 года

перешел в военное ведомство и был преобразован в Петроградский военный нейрохирургический госпиталь имени Пирогова.

Открытая в 1912 году психиатрическая клиника института, преобразованная затем в клинику нервных и душевных болезней, в 1916 году была передана Татьянинскому комитету (общественная организация, названная по имени покровительствующей ей великой княгини Татьяны Николаевны), который занимался оказанием различных видов помощи, в частности лечебной помощи, беженцам. В том же году при Психоневрологическом институте на пожертвования одного из его профессоров, Ю. К. Балицкого, была открыта клиника нервных болезней имени Бехтерева на 30 коек, разместившаяся в доме № 49 по Суворовскому проспекту.

Преобразование факультетов Психоневрологического института в учебное заведение, «руководствующееся законоположениями, принятыми для императорских университетов», затягивалось. А между тем к 1915 году общее число обучающихся в Психоневрологическом институте студентов возросло до 7187 человек. Это было сопряжено отчасти с открытием двух новых факультетов института — словесно-исторического и естественноисторического. Профессоров и преподавателей института к тому времени насчитывалось около 250 человек, среди которых многие являлись гордостью русской науки. Через год при Психоневрологическом институте в связи с острой потребностью в соответствующих специалистах были открыты фармацевтическое и ветеринарно-зоотехническое отделения.

Признавая большое значение для медико-санитарной службы города медицинского факультета Психоневрологического института, власти Петербурга передали ему в качестве клинических баз терапевтические отделения больницы имени Петра Великого и Петропавловской больницы, в которых в то время находилось на лечении много фронтовиков. В 1915 году крупный целевой денежный взнос купца В. А. Лапшина, желавшего увековечить свое имя, позволил создать при Психоневрологическом институте клинику по изучению и лечению рака.

В том же году при Психоневрологическом институте по инициативе Бехтерева был создан приют на 40 человек с детским садом и школой для детей беженцев из западных губерний, оказавшихся оккупированными немцами и их союзниками. Этот приют постепенно расширялся, и к осени 1916 года в нем состояло 65 детей. Размещался он в доме № 47 по 6-й линии

Васильевского острова. Детей в нем обучали по программе четырехклассного так называемого «высшего начального училища». Одновременно там проводилось и профессиональное обучение воспитанников: их готовили по специальностям счетоводов, портных, столяров, переплетчиков, сапожников, белошвеек. Обучали детей и художественным промыслам, в частности вышиванию и плетению из соломы и веревок. В школе при приюте училось до 150 человек, часть которых жила у родственников, а часть — в самом приюте. Сто учеников обеспечивалось питанием полностью, остальные — обедами.

В 1916 году по инициативе И. Е. Репина в Петрограде был организован Комитет по учреждению института гуманитарных наук и искусств. Кроме Репина, в комитет входили художники Н. И. Дубовский, В. Е. Маковский, скульптор В. А. Беклемешев, профессор В. А. Вагнер. Они намеревались создать общедоступное учебное заведение, которое обеспечило бы возможность заниматься в области гуманитарных наук и искусства всем талантливым людям, которым по разным причинам закрыты двери в университеты или в Академию художеств. Однако власти препятствовали созданию такого учреждения, и тогда Бехтерев предложил развернуть его как одно из подразделений все того же Психоневрологического института.

В том же году был наконец утвержден новый устав Психоневрологического института, по которому его учебные подразделения выделялись в Частный Петроградский университет. Возглавлять его должен был председатель Учебного комитета. Президентом нового университета был избран и на сей раз утвержден Бехтерев. Президент должен был подчиняться председателю Учебного комитета, который назначался министерством народного просвещения и представлял собой таким образом государственную власть. В этой должности оказался один из профессоров Психоневрологического института — С. К. Гогель.

Однако и такой статус нового университета, все-таки входившего в состав Психоневрологического института, не удовлетворил сменившего графа Игнатьева бывшего попечителя Петербургского учебного округа нового министра народного просвещения профессора Кульчицкого. В феврале 1917 года профессор, оказавшийся реакционнее своего предшественника, добился решения совета министров о закрытии Психоневрологического института и передаче его имущества Обществу нормальной и патологической физиологии при Военно-медицинской академии и вновь создаваемому медицинскому факультету при Императорском Петроградском университете.

Однако решение это было принято советом министров в те дни, когда царская власть, приведшая Россию к военным поражениям на фронтах, к непримиримым классовым противоречиям и экономической разрухе во всей стране, доживала последние дни. В Петрограде бастовали рабочие, по улицам шли колонны демонстрантов с лозунгами: «Долой войну!», «Долой царя!», «Хлеба и мира!» Командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов получил из ставки приказ Николая II: «Завтра же прекратить в столице беспорядки» — и готовился к расстрелу демонстраций трудящихся.

Предписание о закрытии Психоневрологического института попало в руки Бехтерева 27 февраля, когда царское правительство власти уже лишилось. Произошла Февральская революция.

Глава 9
ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

«В Февральскую революцию, — вспоминала дочь Бехтерева Екатерина Владимировна, — на Каменноостровском мосту встретила отца с красной лентой на груди, едущего в автомобиле с необычайно возбужденным и радостным лицом: «Катя! У нас объявлена республика!» Первые недели после свержения монархии знаменовались всеобщим ликованием. Изменение социального строя давало надежду на лучшее будущее. Но, как считал Бехтерев, лучшее будущее возможно лишь при условии коренных изменений представлений о целях жизни у всех или, по крайней мере, у подавляющего большинства людей. Ими должно стать не личное обогащение, не стремление к покорению, унижению других людей, но желание приносить пользу окружающим, а при возможности — и всему человечеству.

Жизнь для других, а при необходимости и самопожертвование ради других, альтруизм, коллективизм — вот какие черты хотел видеть Бехтерев у людей, которым суждено перестраивать социальные устои. Такие представления о человеке будущего увлекали ученого во время революционных событий 1917 года. Они нашли отражение в его докладе «О социально-трудовом воспитании», сделанном на съезде по экспериментальной педагогике, состоявшемся вскоре после февральских событий. В нем, в частности, говорилось: «… необходимо развивать в детях, наряду с инициативой, стремление к деятельности на общую пользу в форме совместного труда, тогда как все, что приводит к розни между людьми, должно быть совершенно и отовсюду изгоняемо. В виде основного условия такого воспитания необходимо образование среди детей общинного начала. Необходимо, чтобы вместе с этим социальность и право, а равно и чувство гражданского долга, вкоренилось в будущего человека наподобие инстинкта, чтобы благо общества всегда им ставилось выше своих личных выгод, чтобы он сделался всегда ревнителем общественных интересов и защитником их везде и всюду, чтобы его всегдашним идеалом была возможная помощь общественному делу, клонящемуся к общему благу».

Бехтерев считал, что надо воспитывать в детях стремление помогать ближнему; но «не только помощь «ближним» как основа гуманности должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но главным образом помощь социальному целому,

причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшими достижениями морали… Социально-трудовое воспитание, — указывал докладчик, — должно подготовить в будущем новый тип социальной личности с полным сознанием гражданских прав и обязанностей, который понесет впереди себя знамя единства, свободы и равенства между всеми вообще людьми и явится хранителем лучших основ гражданственности, свободы и братства».

Однако Бехтерев, как и многие другие либерально настроенные интеллигенты, явно переоценивал результаты Февральской революции, которая привела к власти буржуазию. С первых дней революции в стране установилось двоевластие. Наряду с возродившимися Советами к власти пришел наспех созданный буржуазным руководством Государственной думы Временный комитет. 1 марта Советом рабочих и крестьянских депутатов был утвержден приказ № 1, которым провозглашалась демократизация армии. Большинством членов Временного комитета этот приказ не одобрялся. Однако со временем противоречия между членами Временного комитета и Советом стали непринципиальными, так как пришедшие к руководству в Советах меньшевики и эсеры были склонны к соглашательской политике. Вскоре после революции они не скрывали своего мнения о том, что «власть, идущая на смену царизму, должна быть буржуазной». Вместе с тем буржуазия оказалась не подготовленной для обеспечения руководства страной. С ликвидацией царской власти она ощутила свою незащищенность перед восставшим народом. Как признавался позже один из членов Временного комитета, а затем и Временного правительства — В. В. Шульгин, «перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце».

Опасаясь дальнейшего развертывания революции, члены исполкома Советов предоставили Временному комитету самостоятельно определить состав Временного правительства, решив при этом в него не входить. Таким образом, руководство Советов добровольно передало исполнительную власть Временному правительству, во главе которого оказался крупный землевладелец князь Львов.

Временное правительство прежде всего предприняло попытку сговора с царем. Предполагалось, что он отречется от престола в пользу своего сына Алексея, а регентом при несовершеннолетнем царе станет великий князь Михаил Александрович — родной брат Николая II. Царь, однако, отрекся от престола и за себя и за своего сына в пользу брата, который также счел благоразумным отказаться от императорского титула. В обращении к народу он

призывал повиноваться Временному правительству, «по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Главнокомандующим Петроградским военным округом Временное правительство назначило генерала Л. Г. Корнилова.

Двурушничество руководства Совета, реверансы перед царем со стороны Временного правительства, продолжение войны и усиление голода вызывали недоверие революционных масс. Буржуазия вынуждена была пойти на некоторые мелкие уступки, одной из них было введение в состав правительства «трудовика» А. Ф. Керенского — умело жонглирующего левыми фразами, в сущности беспринципного позера, претендующего на наполеоновскую карьеру.

Между тем мероприятия по обеспечению населения продуктами осуществлялись нерешительно, с оглядкой на реакцию биржевых комитетов и союзов крупных хлеботорговцев, тогда как трудящиеся голодали и с раннего утра у хлебных магазинов выстраивались длинные очереди. Сохранялась собственность помещиков на землю. Мало того, уже в марте на подавление крестьянских волнений посылались войска.

Вечером 3 апреля на Финляндском вокзале рабочие, солдаты и матросы, руководимые петроградскими большевиками, встречали возвращавшегося из эмиграции В. И. Ленина. По случайному стечению обстоятельств в пассажирский поезд, в котором Ленин ехал из Гельсингфорса (Хельсинки), на станции Териоки сели и возвращавшиеся с дачи супруги Бехтеревы. Как вспоминал позже Бехтерев, на перроне Финляндского вокзала поезд встречали оркестр и множество людей. Он подумал сначала о том, что в одном с ним поезде прибыл какой-то иностранный дипломат, но среди встречавших не видно было примелькавшихся уже членов Временного правительства. После того как оркестр сыграл «Марсельезу», почетного гостя, которым, как оказалось, был Ленин, провели через здание вокзала на привокзальную площадь. Ленин, восторженно встреченный заполнившим площадь народом, взобрался на броневик. Бехтерев вспоминал, что на броневике он показался ему человеком поразительно мощного сложения. Вместе со всеми Бехтерев слушал вдохновенную речь Ленина, закончившуюся призывом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Вооруженные ленинскими идеями большевики активизировали антивоенную пропаганду, разъясняя народу, что с переходом власти к буржуазному Временному правительству война не потеряла своего грабительского, империалистического характера. Большевики разоблачали классовую сущность

Временного правительства и звали пролетариат к укреплению и развитию Советов как органов революционной власти.

Проезжая с Каменного острова в центральную часть города через Троицкий (ныне Кировский) мост, Бехтерев не раз наблюдал, как около дома Кшесинской толпились массы людей, «жаждущих видеть и слышать своего любимого вождя. Здесь, — писал в воспоминаниях Бехтерев, — рос и креп тот большевизм, который стал развиваться подобно народной мощной стихии по всему тогдашнему Петрограду, а затем и по всей России». В любое время дня Бехтереву встречались многочисленные демонстрации и импровизированные митинги по всему Каменноостровскому (ныне Кировскому) проспекту, на Троицкой площади и в других местах города. На митингах возникали горячие споры. При этом страсти накалялись подчас до крайней степени; были случаи, когда из толпы стреляли в неугодного оратора.

Антагонизм между правительством и революционными массами со временем возрастал, и 4–5 июля верные властям войска расстреляли на улицах Петрограда многотысячную демонстрацию трудящихся, выражавшую недовольство политикой Временного правительства.

6 июля Временное правительство издало распоряжение об аресте Ленина. 8 июля Керенский был утвержден министром-председателем с сохранением за ним постов военного и морского министра. По этому поводу находящийся под домашним арестом бывший император Николай Романов записал в своем дневнике: «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем лучше». Возглавлявшие Советы меньшевики и эсеры назвали Временное правительство Керенского «правительством спасения революции». 12 июля оно восстановило на фронте военные суды и признало возможной смертную казнь.

18 июля Керенским вместо смещенного генерала Брусилова верховным главнокомандующим был назначен генерал Корнилов. Узнав об этом, Корнилов потребовал от Временного правительства выполнения ряда условий, изобличавших его притязания на роль военного диктатора. На состоявшемся 3 августа II всероссийском торгово-промышленном съезде контрреволюционная буржуазия планировала решительные меры обуздания рабочих, крестьян и солдат. На съезде был создан штаб контрреволюционных сил — Совещание общественных деятелей. 9 августа эта организация обратилась к Корнилову с телеграммой: «В грозный час тяжелых испытаний вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верою. Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге воссоздания могучей армии во спасение

России».

12 августа Бехтерев, как делегат от Психоневрологического института, участвовал в организованном Временным правительством Государственном совещании, проходившем в Москве, в здании Большого театра. Среди делегатов преобладали сторонники подавления растущего в стране революционного движения. К началу совещания в Москве была объявлена всеобщая забастовка. Театр охранялся юнкерами. Крайне правыми силами повсеместно распространялась пахнущая свежей типографской краской брошюра «Первый народный Главнокомандующий генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Житие любимого сына России».

Впоследствии Бехтерев вспоминал, что на этом совещании, которое некоторыми газетчиками именовалось «Земским собором», четко определялось наличие двух непримиримых сторон. «Правые» *составляли* большинство, «левые» — большинство *представляли*.

Керенский надеялся, что Государственное совещание сплотит противостоящие большевикам партии и поднимет в народе авторитет Временного правительства и его личное влияние на массы. Он рассчитывал «законно» — из рук этого совещания — получить всю полноту власти.

Предоставляя на совещании слово генералу Корнилову, Керенский назвал его «первым солдатом Временного правительства». Но генерала такая роль не устраивала. Стремясь к единоличной диктатуре, он потребовал восстановить в армии дисциплину, поднять престиж офицеров, ввести смертную казнь не только на фронте, но и в тылу. В противном случае он угрожал сдачей немцам Риги, что открывало им дорогу на Петроград.

Однако Государственное совещание не удовлетворило претензий ни Керенского, ни Корнилова. Керенский из доверия вышел. К Корнилову доверия не было. Объявить военную диктатуру его сторонникам не позволила напряженная революционная обстановка в Москве, опасность гнева московского пролетариата и солдат гарнизона.

После совещания Корнилов предпринял попытку подавить революцию силой. На Петроград он направил конный корпус генерала Крымова. Сопротивление корниловцам было оказано прежде всего отрядами большевистской Красной гвардии, велика была и роль большевистских агитаторов. 30 августа Корнилов был отстранен от руководства армией. Пост верховного главнокомандующего принял на себя министр-председатель Керенский, начальником штаба при нем стал генерал Алексеев,

занимавший эту же должность и до Февральской революции. Официально было объявлено, что государство возглавила директория, или «совет пяти», во главе с Керенским.

Керенский и выдвигающие его мелкобуржуазные партии к этому времени окончательно лишились поддержки революционных масс. Все большее влияние в Советах завоевывали большевики. Призыв «Вся власть Советам!» вновь стал главным большевистским лозунгом. Временное правительство оказалось несостоятельно, однако уступать власти никому не хотело. Но часы истории неумолимо отсчитывали его последние минуты. 25 октября над Невой раскатился грохот шестидюймового орудия «Авроры»…

Бехтерев воспринял Октябрь как естественное продолжение предшествующих событий. Сразу после Октябрьской революции он активно включился в работу по созданию здравоохранения в молодой Советской Республике и развитию в ней медицинской науки. Уже к началу 1918 года Бехтерев участвовал в деятельности научно-медицинского отдела Комиссариата народного просвещения, возглавляемого А. В. Луначарским.

Советскую власть поддержало и большинство сотрудников Психоневрологического института. Многие бывшие студенты и студентки этого института защищали ее с оружием в руках на многочисленных фронтах разгоревшейся вскоре гражданской войны. Среди них были дочь одного из профессоров института, будущий комиссар Балтфлота Лариса Рейснер, красный военачальник Иона Якир и многие другие впоследствии прославившиеся борцы за Советскую власть.

Однако значительная часть интеллигенции, и в частности врачей, после Октябрьской революции оказалась в стане ее противников. Руководство Всероссийского общества врачей имени Пирогова призывало объявить бойкот большевикам, обвиняя их в насильственном захвате власти. Медико-санитарный отдел ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва, состоявший из меньшевиков и эсеров, на следующий день после взятия революционным народом Зимнего дворца объявил саботаж под лозунгом: «С насильниками ничего общего!» Были случаи, когда в медицинских учреждениях Петрограда раненым красногвардейцам отказывалось в медицинской помощи.

Уже 26 октября при Военно-революционном комитете был создан медико-санитарный отдел, возглавляемый врачом-коммунистом М. И. Барсуковым. Вскоре сотрудники этого отдела встретились с В. И. Лениным, который предложил им собрать революционно настроенных врачей, расколоть Пироговское общество и привлечь к строительству советского здравоохранения

его революционное меньшинство, создав таким образом при Советах большевистские медико-санитарные отделы с широким участием рабочих и крестьян.

Из крупных ученых-медиков, как вспоминал впоследствии Барсуков, первыми предложили работать для блага революции и социалистического государства В. М. Бехтерев и специалист по инфекционным заболеваниям академик Д. К. Заболотный. Среди врачей, сразу же поддержавших Советскую власть, были А. Н. Винокуров, М. Г. Вечеслов, С. И. Мицкевич, М. Г. Головинский, А. Е. Артеменко, В. М. Бонч-Бруевич (Величкина) в Петрограде, а в Москве — вышедшие из руководства Пироговского общества З. П. Соловьев, И. В. Русаков, А. Н. Сытин, а также Н. А. Семашко, В. А. Обух, М. В. Владимирский, А. П. Голубков, З. А. Галиновская, П. П. Тутышкина. Именно эти врачи составили в основном медицинские коллегии, созданные при народных комиссариатах просвещения, внутренних дел, государственного призрения и путей сообщения, на базе которых затем организовался Совет врачебных коллегий, провозглашенный 28 декабря 1917 года «высшим, медицинским органом, ведающим всеми врачебно-санитарны-ми делами России». В конце января 1918 года председатель Совета врачебных коллегий А. Н. Винокуров вошел в состав Совета Народных Комиссаров, его заместителем специальным декретом за подписью Ленина была назначена врач-большевик В. М. Бонч-Бруевич (Величкина), которую Бехтерев хорошо знал как врача-общественницу с 1908 года, когда она приняла активное участие в сборе средств для создававшихся тогда учреждений Психоневрологического института.

После выведения из состава Красного Креста антисоветски настроенных лиц было решено провести I Всероссийский съезд его работников, стоявших «на платформе Советской власти». Бехтерев стал одним из 140 делегатов этого съезда, который 18 февраля 1918 года принял политическую декларацию, приветствующую победу Октябрьской революции. Намеченную программу съезду, однако, выполнить не удалось, так как немцы нарушили заключенное ранее перемирие и большинству делегатов пришлось срочно отбыть на фронт.

Ленин в этот период прилагал титанические усилия, добиваясь мира. Бехтерев, внимательно следивший за политической обстановкой, понимал важность мира для молодой Советской Республики лучше некоторых руководящих деятелей того времени. В своих записях он осуждал поведение возглавлявшего на переговорах с немцами советскую делегацию Троцкого. Когда газеты сообщили, что Троцкий покинул Брест-Литовск, где проходили переговоры, Бехтерев сделал такую

запись: «Троцкий уже не участвует в переговорах. Он примерно заболел, экой хвастунишка». Заключение Брестского мира, состоявшееся в начале марта, Бехтерев расценивал как единственно верное в сложившейся обстановке решение.

В марте 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. В апреле Совет врачебных коллегий создал специальную психиатрическую комиссию, преобразованную впоследствии в нервно-психиатрическую секцию Народного комиссариата здравоохранения. Бехтерев сотрудничал в ней до последних дней своей жизни.

В мае в Москве вышел первый номер «Известий народной медицины», в котором излагалась Декларация собрания московских работников медицинского труда. В ней осуждались врачи и фельдшера, оказавшиеся в стане «врагов пролетарской революции», которые с чрезмерной озлобленностью, забыв свой долг перед страждущим человеком, бросились на защиту отмирающей жизни, объявив при этом медицинскую забастовку. Порвав таким образом с революционным народом, они «объявили войну тем медицинским работникам, которые в момент решения судьбы дела социализма спаяли себя с передовым авангардом борцов за него». Собрание московских работников медицинского труда осудило, в частности, антисоветские резолюции Чрезвычайного съезда Общества врачей имени Пирогова, состоявшегося 1315 марта 1918 года.

Революция развела людей по разные стороны баррикад. Враждовали не только бедные и богатые, эксплуатируемые и эксплуататоры. Во враждующих лагерях оказывались подчас отец и сын, родные братья… Во враждебных станах, разделенные непримиримыми разногласиями в оценке событий, оказались и русские врачи, еще не так давно объединявшиеся Пироговским обществом для достижения единых целей, направленных на служение народу. Врач — интеллигент, а «интеллигент, — как отмечал Ленин, — не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает отдельный антагонизм в настроении и мышлении» (т. 8, с. 310).

Бехтерев после Октября без колебаний встал на сторону революционного народа. Лечебные учреждения Психоневрологического института сразу же были переданы Советской власти и активно занимались лечением раненых и больных защитников революции. В мае 1918 года Бехтерев предложил Петроградскому Совету передать в ведение Психоневрологического института военный госпиталь,

разместившийся на территории института за Невской заставой. Предложение Бехтерева поддержали Военно-санитарное управление и Совет врачебных коллегий. В результате медицинский факультет Психоневрологического института получил дополнительно большую лечебную базу, на которой его сотрудники и студенты, прилагая все силы, занимались восстановлением здоровья бойцов и командиров Красной Армии.

С 27 февраля 1919 года при этом госпитальном учреждении Психоневрологического института по предложению Бехтерева были организованы курсы лекарских помощников (лекпомов) для Красной Армии. Они сыграли значительную роль в обеспечении кадрами медицинских работников Красной Армии. В годы гражданской войны курсы подготовили 506 лекпомов (ротных фельдшеров).

Несмотря на то, что в стране не хватало врачей, фельдшеров и других медицинских работников, и к тому же часть их избегала сотрудничества с новой властью, здравоохранение в Советской России строилось и постепенно крепло. В июле 1918 года в Москве состоялся I съезд здравотделов с широким рабочим представительством, в резолюции которого высказывалось пожелание о преобразовании Совета врачебных коллегий в полномочный Народный комиссариат здравоохранения. 18 июля 1918 года Председателем Совнаркома Лениным было утверждено положение о Наркомздраве. Первым народным комиссаром здравоохранения стал Н. А. Семашко. Ученый совет при Наркомздраве возглавил невропатолог, профессор Московского университета Л. А. Тарасевич. Бехтерев входил в состав этого совета как представитель от Психоневрологического института.

Психоневрологический институт после Февральской революции переживал крайне трудное время по ряду причин. Одна из них заключалась в сразу же возникших финансовых трудностях. И лишь после Октябрьской революции научные учреждения института и входивший в его состав 2-й Петроградский университет были взяты на государственный бюджет. Уже 24 марта 1918 года Психоневрологический институт пополнился новым научно-исследовательским учреждением, вошедшим в его состав, — Психиатрическим институтом, создание которого планировалось еще десять лет назад. Его создали по настоятельному предложению Бехтерева на базе Центрального психиатрического госпиталя Красного Креста. В дальнейшем этот институт переместился в здание бывшего Противоалкогольного института на Казачьей улице. В июле 1919 года Психиатрический институт получил наименование

Психорефлексологического. Летом 1922 года в его состав вошла нейрохирургическая клиника, которую до революции возглавлял переселившийся теперь в родную Эстонию Л. М. Пуссеп. Директором института стал Бехтерев. Под его руководством в институте работали В. Н. Мясищев, Р. Я. Голант, А. Г. Иванов-Смоленский и другие крупные специалисты. Психорефлексологический институт занимался изучением причин и клинических проявлений психических заболеваний и наркоманий, а также методов их лечения. При этом много внимания уделялось разработке методик лечения внушением под гипнозом и, в частности, групповой психотерапии под гипнозом больных алкоголизмом.

14 мая 1918 года Бехтерев передал в Народный комиссариат просвещения план организации и смету задуманного им нового научно-исследовательского учреждения — Института по изучению мозга и психической деятельности. Уже через три дня состоялось предварительное обсуждение предложения Бехтерева, а 10 июня последовало решение о создании такого института. На оставшуюся часть года институту выделялось 897 тысяч рублей. Новому институту, который нередко даже в официальных документах именовали просто Институтом мозга, Ленинградский Совет передал великолепное здание бывшего дворца великого князя Николая Николаевича на Петровской набережной Невы и расположенное позади него шестиэтажное здание.

К многочисленным обязанностям Владимира Михайловича добавилось руководство новым учреждением. Его задачи Бехтерев определял как изучение мозга и человеческой личности в условиях ее правильного развития. К работе там Бехтерев привлек выдающихся специалистов: академика А. Я. Данилевского, профессоров В. И. Вартанова, В. М. Нарбута, А. А. Крогиуса, В. П. Кашкадамова и многих других. Обязанности хранителя созданного при институте музея мозга возложили на Е. Н. Павловского. Позже его сменил В. Н. Тонков.

Институт по изучению мозга и психической деятельности состоял из четырех отделов: мозга, психологии и рефлексологии, воспитания, труда; в нем были организованы лаборатории: анатомии мозга, физиологии мозга, биохимии мозга, бактериологии, экспериментальной психологии, рефлексологии, школьной, умственной и нервной гигиены, а также лаборатория психотерапии с амбулаторией.

Вскоре после создания Институт по изучению мозга и психической деятельности стал одним из крупнейших научно-исследовательских учреждений страны. Здесь под редакцией Бехтерева стал издаваться журнал «Вопросы изучения и

воспитания личности». Первый номер, вышедший в конце 1919 года, открывала статья Бехтерева «Основные задачи рефлексологии физического труда». В ней, в частности, говорилось: «Русская революция раскрепостила пролетариат, дала ему права, улучшила его материальное положение, но не создала еще соответствующей обстановки и условий для труда; и теперь настал момент сказать, что труд должен быть облагорожен во всех отношениях, не исключая и его обстановки.

Но мало этого, нужно еще заинтересовать рабочего в самом труде, ибо интерес, представляющий собою особое эмоциональное состояние с положительным характером, является одним из важнейших стимулов, способствующих успешности труда. Создать не только экономическую, но и моральную заинтересованность рабочего в труде является поэтому важнейшей задачей народного хозяйства».

В то время, когда иные из интеллигентов надеялись на реставрацию капитализма, а кое-кто из них вздыхал о монархии, Бехтерев заявлял: «Прошлое России… кануло в вечность, и возврата к нему нет. На смену великой России… мы будем иметь великую федерацию народов, объединенных той же Россией, в которой каждый народ, будучи свободным, будет чувствовать себя равным братом в своей семье».

Наличие в Петрограде двух университетов в 1920 году было признано нецелесообразным. Второй Петроградский университет, состоявший из учебных подразделений Психоневрологического института, решили реорганизовать. При этом его юридический и педагогический факультеты передали 1-му Петроградскому университету. Несколько позже педагогический факультет был преобразован в педвуз педологии и дефектологии, а в дальнейшем он слился с Педагогическим институтом имени Герцена. Фармацевтическое и. ветеринарно-зоотехническое отделения 2-го Петроградского университета обрели самостоятельность и были преобразованы в химико-фармацевтический и зоотехнический институты. На базе медицинского факультета тогда же возник Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ) — ныне Санитарно-гигиенический институт. В ГИМЗе и в Петроградском медицинском институте, созданном на базе бывшего Женского медицинского института, Бехтерев возглавил организованные им кафедры рефлексологии.

В 1921 году Институт по изучению мозга и его деятельности, Психорефлексологический институт, Детский обследовательский институт, Отофонетический институт, Институт социального

воспитания, впоследствии влившийся в педагогический институт имени Герцена, Воспитательно-клинический институт и другие научные учреждения Психоневрологического института — всего 15 научно-исследовательских институтов — были объединены в Психоневрологическую академию. Это единение многих разнопрофильных институтов было обусловлено стремлением к комплексному изучению проблем развития, строения и функции нервной системы человека, методов воспитания личностей, которые могли бы обеспечить высокий моральный уровень человечества и содействовали избавлению его от бескультурья, войн, нищеты и болезней.

По уставу, утвержденному Наркомпросом, Психоневрологическая академия имела действительных членов, почетных членов, членов-сотрудников, членов-корреспондентов. Руководящим органом академии являлась конференция. Ею из действительных членов избирался постоянно действующий исполнительный орган — президиум. На организационном заседании президиума конференции избирался президент, который фактически являлся главой академии и осуществлял повседневное правление ею, решая массу организационные, финансовых, кадровых, научных и других вопросов жизни этого своеобразного синдиката научно-исследовательских учреждений. Президент академии по уставу избирался на три года. Со дня создания Психоневрологической академии и до конца своей жизни Бехтерев был бессменным президентом Психоневрологической академии и директором наиболее крупных из входящих в нее объектов — Института мозга и Психорефлексологического (позже Патолого-рефлексологического), института.

Как и большинству жителей Петрограда, в период революций и гражданской войны Бехтереву пришлось пережить немало трудностей. В большом особняке на Каменном острове стало холодно, голодно и пусто. Еще недавно заполнявшая его большая дружная семья распалась. Ставшая суверенным государством в результате революции, Финляндия закрыла свои границы. И по ту сторону кордона оказалась Наталья Петровна, которая из-за болезни постоянно жила на даче «Тихий берег». Уехала в Прагу к чешскому врачу — своему мужу дочь Ольга. С отцом осталась лишь младшая дочь, Маша. Еще жил у брата Николай Михайлович, взявший на себя часть домашних хлопот. Его гражданская война застала на бех-теревской даче в Туапсе, и он навидался всякого, когда по черноморским берегам прокатились сменявшие друг друга разномастные «белые», «черные» и всякие

иные банды. Полноправным членом семьи была и много лет прожившая в доме прислуга.

Бытовых трудностей стало поменьше после того, как по настоятельной просьбе М. Горького В. И. Ленин распорядился о мерах по улучшению положения наиболее заслуженных ученых и писателей Петрограда. 31 января 1920 года состоялось открытие Дома ученых, в котором ученые и писатели могли найти то, чего были лишены у себя дома (тепло, свет, еду) и что создавало им возможности для работы. При Доме ученых в Петрограде была создана Комиссия улучшения быта ученых (КУБУ), возглавляемая М. Горьким, которому активно помогали в этой работе его жена актриса М. Ф. Андреева, академики С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, начальник Военно-медицинской академии В. Н. Тонков и другие. Ученым и писателям Петрограда выделили 1800 академических пайков, включавших ржаную муку, сахар, жиры, рыбу, соль, мыло, табак и спички. Большим подспорьем стал академический паек и в доме Бехтерева.

Сразу же после Октябрьской революции Петроградским Советом Бехтереву была выдана «охранная грамота» на дом, однако его автомобиль был реквизирован. Извозчиков в городе стало мало, к тому же запрашивали они непомерную цену. Бехтереву же требовалось бывать во многих учреждениях, и подчас многие километры пути приходилось преодолевать пешком. Особенно трудно они давались зимой, когда улицы заметало снегом, и вступивший в седьмое десятилетие жизни ученый брел в тяжелой длиннополой шубе по слабо протоптанным тропам в быстро сгущающихся сумерках.

Но Бехтерев стоически переносил тяготы быта и, как всегда, продолжал много работать. День уходил на организационные, административные дела, на преподавательскую работу. Вечерами до глубокой ночи он засиживался за книгами, журналами и писал сам.

Уже в 1918 году была опубликована книга Бехтерева «Общие основания рефлексологии», положения которой автор считал весьма важными и придавал им принципиальное значение. В последующем эта книга Бехтеревым постоянно пополнялась, дорабатывалась и выдержала еще три издания, в 1923, 1926 и в 1928 годах (последнее издание — посмертное).

Новое направление в психологии, именовавшееся Бехтеревым сначала как «объективная психология», а затем «психорефлексология», с выходом указанной книги стало называться «рефлексологией». «Рефлексология, — по определению Бехтерева, — в частности рефлексология человека, есть научная дисциплина, ставящая своей задачей изучение

ответных реакций в связи с внешними и внутренними раздражителями и вообще всех соотношений с окружающим миром человеческой личности как биосоциального существа, например, ее действий и поступков, поведения вообще, устной и письменной речи, мимико-соматических соотношений, наследственно-органических рефлексов или инстинктов и простых рефлексов». Он считал, что методы рефлексологии, которая представляла собой фактически направление физиологической психологии, обеспечат возможность объективного изучения не только психической деятельности здоровых и взрослых людей, но и психики младенцев, душевнобольных, животных. Противопоставляя рефлексологию классической психологии, которую он именовал субъективной психологией, Бехтерев вводил новую терминологию. Даже понятие «психическая» или «нервно-психическая деятельность» было переименовано им в «соотносительную деятельность», а «психические процессы» стали соответственно обозначаться как «соотносительные процессы».

В отличие от классической психологии, допускавшей логические построения на основе аналогий и предположений, рефлексология, как считал Бехтерев, позволяла «ввести изучение высших отправлений организма, устанавливающих его отношение к окружающему миру или той деятельности, которую мы называем соотносительной, в цикл биологических наук, которые имеют дело с строго объективным методом». При этом он был убежден, что «наблюдения внешних проявлений человеческой личности в виде поведения и движений вообще, включая речевые, в виде сосудистых изменений и секреции в связи с теми или иными внешними условиями, нам дадут более полную и более точную картину всей вообще соотносительной деятельности, нежели выяснение одних субъективных переживаний данной личности».

Бехтеревым признавалось, что не все «субъективные переживания» сразу же реализуются зримыми действиями. В таких случаях он говорил о торможении или задержке соотносительной (психической) деятельности в виде недосказанных мыслей, которые могут, однако, проявляться «слабыми внешними эффектами (так называемая внутренняя речь, изменения дыхания, сердечнососудистые реакции и т. п.) и… рано или поздно, освободившись от торможения, перейдут в объективный мир в форме ли пересказа, или в форме действия и других реакций. Таким образом, — писал Бехтерев, — в течение известного времени достигается желаемая полнота объективного изучения личности».

Еще И. М. Сеченов в книге «Рефлексы головного мозга», опубликованной в 1863 году, утверждал: «…моя главная задача заключается в том, чтобы доказать, что все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы». Бехтерев стремился обосновать это положение, и обосновывал он его основательно, привлекая огромный литературный материал и массу добытых в руководимых им лабораториях и клиниках фактических данных. Подчас умозрительные суждения Сеченова Бехтерев подтверждал экспериментальными и клиническими наблюдениями. Следовательно, созданное Бехтеревым научное направление — рефлексология — служило развитию представлений Сеченова о сущности психических процессов и возможности их изучения физиологическими методами и отражало стремление к осуществлению завета Сеченова: «вносить физиологические основы в психические процессы». Этим же заветом отца русской физиологии руководствовался в то время и И. П. Павлов. К тому же основной метод изучения психической деятельности у Бехтерева и Павлова был единым — изучение врожденных и сочетательных или условных и безусловных рефлексов. Работы обоих этих ученых укрепляли фундамент, на котором к тому времени классиками марксизма-ленинизма уже было построено величественное здание диалектического материализма. В наше время можно говорить, что и бехтеревским, и павловским работам была свойственна некоторая схематичность представлений о деятельности мозга. Но это ни в коей мере не умаляет заслуг обоих ученых, тем более что их основные идеи в дальнейшем получили развитие в трудах советских и зарубежных исследователей.

Важное значение Бехтерев всегда придавал не только профессиональной подготовке своих сотрудников, но и их отношению к своему делу. После революции он особенно отчетливо осознал, как много зависит от стремления работать во имя блага народа. В связи с этим, выступая в 1919 году перед сотрудниками Института мозга, он говорил: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать, — нужна воля к действию, к строительству и к созидательной работе; и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на службу человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который завоевал себе свободу, который хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в ответе на этот вопрос? Мы поэтому должны стремиться к тому,

чтобы сократить, по возможности, время разрухи, отдавая всю сумму наших знаний и все умение на созидательную работу в настоящих условиях страны на пользу народу».

Созидательную работу на пользу народу Бехтерев от души приветствовал и активно пропагандировал. Когда широкую известность в стране получил великий почин рабочих Московского депо «Сортировочная», вышедших в субботу 10 мая 1919 года на первый коммунистический субботник, в журнале «Железнодорожная техника и экономика» появилась статья Бехтерева «Проблески будущего», в которой также давалась высокая оценка новой форме трудовой деятельности. «Субботники, или, правильнее, субботничество, — писал в этой статье Бехтерев, — представляет собой общественное явление, которое не может быть обойдено молчанием со стороны психолога. В самом деле, не удивительно ли, чго в то время как с наступившей разрухой в России, когда недоедание стало обычным явлением… массы лиц, руководимые известной идеей, выходят на тяжелую работу в тот день и час, когда, казалось бы, нужен был трудящимся отдых после шестидневной работы, и притом выходят на работу не для своей пользы, что было бы легко объяснить необходимостью дополнительного заработка, а совершенно бескорыстно отдавая свои силы и свой труд на пользу другим, на пользу обществу… Этот коллективный труд в форме субботничества развивается ныне… по всему лицу Советской России. Это есть не что иное, как почин, «великий почин», как назвал его Ленин, в созидательной работе новой жизни. Пусть даже это есть временное общественное явление, ибо демократический принцип всякого труда — его полная оплата, здесь же оплаты никакой нет, здесь бескорыстное служение обществу, но тем более выдвигается его значение в новой жизни. Субботничество есть общественный порыв и в то же время показатель того, как надо служить обществу».

Страна переживала тяготы экономической разрухи, неурожая, гражданской войны, борьбы с иностранной интервенцией, Бехтерев чувствовал пульс молодой Советской Республики, напрягавшей все свои силы. В статье «Интервенция и блокада народов Запада по отношению к Советской России» он писал: «Не прекратившаяся до сих пор война на внешнем и внутренних фронтах продолжает отвлекать массу рабочих от производительного труда и не дает им возможности сосредоточиться на создании новых ценностей, столь необходимых для нашей все более и более оскудевающей страны. Это бедственное положение усугубляется блокадой России, отрезанной совершенно от всего мира, лишенной самого

необходимого — товарообмена и благ цивилизации… Население вымирает, в частности, исчезают последние немногочисленные интеллигентные и научные силы страны… В этот грозный час мы не можем молчать. Долг совести заставляет нас возвысить голос для спасения гибнущих людей и культуры. Необходимо исчерпать все средства, чтобы прекратить братоубийственную гражданскую войну, достигнуть внешнего примирения и облегчить страдания населения. Словом, по нашему разумению, надлежит применить все силы и найти выход из создавшегося положения; задача эта, не терпящая отлагательств и промедления, требует объединения науки и техники, дабы использовать все, что дано им знанием и опытом.

Эта творческая работа возможна лишь при дружных совместных усилиях всех слоев населения и при гражданской свободе, обеспечивающей каждому гражданину неотъемлемость и неприкосновенность присущих ему прав безотносительно к его прошлому… Это значительно облегчило бы достижение конечной цели — прекращение гражданской войны и примирение враждующих сторон на внутреннем и внешнем фронтах».

Понимая тяжелое, подчас бедственное положение населения страны, Бехтерев стремился использовать любые возможности для оказания ему помощи. Одной из главных бед был голод. Особенно тяжко страдало от него население промышленных центров и Поволжья. 1 января 1920 года в центральной советской прессе было опубликовано и в тот же день передано по радио за границу обращение Бехтерева к врачам всего мира с предложением печатно и устно протестовать против неслыханного злодеяния так называемых культурных стран, прежде всего стран Антанты, проявляющегося продовольственной блокадой России. «Россия, — говорилось в обращении, — переживая вместе с другими народами тяготы бывшей великой войны, ныне, раздираемая гражданской войной, уже в течение нескольких месяцев подвергается всем последствиям продовольственной блокады извне со стороны держав, входящих в состав Антанты. Какими бы мотивами ни руководствовались правительства иностранных держав в установлении этой блокады, для всех должно быть ясно, что эта столь жестокая мера является не чем иным, как заведомым убийством многих сотен тысяч, а может быть, и миллионов населения России.

Какова бы ни была роль политических тенденций правящих сфер различных народов, соседство последних не может быть устранено никакими условиями. А если так, то судьба нас будет связывать вместе с вами и территориально и духовно. А если так, то прекратите же вашу блокаду, к последствиям которой вы до

сих пор оставались глухи, быть может, потому, что вы сами не осязали и не осязаете всего ужаса этой бесчеловечной кары, губящей в конце концов более всего ни в чем не повинных детей, женщин, стариков. Есть вещи, о которых нельзя и преступно молчать, а имеющие уши да пусть слышат.

Я обращаюсь, в частности, — говорил Бехтерев, — к товарищам врачам всех стран, которые по международным установлениям признаются нейтральными элементами даже в войнах, обусловленных политическим раздором народов и которым человеческие страдания более близки, чем кому бы то ни было».

Возможно, обращение Бехтерева оказало определенное воздействие на общественность европейских стран. Во всяком случае, «через две приблизительно недели из-за границы в наших газетах появилось известие, что блокада снимается» (*В. М. Бехтерев.* Автобиография). Среди иностранных общественных деятелей, принимавших участие в оказании помощи голодающему населению Советской России, значительную роль сыграл известный полярный исследователь Ф. Нансен. Заявления же правительств стран Антанты имели лишь декларативный характер. В архивах Бехтерева сохранилась его неопубликованная статья «О помощи голодающим Поволжья».

С 1920 года и до последних дней своей жизни Бехтерев был депутатом Петроградского (с 1924 года — Ленинградского) Совета, в работе которого всегда принимал самое активное участие, состоя в постоянно действующей комиссии по народному просвещению. Он, в частности, предложил практические меры, направленные на распространение в сельских районах агрономических знаний, общей грамотности, на пропаганду физической культуры.

Наследием царизма являлась массовая неграмотность, незнание достижений науки, которые могли бы содействовать быстрейшему восстановлению и укреплению экономики страны и повышению культуры труда и быта. В связи с этим в 1919 году на III съезде комсомола Ленин призывал молодежь «Учиться, учиться и учиться!». Бехтерев стремился всячески содействовать распространению знаний. С этой целью по его инициативе был создан народный университет, состоящий из семи отделов: один из них — медицины и санитарии — возглавил сам Бехтерев.

Бехтерев и сотрудники возглавляемых им учреждений активно несли знания в массы, выступая перед народными аудиториями в различных районах Петрограда, а также выезжая в другие города Советской страны. Некоторые доклады Бехтерева, прочитанные им с просветительной целью, публиковались в виде

брошюр. По ним можно судить об актуальности тематики его популярных лекций, ясности и эмоциональности изложения им научного материала в широких аудиториях.

В 1922 году была создана инициативная группа из ученых — представителей различных областей науки и техники, — поставившая перед собой задачу восстановить один из широко известных в недавнем прошлом научно-популярных журналов — «Вестник знания». Редактором журнала стал Бехтерев, имевший огромный опыт журналистской и редакторской работы. Осуществлять выпуск журнала (24 номера в году) должно было издательство П. П. Сойкина. Журнал выходил регулярно с 1925 года. В его редколлегию входили такие крупные деятели различных областей науки, как академики Д. К. Заболотный, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, профессора О. Д. Хвольсон, С. П. Глазенап, Н. А. Морозов и другие.

Постоянное внимание Бехтеревым уделялось профилактике нервных и душевных заболеваний. В связи с этим он призывал к борьбе «с алкоголизмом и другими интеллектуальными ядами», с венерическими заболеваниями, с острыми эпидемическими инфекциями. Предотвращение роста психических заболеваний Бехтерев считал реальным лить при условии «широкого применения мер социальной гигиены и профилактики…». Он активно пропагандировал общественно-санитарные мероприятия как в городах, так и в деревнях.

Бехтерев был противником чрезмерного разрастания городов. С изменением условий производства ему представлялось целесообразным создание поселений по типу «города-сада». Он приветствовал широко проводимые Советским правительством «меры, применяемые в целях оздоровления местностей и помещений и выведения значительной части населения из подвалов и тесных и мрачных помещений… сокращение рабочего дня до восьми часов и предвидимое изменение условий производства, пока, к сожалению, еще не налаженное в направлении устранения прежней эксплуатации рабочей силы и более рациональных способов применения труда, основанных на научном его изучении».

Важнейшей проблемой, которую следовало решать незамедлительно, Бехтерев считал научную организацию труда. Таким путем он надеялся обеспечить повышение его производительности, добиваясь в то же время уменьшения затрат работающими физической и нервной энергии. Чрезвычайно значимым он признавал «изучение в целях оздоровления условий труда на фабриках и заводах, порученное ныне научно-техническим отделом Комиссариата хозяйства на заводе

Семенова в Петрограде Институту по изучению мозга и психической деятельности», и выражал стремление к расширению «этого изучения по другим заводам и фабрикам». Бехтерев находился в числе инициаторов и активных участников конференции по научной организации труда, состоявшейся в январе 1921 года. Несколько позже он принимал участие в создании Всесоюзного общества научной организации быта трудящихся.

В целях уменьшения наследственных заболеваний Бехтерев призывал в соответствии с известными уже к тому времени сведениями по медицинской генетике ввести обязательное врачебное освидетельствование при вступлении в брак, для чего предлагалось создать специальные учреждения, которые позже получили название генетических консультаций.

В 1921 году вышла из печати давно задуманная Бехтеревым книга «Коллективная рефлексология». Она должна была отразить взгляды основателя рефлексологии на законы формирования коллективов и принципы их деятельности. «Если рефлексология, — говорилось в ней, — изучает проявления соотносительной деятельности отдельных индивидов, то коллективная рефлексология изучает ту же деятельность коллективов. Она показывает, следовательно, как проявляется эта деятельность в том случае, если образуется социальное объединение между несколькими (двумя, тремя и большим числом) индивидами и в какой мере особенности этой соотносительной деятельности зависят от характера социальной связи, устанавливаемой между отдельными индивидами. Отсюда очевидно, что коллективная рефлексология, кроме того, и даже прежде всего, должна выяснить механизм связи, устанавливаемой отдельными индивидами между собою при образовании коллективов».

Как считал Бехтерев, «коллективная рефлексология имеет дело с механизмами обобщения или социализации индивидуальных рефлексологических явлений, объясняя, как этим путем образуются коллективные рефлексы и подготавливается то или иное общественное явление, и вместе с тем выясняет, как проявляется поведение общественных групп». При этом Бехтерев подчеркивал, что понятие «коллективная рефлексология» несколько уже, чем «социология», ибо социальные явления, служащие предметом изучения социологов, «не замыкаются только в схему явлений, рефлексологически объясняемых, так как на развитие социальных явлений… оказывает влияние и целый ряд других факторов (экономических, правовых, географических, климатических и пр.), между тем как

коллективная рефлексология говорит нам только о рефлексологическом механизме общественных явлений». Бехтерев тем не менее сделал попытку в книге «Коллективная рефлексология» показать, что «мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех вообще явлений, как неорганических, так и органических и надорганических или социальных».

Книга содержит массу интересных материалов по психологии малых и больших коллективов, большое количество ссылок на исторические факты, трактовка которых автором в ряде случаев давалась неверно, что отчасти объяснялось его слабым знакомством в то время с марксистско-ленинской теорией и, в частности, с положениями исторического материализма. Особенно уязвимой оказалась попытка выделения Бехтеревым 23 законов, которые, он считал, должны оправдывать себя как в природе, так и в области социальных отношений.

Вскоре же после публикации книги в печати появились тенденциозные критические работы В. Невского и Ю. Франкфурта. Первый из критиков фиксировал свое внимание главным образом на суждении Бехтерева о том, что все в мире находится во взаимозависимости. В связи с тем, что в зависимости от активности Солнца находится климат на Земле, а следовательно, и урожаи, а от урожаев зависят судьбы людей, Бехтерев позволил себе, ссылаясь на то, что на Солнце могут влиять другие небесные тела, фразу такого содержания: «Судьба человека находится в связи со всей Вселенной». Статья Невского и была названа «Политический гороскоп ученого академика». Франкфурт критиковал социально-биологические представления Бехтерева. Книга Бехтерева содержала немало ошибочных положений, но она была первой в России крупной работой по психологии коллективов, которая в то время повсюду делала первые шаги и получила развитие лишь в последние десятилетия.

На базе Института мозга Бехтерев широким фронтом развернул исследования по физиологии труда. В условиях строительства социализма эти исследования имели исключительно важное значение. Они обеспечивали возможность научно обоснованной разработки рекомендаций по улучшению условий работы трудящихся, режима их трудовой деятельности на различных производствах. Они создавали возможности целенаправленной профилактики профессиональных заболеваний. Наконец, они могли содействовать повышению производительности труда и служить фундаментом для построения обоснованных предпосылок к научной организации труда, которой в то время Советское правительство и В. И. Ленин

придавали очень большое значение.

Стремление откликаться на требования времени было свойственно Бехтереву на всех этапах его деятельности. В 1921 году, когда по инициативе председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского была создана специальная комиссия по улучшению жизни детей и по борьбе с беспризорностью, Бехтерев активно включился в работу этой комиссии. При Психоневрологической академии тогда организовалась психоневрологическая школа-санаторий для беспризорных.

В 1923 году состоялся I Всероссийский съезд по психоневрологии, в работе которого приняли участие все ведущие невропатологи и психиатры страны. Особый интерес на съезде вызвали доклады П. П. Лазарева «Физико-химические основы нервной деятельности» и В. М. Бехтерева «Данные эксперимента в области рефлексологии». В сентябре того же года в Москве был созван I Всероссийский съезд научных работников. Он проходил под лозунгом «Союз науки и труда». В работе съезда участвовали академики Ольденбург, Ферсман, Бехтерев и др. На съезде были намечены пути сближения научной теории с практикой, внедрения в практику результатов научных достижений.

Из критических выступлений, появившихся в печати в связи с выходом в свет книги «Коллективная рефлексология», Бехтерев извлек немалую для себя пользу. Он со свойственным ему усердием засел за книги классиков марксизма-ленинизма. Его покоряли интеллектуальная мощь, целеустремленность и логика Маркса, В связи с этим в минуты отдыха он писал:

Карл Маркс — всемирный гений,
Он вечно мощен и велик;
Над нами власть его творений,
И в нас не меркнет их язык.

Гениальность Ленина Бехтерев признавал и раньше. Он видел в Ленине человека в равной мере сильного как в теории, так и в практике революционных преобразований. Изучение философской работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» позволило Бехтереву в значительной мере с новых позиций пересмотреть свои философские концепции и приблизиться к пониманию сущности диалектического материализма.

В своих воспоминаниях Бехтерев отмечал, что после невольного участия в марте 1917 года во встрече Ленина на Финляндском вокзале ему пришлось слышать выступление

Ленина лишь однажды — в Таврическом дворце на открытии Коммунистического Интернационала. Несколько раз Бехтерев обращался к Ленину, как к главе Советского правительства, с различными предложениями и просьбами, которые встречали обычно положительное к себе отношение.

С марта 1923 года до Бехтерева стали доходить слухи о тяжелой болезни вождя пролетариата. Несколько позже в печати появились медицинские бюллетени о состоянии здоровья Ленина. В мае 1923 года перед выездом в заграничную командировку Бехтерев посетил правительственные учреждения в Москве. Ему предложили дождаться прибытия из Петрограда своего бывшего ученика профессора В. П. Осипова и вместе с ним проконсультировать больного Ленина. Бехтерев изъявил желание не откладывать консультацию и в тот же день в сопровождении видного московского невропатолога В. В. Крамера прибыл в Кремль, где Ленин находился в своей квартире в здании Совнаркома. В одной из комнат ленинской квартиры Бехтерев застал около десяти врачей во главе с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко. Из немецких невропатологов, принимавших участие в лечении Ленина, присутствовал профессор Нонне. Бехтереву предложили ознакомиться с объемистой, напечатанной на машинке историей болезни Ленина. После этого его провели в кабинет Ленина, предупредив, что обследование не должно быть продолжительным, чтобы не утомить больного. Когда Бехтерев вошел, Ленин сидел на постели, здесь же находились Надежда Константиновна Крупская, а также медицинская сестра. Увидев вошедшего, Ленин приподнялся и жестом указал на стоящий рядом стул.

Как позже вспоминал Бехтерев, во время этой консультации он застал Ленина «разбитым правосторонним параличом, без речи, без возможности читать и, видимо, глубоко страдающего от невозможности говорить, но сохранившего в себе надежду найти спасение в медицине». Сложный характер заболеваний сомнений не вызывал, и после завершения осмотра Бехтерев принял участие в обсуждении проводимых Ленину лечебных и восстановительных мероприятий.

Вскоре больному стало лучше, и он был перевезен для дальнейшего лечения в Горки, где состояние его продолжало улучшаться. С помощью Надежды Константиновны Ленин много занимался восстановлением речевых нарушений, учился писать левой рукой. Когда в ноябре того же года Бехтерев нанес ему в Горках второй визит, Ленин самостоятельно ходил и уже произносил практически все слова, хотя и испытывал затруднения в построении фраз. Его состояние значительно

улучшилось. Однако по просьбе родных доступ к нему врачей с июля был резко ограничен. Консультация Бехтерева на этот раз оказалась заочной. Она сводилась к советам о дальнейшей тактике лечения.

В траурные дни в «Ленинградской правде» была опубликована статья Бехтерева о Ленине «Человек железной воли». Из статьи явствует глубокое понимание Бехтеревым исторической роли Ленина и глубочайшее уважение ученого к ушедшему из жизни вождю партии и государства. «Со смертью Ленина, — говорилось в статье, — сошел со сцены человек не только выдающихся способностей, но и человек железной воли. В Ленине именно было сочетание того и другого. Развить почти одному гигантскую пропаганду своих идей среди разброда мыслей в период первой революции, создать партию большевиков железной дисциплины, осуществить с горстью людей Октябрьский переворот, настоять на необходимости «передышки» во время войны, когда неприятель готов был наступить на горло, и когда, казалось всем, что необходимо вести войну до конца, настоять и провести к жизни новую экономическую политику… смело заявить план электрификации России и приступить к его осуществлению мог… человек только железной воли…»

Как и весь советский народ, Бехтерев стремился ответить на смерть вождя Советского государства новыми успехами в труде на благо своего народа, своей Родины. Он прилагал все силы к тому, чтобы сделать свой вклад в медицину и здравоохранение в Советском Союзе как можно более значительным, он стремился своим упорным трудом приблизить светлое будущее, надеждами на которое жили люди, в которое Владимир Михайлович верил непоколебимо.

Глава 10
ВЕРШИНА ЖИЗНИ

В 1924 году возглавляемый Бехтеревым Институт изучения мозга и психической деятельности (Институт мозга) состоял из пяти отделов: морфологии мозга, рефлексологии, младенческого (педологического), физиологии труда и научно-производственного отдела, включающего лабораторию НОТ. Широким фронтом велись исследования строения и функции нервной системы в условиях нормы и патологии. Методами экспериментальной психологии и рефлексологии изучались особенности личности; разрабатывались проблемы профориентации, научной организации труда на различных производствах, пути повышения производительности труда. С течением времени в сферу внимания ученых института вошел труд не только рабочих промышленных предприятий, но и лиц некоторых интеллигентных профессий: делопроизводителей, актеров, художников, врачей и др.

Исследования работы врачей и разработка научно обоснованных мероприятий по охране их здоровья производились сотрудниками Института мозга под руководством Бехтерева по заданию начальника Военно-санитарного управления П. И. Тимофеевского. Статистика указывала на относительно высокую смертность среди врачей повсюду в мире. В России положение с врачебными кадрами обстояло особенно трудно. В первую мировую войну большинство врачей попали в действующую армию. Многие погибли, остались инвалидами, умерли от сыпного тифа и других инфекционных заболеваний.

В 1919 году в России смертность врачей в 9 раз превышала среднюю, взятую для населения в целом. А между тем еще до революции Россия отставала от многих европейских стран по относительному числу врачей: их насчитывалось в ней 27 на сто тысяч жителей, в то время как во Франции на то же количество приходилось 39 врачей, в Германии — 51 и т. д.

В статье «О положении врачей в России и об исследовании врачебного труда» Бехтерев писал, что в первые годы Советской власти оставшиеся в стране врачи работали с перенапряжением. Кроме основной работы, им, как правило, приходилось работать по совместительству, а это вело к расходу их сил выше допустимого предела. Бехтерев отмечал тогда, что «вопрос об охране здоровья медицинских работников в интересах охраны народного здравия», важен, «подобно тому, как охрана

материнства и детства важна в интересах здоровья будущего поколения».

Возглавляемый Бехтеревым научный коллектив Института мозга занимался изучением физиологии труда лиц различных профессий л по заданию губернского отдела народного образования, Военно-морского ведомства, губернского комитета Российской Коммунистической партии (РКП), Совета НОТ рабоче-крестьянской инспекции, промышленного бюро ВСНХ, губпрофсовета, Наркомвнешторга и других государственных, партийных и профсоюзных органов. К примеру, в 1924–1925 годах в институте изучалась работа сотрудников Ленинградской биржи труда, губсоцстраха, грузчиков Ленинградского порта, исследовалось делопроизводство в Севзапторге и т. д. Результатом этой деятельности стали конкретные предложения по улучшению условий и повышению производительности труда рабочих и служащих. По согласованию с учебным управлением штаба РКК флота врачи и психологи (рефлектологи) Института мозга провели психотехническое обследование слушателей специальных военно-морских училищ: гидрографического, политехнического имени Рошаля, инженерного.

Научные исследования, выполнявшиеся сотрудниками Института мозга, имели, как правило, комплексный характер. Эта комплексность, придававшая научной продукции института особую ценность, обеспечивалась наличием в его штате высококвалифицированных специалистов разных профессий — гигиенистов, биохимиков, физиологов и многих других.

При Институте мозга функционировали музеи: сравнительной анатомии, возглавляемый крупным анатомом В. Н. Тонковым, рефлексологии, музей работ душевнобольных, музей психологии художественного творчества. Сотрудники института создали кружки по НОТ при райкомах партии, при Доме работников просвещения, при Ленинградском университете. В университете они организовали также кружок рефлексологии. В Институте мозга готовились к научной работе и принимали участие в выполнении отдельных исследований многие преподаватели и студенты медицинского института, ГИМЗа, Института педологии и дефектологии и других научных и учебных заведений. С 1922 года при Институте мозга регулярно собиралось созданное Бехтеревым научное общество рефлексологии, неврологии и биофизики.

Научные труды сотрудников Института мозга и других учреждений Психоневрологической академии по физиологии и научной организации труда публиковались в многочисленных в то время периодических изданиях: «Вопросы труда», «Гигиена

труда», «Предприятие», «Психофизиология труда», «Русский физиологический журнал», «Гигиена и здоровье рабочей семьи» и пр. Особенно же часто они выступали на страницах изданий, редактируемых Бехтеревым: «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вопросы рефлексологии и физиологии нервной системы», «Вопросы психологии и рефлексологии труда», «Педологический вестник», «Вопросы изучения алкоголизма».

В 1926 году Бехтерев в соавторстве с двумя своими сотрудниками — Васильевым и Вербовым — опубликовал книгу «Рефлексология труда». В этот период он планировал создание специализированного Научного института труда. Можно сказать, что в середине 20-х годов в Советской России вопросам физиологии и научной организации труда уделялось исключительно большое внимание. Они составили тогда целое научное направление, и Бехтерев был одним из его инициаторов, организаторов и руководителей.

Учреждения и издания Психоневрологической академии пользовались большим авторитетом не только в Советской стране, но и за рубежом. Институты академии поддерживали научные связи с Психоневрологическим институтом в Париже, с Неврологическим институтом в Берлине, Психоневрологическим институтом в Вене и с другими родственными зарубежными научно-исследовательскими учреждениями. Бехтерев, Павловский и другие ведущие ученые институтов Психоневрологической академии часто выезжали за границу в научные командировки. Бехтерев состоял членом английского и французского обществ сближения с СССР, преследовавших главным образом культурные цели: взаимную связь в науке, литературе и искусстве.

Страна залечивала раны, строилась, крепла. Победы в гражданской войне и в борьбе с интервентами, первые успехи в труде подтверждали жизнестойкость Советской власти. Все шире разворачивалось мирное строительство. Все больше значения придавалось науке. Но в стране не хватало научных кадров. В то же время немало работавших ранее в России научных работников и преподавателей в 20-е годы по разным причинам находилось за рубежом. Это обстоятельство побудило Бехтерева выступить с обращением к русским ученым, находящимся за границей. В нем говорилось: «…Находящиеся вне пределов России ученые и преподаватели, если они желают своей творческой деятельностью участвовать в создании культуры страны в новых условиях ее жизни, должны вернуться в Россию, дабы примкнуть к общей работе… В настоящих условиях… страна нуждается в научных деятелях, как лицах вполне подготовленных к творческой деятельности и в школе, и в жизни».

На это воззвание откликнулось немало находившихся в эмиграции ученых. Одним из них был человек сложной судьбы, невропатолог К. Н. Третьяков. В 1911 году он вместе со старшим братом за участие в революционном движении был исключен из Петербургского университета. Тогда же выехал во Францию, где учился, а с 1916 года работал в Парижском университете. В 1923 году его пригласили преподавать в бразильском городе Сан-Паулу. В связи с призывом Бехтерева вернуться на Родину Третьяков вступил с ним в переписку.

Вот текст ответа Бехтерева на одно из писем Третьякова: «Дорогой Константин Николаевич! Я получил Ваше письмо из Бразилии от 11 ноября 1923 года. И если бы случилось почему-либо оставить Сан-Паулу, и Вы решились бы возвратиться в Россию — в Ленинград (Петроград), то, конечно, найдете все условия для занятий по интересующим Вас предметам и постепенно устроитесь, чему я порадовался бы. Для признания за Вами права гражданства, необходимого для въезда в Россию, мною своевременно было принято все возможное. Но если Вы не имеете еще на руках надлежащего разрешения, то советую вновь обратиться в Москву, в Главнауку, Сретенский бульвар, 6, с соответствующим ходатайством. С искренним приветом и добрыми пожеланиями. Бехтерев. 31 марта 1924 года».

Хлопоты увенчались успехом, и, отработав в Сан-Паулу оговоренный в контракте срок, в сентябре 1926 года Третьяков приехал в Ленинград. Здесь по ходатайству Бехтерева его приняли на должность научного сотрудника в Патолого-рефлексологический институт имени Бехтерева. Кроме того, он консультировал как невропатолог в больнице имени Мечникова и в Государственном рентгенологическом институте. В 1931 году Третьяков стал заведующим кафедрой нервных болезней Саратовского медицинского института, где и проработал 25 лет. В 1945 году его избрали членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР. Всемирное признание получили работы Третьякова, способствовавшие выяснению причин развития паркинсонизма.

Со стороны эмигрантов — ярых антисоветчиков обращение Бехтерева вызвало злобную реакцию; они обвиняли его во всех смертных грехах. Отвечая на адресованное ему открытое письмо бежавшего из революционной России профессора Ростовцева, опубликованное в «Ревельских последних известиях», Бехтерев отмечал, что «профессору Ростовцеву следовало поставить перед собой альтернативу: оставаться ему с народом или без народа». Он осуждал Ростовцева за то, что приглашение вернуться на Родину им было воспринято как преступление против нее.

Бехтерев утверждал, что если Родина переживает кризис, то обязанностью патриота должно быть стремление оказать ей помощь «всеми своими силами, всем своим умением, хотя бы даже путем тяжкого самопожертвования». Именно так, считал Бехтерев, должен поступать истинный патриот, а «не бежать в чужие страны за «белыми булками» и во избежание столкновения своих политических взглядов с большевизмом».

В ответ на обращение к ученым-эмигрантам Бехтерев стал получать сообщения о желании вернуться на Родину от оказавшихся за рубежом людей разных профессий. Так, именно ему направила телеграмму с просьбой оказать содействие группа офицеров и солдат бывшей армии Юденича, которая, как говорилось в их телеграмме, «стремится в Россию не для войны и политики, но жить и работать для России и примирения». Телеграмма была подписана от имени организации «Массовое влечение в Россию ушедших оттуда». Бехтерев передал эту телеграмму в Наркомат иностранных дел, откуда его известили, что «для возвращения в Россию бывших офицеров и солдат приняты все меры».

Известно, что с 1921 по 1931 год в Советский Союз возвратилось 181432 эмигранта. Какую-то роль в этом, по-видимому, сыграло и обращение Бехтерева.

В 1925 году из печати вышла книга Бехтерева «Психология, рефлексология и марксизм», которой ученый придавал особенное значение в ряду своих сочинений. Там он отстаивал изложенные в начале века в работе «Психика и жизнь» свои представления о сущности нервной энергии, первопричиной которой, как и других форм энергии, он признавал энергию Солнца.

Мнение о том, что именно солнечная энергия дает начало другим ее формам, признавалось многими деятелями естествознания. Однако в период обостренной борьбы за чистоту материализма оно подвергалось подчас жестокой критике со стороны некоторых философов, усматривающих в нем попытку обосновать концепции сторонников так называемого объективного идеализма, основоположником которого принято считать Платона.

Объективные идеалисты утверждали существование «космической», или «мировой», души. Бехтерев, однако, одухотворенность, сознание, разум считал всегда явлением вторичным, обусловленным деятельностью мозга. Тем самым его представления о сущности психики принципиально отличались от идеалистических взглядов и, в частности, от концепции основателя психофизиологического параллелизма, крупного

немецкого химика В. Оствальда, которого В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» осуждал за путаность философских позиций. В работе «Психология, рефлексология и марксизм» Бехтерев полемизировал с Оствальдом и подчеркивал нетождественность его и своих взглядов.

Деятельность нервной системы Бехтерев объяснял с позиций так называемой энергетической теории, которую тогда поддерживали многие стихийные материалисты. Указания на роль энергии в работе нервной системы имеются уже у И. М. Сеченова. Он указывал на «способность нервной системы заряжаться энергией, как ни объясняй это явление, так как существует тот факт, что нервные центры играют роль аккумуляторов для поступающих в них раздражителей». Сеченов тогда воздержался от объяснения такого явления. Бехтерев попытался это сделать. Он выдвинул теорию о существовании нервно-психической энергии, с которой связывал как движение нервного тока (тока импульсов), так и проявление собственно психических процессов в мозгу. «Источник этой энергии, — считал Бехтерев, — содержится во внешнем мире, откуда она при участии воспринимающих органов, как трансформаторов внешней энергии, передается к мозговым центрам. Из последних же… та же энергия передается к… мышцам и отделительным клеткам желез, переходя таким образом в механическую и молекулярную работу». При этом Бехтерев считал возможным «говорить об энергии как о сущности, не поддающейся пока научному анализу до конца…».

Полемизируя с одним из критиков энергетической теории, О. Франкфуртом, Бехтерев писал: «Очевидно, что и сообразуясь с марксизмом, правильнее держаться энергетической (электрической или, вернее, электромагнитной) теории материи, как и энергетической (электромагнитной) теории нервного тока, так, как говорит об этом и А. Тимирязев в статье «Опровергает ли современная электрическая теория материи материализм?».

Отстаивая свой взгляд на энергетическую природу нервной деятельности, Бехтерев ссылался на подкрепляющие его мировоззренческие позиции высказывания многих авторитетных естествоиспытателей того времени. Рассматривая энергию как свойство материи, как ее способность к деятельности, Бехтерев, по сути дела, не отходил от материализма. Скорее можно говорить, что, рассуждая об энергии, он поднялся до диалектического понимания ее сущности, так как марксистско-ленинская философия рассматривает энергию как количественную меру движения, выражающую внутреннюю активность материи, способность материальных систем к

осуществлению определенной работы или преобразованиям во внешней среде на основе внутренних структурных изменений.

Надо сказать, что Бехтерев в вопросах философии не был так нетверд и беспомощен, как пытались представить его некоторые критики. Конечно, будучи по существу стихийным материалистом, он допускал излишнюю механистичность, недооценивал роль диалектики, однако в число идеалистов его включать ни в коем случае нельзя. Наоборот, факты говорят о том, что Бехтерев всю жизнь активно пропагандировал материалистические представления и, следовательно, был материалистом, притом воинствующим.

В 1925 году нарком здравоохранения Н. А. Семашко в одном из своих выступлений обратил внимание на растущую роль в обществе, строящем социализм, врачей-неврологов. «Мы говорим об оздоровлении труда, — писал Семашко. — Но ведь первое слово в обсуждении этого вопроса принадлежит невропатологу… Вопросы рационализации труда, так интересующие теперь наше государство, не могут быть решены без невропатолога и психиатра… Мы говорим о правильном воспитании подрастающего поколения, но кто же лучший педолог, как не невропатолог и психиатр?.. Мы говорим об оздоровлении нашего допотопного варварского быта, но и в этом вопросе к голосу невропатолога надо прислушиваться особенно внимательно». Эти слова наркома были, по сути дела, призывом к врачам не ограничивать сферу своих интересов вопросами оказания лечебной помощи, но и вникать в проблемы общественной жизни, способствуя профилактике болезней и улучшению условий труда и быта людей.

В октябре 1925 года Бехтерев принимал участие во Всесоюзном совещании по вопросам психиатрии и невропатологии в Москве. На нем рассматривались проблемы организации неврологической и психиатрической помощи населению и профилактики болезней нервной системы, обращалось внимание на рост алкоголизма; ряд докладов был посвящен оздоровлению труда и быта населения.

Это совещание приняло специальное постановление, содержащее высокую оценку Бехтерева как выдающегося невролога в связи с сорокалетним юбилеем его профессорской деятельности.

Юбилей Бехтерева необычайно широко праздновался советской медицинской общественностью. Главное торжество, в котором приняло участие более тысячи человек, состоялось 20 декабря 1925 года в Ленинграде, в Колонном зале Центрального

Дома работников просвещения на Мойке, в бывшем дворце князя Юсупова. Председательствовал давний соратник Бехтерева по Психоневрологическому институту, известный биолог профессор В. А. Вагнер. С речами, отражающими жизненный путь, научную и общественную деятельность юбиляра, выступали его бывшие ученики — профессора В. П. Осипов, М. И. Аствацетуров, М. П. Никитин, Л. Л. Васильев, К. И. Поварнин, А. С. Грибоедов, С.А. Брунштейн, П. А. Останков, А. В. Гервер. На заседании были оглашены поздравительные телеграммы Председателя ВЦИК М. И. Калинина, Наркомпроса, Наркомздрава, Главпрофобра, Академии наук, Военно-медицинской академии. С приветствиями от различных организаций выступили более 50 человек. Много поздравлений пришло от научных учреждений и отдельных ученых из-за границы. Общее число приветствий достигло 300. Юбиляр получил многочисленные адреса, дипломы об избрании почетным членом научных обществ, ученых советов университетов, институтов и других научных учреждений, альбомы. Особое чувство вызвало у Владимира Михайловича решение Вятского горсовета об избрании его почетным гражданином родного города.

Признанием огромных заслуг прозвучали и оглашенные на заседании постановления о присуждении имени Бехтерева Патолого-рефлексологическому институту и Воспитательно-клиническому институту для нервнобольных детей, а также о выделении государством по особому ходатайству Наркомпроса более 100 тысяч рублей Институту по изучению мозга и психической деятельности на расширение проводившихся там научных исследований.

Специальные заседания посвятили юбилею Бехтерева Психоневрологическая академия, общество психиатров, Ленинградский медицинский институт и многие другие научные и учебные учреждения. А в Институте мозга было решено создать музей Бехтерева, куда, кстати, в дальнейшем попали все связанные с юбилеем документы и материалы.

В начале 1926 года из печати вышел объемистый сборник, посвященный 40-летию профессорской деятельности В. М. Бехтерева. Ряд статей в нем демонстрировал роль великого ученого в развитии различных разделов неврологической науки. Юбилейные статьи о Бехтереве поместили тогда все медицийские журналы страны.

Сам Владимир Михайлович встречал свой юбилей полным сил, энергии, планов. Его вдохновляли успехи его соратников и многочисленных учеников, воодушевляло к дальнейшему творческому труду внимание широкой советской общественности

к его деятельности. Выступая на юбилее с ответной речью, он говорил: «…Профессорствуя в течение 40 лет, приятно вспомнить, что я жил интересами молодежи, соболезнуя ее невзгодам и радуясь ее жизненным успехам. С другой стороны, чаяния лучшей части нашей молодежи были и моими чаяниями. Вот почему я могу сказать, не кривя душой и не краснея за свое прошлое, что я счастлив, что дожил до наших дней, когда на смену старому миру, сметенному волной революции, возник и создается новый мир с новыми условиями быта и новыми же условиями общественности.

Я приветствую это новое обновление мира и горжусь тем, что произошло впервые в нашей стране. Еще до памятных дней Великого Октября в беседе с лицами, скорбевшими о разложении великой империи царей, мне приходилось утешать их лучшим грядущим, я говорил им, что на месте великой монархии возникнет не менее великая, но во много раз более славная федерация народов и что, с другой стороны, победный стяг трудящихся, сбросивших иго капитализма, явится вестником оздоровления нашей общественности и в то же время залогом оздоровления нашего быта и рационализации нашей жизни. Так я понимал в свое время грядущую революцию, так я принимаю ее теперь, когда она является уже свершившимся подвигом великого народа». Свое выступление на посвященном ему банкете Бехтерев закончил стихами Плещеева: «Друзья, дадим друг другу руки и вместе двинемся вперед, и пусть под знаменем науки союз наш крепнет и растет».

Весной 1926 года при Ленинградском губздравотделе был организован Нервно-психиатрический совет, куда вошли руководители всех психиатрических лечебниц губернии. Научно-методическим центром психиатрической службы Ленинграда оставался Психорефлексологический институт, директором которого был Бехтерев, а главным врачом — В. В. Срезневский, в прошлом его ученик. Институт располагал стационаром на 220 коек для больных психиатрического профиля. С 1924 года при нем была развернута амбулатория для лиц, страдающих болезнями нервной системы, душевными болезнями и наркоманией, имеющая собственную лабораторную базу. На одном из первых заседаний Нервно-психиатрический совет по предложению Бехтерева принял решение о реорганизации Психорефлексологического института и его амбулатории. 30 июля 1926 года губздравотдел издал приказ, по которому Психорефлексологический институт преобразовывался в лечебно-научное учреждение, занимающееся в основном изучением и

лечением так называемых пограничных состояний, главным образом неврозов. При этом в нем, однако, оставалось и психиатрическое отделение. Институт стал теперь именоваться «Клиническая больница для нервнобольных имени Бехтерева», сохранив при этом и второе название — Патолого-рефлексологический институт. Его амбулатория превратилась в психиатрический диспансер Володарского района Ленинграда — один из первых психиатрических диспансеров в стране, Бехтерев во многом содействовал открытию в 1926 году по инициативе своего ученика Л. Г. Молоткова первого в нашей стране Института хирургической невропатологии (теперь Ленинградский научно-исследовательский институт нейрохирургии имени А. Л. Поленова). Новый институт стал одним из важных звеньев реализации высказанного им еще в 1897 году страстного пожелания о создании самостоятельной нейрохирургической службы.

В опубликованном в 1926 году, уже третьем по счету, издании книги «Общие основы рефлексологии человека» Бехтерев более четко, чем раньше, отмежевался от энергетизма В. Оствальда, отметив при этом, что фактическая замена им понятия материи понятием энергии и неограниченное увеличение числа форм последней «вряд ли может служить на пользу науке». Полемизируя с Оствальдом, Бехтерев писал: «Ум человеческий вообще не может мириться с мыслью, что окружающий нас мир не представляет собой ничего, кроме одной силы в пустоте. В этом отношении, подобно философскому спиритуализму, учение Оствальда наталкивается на ряд непреодолимых препятствий». Сам Бехтерев, ссылаясь на классические законы физики, отстаивал мысль о неотделимости друг от друга материи и энергии. Подчеркивая несомненную материальность мира, он и энергию рассматривает как нечто в сущности своей материальное, допуская, правда, при этом несколько механистическую трактовку такого понятия. Вместе с тем материалистическую сущность своих философских представлений Бехтерев выразил абсолютно однозначно.

Материалистический характер жизненных позиций Бехтерева ярко отражает и его отношение к проблемам религии, причину возникновения которой он видел в «стремлении человека дать объяснение неизвестным по своей природе явлениям окружающего мира… В основе каждой религии, — писал Бехтерев, — лежит одухотворение окружающей природы или окружающего мира, являющееся результатом аналогии с самим собой».

Вопросам религии Бехтерев посвятил статьи «О религии» и

«Был ли Христос или нет — безразлично». В опубликованной в 1926 году статье «Культура социального героизма в воспитании детей» Бехтерев подчеркивал, что религия с ее проповедью «смиренномудрия» и «непротивления злу» подавляла в течение веков энергию нашего подрастающего поколения. Педагогу никогда не следует забывать об отравляющем начале, которое вносит религия в детские умы. «Вместо религии, — призывал Бехтерев, — прививайте детям культуру социального героизма, с которым неотъемлемо связывается и то, что обозначается социальным бессмертием».

Под воспитанием «культуры социального героизма» Бехтерев подразумевал приобщение людей с детских лет к идее социальной сущности человеческого общества, к воспитанию у них тенденций к взаимопомощи, к делам для общего блага. Такое воспитание, как считал Бехтерев, должно проводиться в клубах, в детских кружках, в интернатах, в школах. Оно должно отражаться и в подборе игр для детей, и в соответствующей детской литературе, в которую необходимо «влить возможно больше рассказов на социальные темы». В воспитании «социального героизма» Бехтерев придавал большое значение «проработке определенных тем, в отношении жизни и деятельности тех исторических личностей, которые, горя социальной любовью, преодолели в своей жизни большие препятствия в достижении общеполезных целей: таковы, например, Ленин, Линкольн, Спартак и др., а в области науки Колумб, Галилей, Ломоносов и др.». Занятия по воспитанию «культуры социального героизма» регулярно проводились по инициативе Бехтерева и зачастую с его участием в Воспитательном клиническом институте для нервных детей, входившем в состав Психоневрологической академии.

Большое внимание Бехтерев обращал и на трудовое воспитание детей, на понимание ими важности единения людей в коллективы. «Все, что приводит к розни между людьми, — говорил Бехтерев, — должно быть совершенно и отовсюду изгнано. Социально-трудовое воспитание должно подготовить в будущем новый тип социальной личности, с полным сознанием гражданских прав и обязанностей».

Отрицая вместе с религией идею вечности существования человеческих душ, существования загробного мира и т. п., Бехтерев тем не менее уже в речи, произнесенной на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 года, говорил о социальном бессмертии человека. При этом он имел в виду, что человек, как существо социальное, оказывает постоянное влияние на окружающих его, а подчас и на неизвестных ему людей, а также на последующие поколения; это

влияние может проявляться его поступками, трудом, поведенческими реакциями, достигнутыми успехами в литературе, науке и т. д. И когда человек умирает, то он не исчезает бесследно, так как сохраняется в памяти живущих. И при этом значима не только память о нем, но и о его делах или о тех делах, в которых он принимал участие и которые обеспечили живущим людям хотя бы какое-то продвижение вперед к культуре, к цивилизации. И подчас не так уж важно — помнят ли люди именно об этом человеке или о других людях того же поколения, но они не могут не знать, что цивилизация есть результат существования и активной деятельности предков, что само по себе делает бессмертными людей предшествующих поколений.

Бехтерев считал, что энергия каждого из нас в процессе жизни материализуется в дела, поступки, идеи, книги, предметы труда, архитектуры, искусства и т. д., и все это остается живущим, становится их достоянием и потому позволяет им начинать жизнь не с нуля, а с того уровня, которого цивилизация достигла к моменту их рождения, а сама цивилизация — бессмертное воплощение душевной и физической энергии умерших поколений. «Да, — говорил Бехтерев, — исчезают с лица земли народы, забываются их боги и цари, но достигнутый народами духовный прогресс, который возводит дикаря в степень цивилизованного человека, не исчезает и не утрачивается, а, накопляясь из поколения в поколение, приводит к совершенствованию человеческой личности и тем самым дает дальнейший толчок развивающейся духовной человеческой культуре».

Подчеркивая значение для людей не только материальных, но и душевных проявлений бытия каждого человека, Бехтерев отмечал: «Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме? А между тем этот вздох с проклятиями на устах воскреснет затем на улицах и митингах, в криках восставшего народа, проклинающего тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов».

Таким образом, по Бехтереву, «каждая человеческая личность, вмещающая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы и косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитою, но зато живет вечно, пока существует жизнь на земле».

«Чтобы побороть страх смерти, — писал Бехтерев в статье «Социальное бессмертие человеческой личности», — надо жить так, чтобы оставалось сознание небесплодно прожитой жизни. Те, кто умирает при сознании, что он служил правому делу, смерти не боятся».

Порицая религию, считая, что «лучшая религия… есть религия социального героизма в смысле социальной жертвенности», Бехтерев боролся с разнообразными проявлениями мистицизма. Еще в начале века руководимое им общество нормальной и патологической психологии дало жестокий отпор распространенному тогда спиритизму. Различные кажущиеся чудодейственными явления Бехтерев не игнорировал. Он проявлял к ним интерес и либо находил им объяснение, либо считал, что их загадочность обусловлена лишь недостатком накопленных человечеством знаний. Некоторые загадочные явления им объяснялись ловким трюкачеством, подделкой, обманом. В Институте мозга, созданном после Октябрьской революции в самом крупном гнезде великосветских спиритов (во дворце бывшего великого князя Николая Николаевича), Бехтерев и его сотрудники искали научное объяснение существующих и надуманных загадок человеческой психики. Изучалась, в частности, и возможность передачи мыслей на расстояние путем телепатии, которой Бехтерев интересовался в течение многих лет. Однако до конца своих дней он не считал возможным признать ее существование, так как доводы в ее пользу были, как правило, не бесспорными, а органов чувств, которые могли бы воспринимать непосредственно человеческую мысль у человека, никто никогда не обнаружил.

Бехтерев всегда допускал, что не все сущее познано, однако непознанное он не мог признать сущим. Познание непознанного было одной из главных целей его жизни. Поэтому в Институте мозга и других руководимых им учреждениях постоянно проводилось углубленное изучение психической деятельности, в процессе которого наряду с клиническими исследованиями применялись методы электрофизиологии, нейрохимии, биофизики, физической химии, исследовались продуцируемые человеком, и в частности его мозгом, электромагнитные поля.

Объясняя вещие сны, сбывающиеся приметы, предсказания и т. п., Бехтерев отмечал: «…всякое совпадение какого-либо признака и грядущих событий укрепляет веру в его реальное значение, причем последующее несовпадение признается не опровергающим фактом, а лишь таким случаем, в котором связь явлений почему-либо не могла осуществиться, то есть проявление связи было так или иначе воспрепятствовано, заторможено».

Распространенностью именно такого представления им объяснялась и вера в гадания, которые, как известно, иногда могут и сбываться. При этом, как отмечал Бехтерев, чтобы гадания сбывались почаще, «оракулы и прорицатели должны говорить таким языком, чтобы он мог быть истолкован для возможно большего числа случаев, но это уже дело искусства, которое в силу этого являлось прерогативой по преимуществу каст и родов».

С гимназических лет Бехтерева интересовал цирк, в котором можно было видеть, как актеры демонстрировали исключительные физические возможности человека, далеко не сразу доступные пониманию сложные трюки. Особый интерес у Бехтерева вызывали чудеса дрессировки животных.

Наиболее известным мастером этого циркового жанра в то время был Владимир Леонидович Дуров. Между Бехтеревым и Дуровым с 1917 года сложились искренние и теплые отношения. Бехтерев неоднократно посещал выступления цирковой труппы Дурова, приезжая в Москву, навещал его дом на Старой Божедомке, где участвовал в заседаниях созданного Дуровым кружка по изучению психики животных при зоопсихологической лаборатории. Членами этого кружка были академик А. В. Леонтович, инженер Б. Б. Кажинский, Г. А. Кожевников, биофизик А. Л. Чижевский. Дуров вместе со своими четвероногими воспитанниками и сам навещал Бехтерева во время своих гастролей в Петрограде. Он бывал у него и в Институте мозга, и в доме на Каменном острове. Бехтерева всегда восхищало искусство дрессировки, неожиданно большие возможности психической деятельности животных. Сам же процесс дрессировки он объяснял с позиций учения о сочетательных рефлексах, выработка которых у животных производилась с большой изобретательностью. Особенно удивительной была тонкость дифференцировки животными посылаемых им во время спектакля сигналов и их возможность четко и адекватно реагировать на эти сигналы, подчас совершенно неуловимые для зрителей.

В доме В. Л. Дурова в Москве Бехтерева познакомили со стройным молодым калужанином, который увлекался изучением зависимости происходящих на земле биологических процессов (урожаи, эпидемии и т. п.) от изменений на Солнце и в космосе. Это был А. Л. Чижевский — один из основоположников гелиобиологии. В марте 1926 года Чижевский уже на правах знакомого навестил Бехтерева в Ленинграде и передал ему просьбу своего земляка учителя К. Э. Циолковского рассмотреть вопрос о том, как организм человека перенесет невиданное ранее ускорение, которое необходимо будет придать кораблю с

ракетным двигателем, направляющемуся с Земли в космическое пространство, и состояние невесомости, ожидающее человека в космосе.

Бехтерева восхищала смелость мышления и убежденность мечтателя из Калуги в реальности предстоящих космических полетов. Однако задачи, которые Циолковский ставил перед Бехтеревым, были весьма сложны. Их решение требовало создания мощной лабораторной базы, на которой удалось бы смоделировать условия подъема в космос и пребывания в нем. Интерес к идеям Циолковского Бехтерев проявлял и раньше; Циолковский также следил за работами Бехтерева, которого он считал одним из крупнейших биологов и врачей современности. Однако этим бывшим вятским гимназистам, ставшим знаменитыми, так и не пришлось встретиться. Бехтерева заинтересовали поднятые Циолковским проблемы, но он, не считая их срочными, оставил за собой право подумать, а когда через год вновь увиделся с Чижевским в комнате для лекторов Московского политехнического музея, то с досадой произнес: «Как жаль, что суетная жизнь не позволяет мне предаться изучению этой интересной задачи!» Заняться ею Бехтерев так и не успел.

В последние годы жизни Бехтерев работал над несколькими книгами. Быть может, главной из них следует считать монографию «Мозг человека», обобщившую итоги почти полувековой деятельности ученого в области морфологии, физиологии мозга и рефлексологии. В этой книге нашли отражение многие научные достижения Бехтерева и его школы. Автор посвятил ее памяти матери — Марии Михайловны. Книга увидела свет уже после смерти Бехтерева. Тогда же, в 1928 году, было опубликовано четвертое издание «Общих основ рефлексологии».

В публикациях того времени Бехтерев проявлял заботу не только о развитии научных проблем, не только о социальных преобразованиях в своей стране, но и об улучшении жизни всего человечества. «Устраните капиталистический строй, — предлагал Бехтерев в одной из публикаций в журнале «Вестник знания», — разрешите национальный вопрос в смысле самоопределения народов на всем земном шаре, обеспечьте соответствующими законоположениями права меньшинства, и не будет нигде ни поработителей, ни порабощенных. А это создаст всеобщее умиротворение, за которым неизбежно следует тяга народов к взаимным связям и единению».

Среди публицистических выступлений Бехтерева в этот период следует отметить статью по поводу ставшего широко известным во всем мире безобразного судебного процесса над учителем Скопсом из Дейтона штата Теннесси США. Скопса судили за то, что он на уроках излагал эволюционное учение Ч. Дарвина и говорил, в частности, что человек состоит в родстве с обезьяной. Суд, который газетчики метко окрестили «обезьяньим процессом», проходил на стадионе при большом стечении людей и к тому же транслировался по радио. Обвинителем на процессе выступал кандидат в президенты США Брайтон, среди свидетелей защиты был известный изобретатель Томас Эдисон.

Бехтерев писал, что когда развитая индустриальная страна поражается средневековьем, то это уже психическая эпидемия, которая грозит перекинуться в другие страны, это опасность, которой надо прямо взглянуть в глаза, потому что она хуже чумы… «Материалистические выводы и положения современной науки должны быть самым решительным образом выдвинуты на борьбу с грозной эпидемией фанатического изуверства, идущей с дальнего Запада», — призывал ученый.

Постановлением Совнаркома от 3 октября 1927 года Бехтереву было присвоено звание заслуженного деятеля науки, общественные организации Ленинграда подготовили ходатайство о присвоении ему почетного звания Героя Труда.

Ко дню десятилетия Советской власти журнал «Вестник знания» опубликовал составленное Бехтеревым открытое письмо следующего содержания: «От имени Государственной Психоневрологической академии и научных работников — членов редакционной коллегии и сотрудников «Вестника знания» приветствую настоящую годовщину Октября, как завершающую первое десятилетие новой эры в развитии общечеловеческой культуры, начатой впервые великим Лениным. 7 ноября 1927 года. Академик В. Бехтерев».

Тогда же Бехтерев написал и направил статью в журнал «Революция и культура», опубликованную уже после смерти автора. В ней говорилось: «…Трудно учесть значение Октября для русской культуры. Усиленная борьба с безграмотностью, привлечение к культуре населения из рабоче-крестьянской среды, изыскания в области полезных ископаемых СССР, могущих обогатить страну, поддержка всякого рода изобретений в индустрии, начало интенсификации сельского хозяйства, капитальное строительство в разных областях СССР и многое другое — вот главные вехи, которые обозначились в нашей стране с Октябрем.

В области научно-технических успехов в нашей стране также

делаются шаги вперед, но далеко не с таким темпом, как в отношении культуры. В первый период после Октября мы развернулись было, но не удержались на достигнутых начинаниях, вследствие чего, к сожалению, последовало свертывание и слияние некоторых ученых и высших учебных заведений, сжатие их штатов и т. п. Благодаря этому, например, устранение фельдшеризма из деревни застопорилось, агрономия еще не вросла в деревенскую жизнь и т. п. Но все же и здесь нельзя не отметить общего возрастания числа ученых учреждений и высших учебных заведений по сравнению с дореволюционным временем. Отметим и привлечение к ним молодых сил из слоев населения, до революции считавшихся некультурными. Одной из первейших задач страны в этом отношении является подготовка смены старого ученого и профессорского состава новым».

5 декабря 1927 года на пленарном заседании Совета Психоневрологической академии Бехтерев призвал поддержать предложение советской делегации на переговорах в Женеве о проведении всеобщего разоружения.

Именно всеобщее разоружение Бехтерев признавал единственным действенным методом предотвращения крупных кровопролитных войн. «До сих пор, — писал он в то время, — существует своеобразная идеология борьбы с войнами при помощи доведения средств разрушения до таких пределов, когда человечество поймет всю безумность самоистребления. Эта идеология, как известно, была довольно распространенной в довоенное время, и, как мне лично известно, даже такой уважаемый деятель, как редактор «Научного обозрения», марксистского журнала 90-х годов, Филиппов, работал специально над изобретением способов разрушения с больших расстояний целых городов с целью привести условия подготовки к войне в такие положения, чтобы, как мне говорил покойный теперь Филиппов, война оказалась столь безумным самоистребительным актом, что человечество должно неизбежно от нее отвернуться в ужасе. Однако эта своеобразная идеология борьбы с войной путем войны же должна была бы отпасть уже с опытом бывшей мировой войны, которая вывела из строя до 30 миллионов человеческих жизней, не говоря о разрушении огромных богатств материальной культуры. При всем том угроза войны и до сих пор встает как дамоклов меч над народами Востока и Запада».

Но к полному прекращению войн, по мнению Бехтерева, может привести лишь «перестройка человеческого мира в сторону социалистических форм на почве самоопределения народов, что связано с отказом от империалистической политики». Такой путь

он рассматривал как «единственное действенное средство борьбы с войной, которая должна исчезнуть с лица земли и, будем надеяться, не в столь продолжительное время».

Во все периоды своей жизни Бехтерев был внимателен к социальным вопросам, к происходящим в стране и в мире политическим событиям. Хотя он и не считал себя политиком и всегда оставался беспартийным, жизненные его позиции, как правило, были активны. В своей последней «Автобиографии» Бехтерев писал: «Далекий от всякой политики, я стою (как ученый, а не как политик) на общечеловеческой платформе, и потому я ищу идеологического выхода из старых форм жизни в целях создания новых ее форм, связанных с раскрепощением народов и устранением эксплуатации одной нацией других наций и угнетением одним человеком другого человека».

В конце декабря 1927 года Бехтереву предстояло участие в работе двух съездов: I Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров и I Всесоюзного съезда педологов, посвященного проблеме воспитания и обучения детей. Последние годы дом на Каменном острове опустел — дети разлетелись, Наталья Петровна, возвратившаяся из Финляндии тяжелобольной, вскоре умерла. Хозяйство вел в основном старший брат Николай Михайлович, который к тому же добросовестно выполнял трудоемкие обязанности секретаря журнала «Вестник знания».

После смерти Натальи Петровны в доме стало совсем неуютно. Холостяцкой жизнью Бехтерев тяготился, и тогда около него появилась женщина, о которой никто из окружающих почти ничего не знал. Ходили слухи, что в прошлом она была цирковой наездницей. Лет ей было приблизительно 45, звалась Бертой Яковлевной и родом была, по-видимому, из Прибалтики. Она быстро навела порядок и уют в доме, избавила братьев от мелочных житейских хлопот. Внимание, проявляемое ею повседневно к Владимиру Михайловичу, не осталось безответным, и вскоре она стала его женой.

В Москву они выехали вместе и поселились там в доме старого знакомого Владимира Михайловича, профессора Московского университета С. И. Благоволина.

22 декабря открылся съезд невропатологов и психиатров. Бехтерев был избран его почетным председателем. В тот же день состоялось его последнее публичное выступление — доклад о коллективном лечении внушением под гипнозом больных наркоманиями, в частности алкоголизмом, и различными формами невроза, а также о включении этого метода в комплекс лечебных мероприятий при некоторых других заболеваниях нервной системы. В докладе была изложена методика

коллективной психотерапии и отмечалось, что атмосфера коллективного сеанса гипнопсихотерапии способствует повышению внушаемости его участников в силу возникающей при этом взаимной индукции. На следующий день Бехтерев руководил заседанием съезда, посвященным вопросам профилактики и лечения эпилепсии. Заседание проходило в здании Института психопрофилактики Наркомздрава на Кудринской улице. После его окончания Бехтерев изъявил желание познакомиться с некоторыми лабораториями. В сопровождении директора института Розенштейна и крупных московских психиатров Ганнушкина и Краснушкина он посетил возглавляемую Снесаревым лабораторию морфологии центральной нервной системы и отдел психофизиологии труда, которым руководил бывший ученик Бехтерева Ильин. Особый интерес при этом он проявил к недавно купленному институтом в Германии прибору Попельмейера, предназначенному для изучения умственного напряжения.

Вечером того же дня Бехтерев с женой был на спектакле «Лебединое озеро» в Большом театре, а в ночь на 24 декабря у него появились боли в животе. Утром он был осмотрен профессором Бурминым, который диагностировал у него желудочно-кишечное заболевание и сделал соответствующие назначения. Около Бехтерева весь этот день находилась его жена, она же и выполняла данные Бурминым рекомендации. В течение дня Бехтерев стал чувствовать себя как будто получше, но к семи часам вечера у него появились тревожные признаки ослабления сердечной деятельности. В созванном консилиуме участвовали профессора Бурмин и Шервинский и доктор Константиновский. Проведенные ими лечебные мероприятия желаемого эффекта не дали. Нарастали признаки общей интоксикации, нарушения работы сердца, после десяти часов вечера дыхание стало прерывистым, нарушилось сознание. Несмотря на все принятые меры, и в том числе применение искусственного дыхания, состояние больного прогрессивно ухудшалось, и в 23 часа 45 минут Бехтерев скончался.

В воскресное утро 25 декабря в квартире Благоволина собралось совещание во главе с наркомом здравоохранения Семашко. В нем участвовали видные представители советской медицины. В тот же день с лица покойного известным скульптором Шадром была снята гипсовая маска. У гроба Бехтерева постоянно несли почетный караул представители студенчества, врачи, преподаватели, профессора.

26 декабря на квартире Благоволина состоялась гражданская

панихида, в которой принимали участие родные, близкие, сотрудники, ученики ученого. Первым выступил нарком Семашко. «Мы провожаем в могилу, — сказал он, — виднейшего деятеля науки, научные заслуги которого известны далеко за пределами нашей страны. Эти заслуги неизмеримы. Еще в давние времена, когда область нервной деятельности была загадочной и темной, академик Бехтерев открыл своим ученым ключом дверь в эту темную область, пролив на нее яркие лучи научного света. Уже тогда Бехтерев заложил основы рефлексологии, то есть учения, которое наиболее близко к материализму и потому является единственно научным пониманием душевной жизни».

27 декабря в начале второго часа дня гроб с телом Бехтерева был вынесен из квартиры Благоволина и водружен на катафалк. Траурный кортеж направился на Моховую к 1-му Московскому университету. Двор университета был переполнен студентами, преподавателями, представителями общественных организаций. Гроб на руках перенесли в круглый актовый зал, где состоялась еще одна гражданская панихида с участием представителей широкой общественности, на которой с речью выступил Председатель ЦИК СССР М.Калинин. «Наука, — говорил он в своей речи, — неотделима от социализма. У нас есть огромные силы, которые, к сожалению, до сих пор этого не осознали. Покойный же тов. Бехтерев усвоил это в самом начале Октябрьской революции. Однако год за годом наука делает медленную передвижку в умах и других ученых, заставляя их осознать, что наука и социализм — одно и то же. Я имел частое общение с покойным и вынес убеждение, что он принадлежал к тем лицам, которые укрепляли мост, соединяющий науку со строительством социализма. Академик В. М. Бехтерев много помог сближению труда и науки и этим самым укреплению рабоче-крестьянского строя».

В тот же день тело Бехтерева предали кремации в недавно отстроенном крематории при Донском монастыре. Вечером урну с прахом ученого, заключенную в обитый черно-красным шелком небольшой дубовый ящик, доставили на Октябрьский (ныне Ленинградский) вокзал. Проводить останки Бехтерева в Ленинград собрались тысячи москвичей. Траурный поезд отправился поздно вечером.

На Октябрьском (ныне Московском) вокзале Ленинграда встретить прах Бехтерева собралось множество людей. Здесь были делегации общественных, медицинских — и научных организаций, врачи, преподаватели, студенты, бывшие пациенты покойного. Многотысячное траурное шествие проследовало по Невскому проспекту, через Троицкий мост, на Петроградскую

сторону. Перед зданием Государственного института мозга, которое не в состоянии было вместить огромную толпу провожающих, состоялся грандиозный траурный митинг. От Академии наук выступал академик С. Ф. Ольденбург, от Военно-медицинской академии ее начальник профессор В. П. Воячек, от Психоневрологической академии профессор А. В. Гервер, от Института мозга профессор Л. Л. Васильев.

Урну с прахом Бехтерева установили в созданном еще в 1925 году музее Бехтерева при Институте по изучению мозга и психической деятельности. Урна долгое время хранилась в специальном стеклянном патроне, вмонтированном в пьедестал бюста Бехтерева, выполненного вскоре после его смерти крупным советским скульптором Манизером.

Некрологи, воспоминания о Бехтереве, мысли о нем поместили тогда все газеты и множество журналов. Под ними стояли подчас подписи выдающихся деятелей Советского государства и крупнейших ученых. В их числе — М. И. Калинин и А. В. Луначарский, нарком здравоохранения Н. А. Семашко, академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, А. А. Ухтомский.

В своей статье, опубликованной в «Правде» 28 декабря 1927 года, Н. А. Семашко писал: «Бехтерев был одним из первых ученых, которые пришли к нам после Октября. Стоит только вспомнить те тяжелые времена, когда ученые были настроены частью враждебно, частью выжидательно, чтобы понять, какого ценного работника получила в лице Бехтерева молодая Советская власть. Белогвардейцы не могли простить этого Бехтереву, клеветали против него, обливали его помоями, но старик Бехтерев не склонил своей головы под градом инсинуаций и лжи. Он твердо до последнего дня своей жизни помогал строить социализм в нашей стране. Реорганизация школы проходила при непосредственной консультации невропатолога, психиатра и педолога профессора Бехтерева. В борьбе с беспризорностью он принял самое деятельное участие. Самых трудных, наиболее развращенных улицей беспризорных мы стремились посылать в учреждения профессора Бехтерева. Его голос невропатолога и психиатра громко звучал и звал на борьбу с алкоголизмом… Чуть не накануне своей смерти он был в Наркомздраве, где строил новые и новые планы по расширению деятельности своих научных и научно-практических учреждений по борьбе с беспризорностью и алкоголизмом».

В некрологе президиума Ленинградского Совета говорилось: «Несмотря на свою напряженную научную деятельность, Владимир Михайлович, принимая активное участие в жизни советской общественности, являлся бессменным членом

Ленсовета пяти последних созывов, положив немало трудов для установления культурных связей с научными силами Запада и популяризации среди них достижений Советской власти и науки. Вместе с тем свою научно-популярную работу Владимир Михайлович сумел направить на служение рабочему классу, на борьбу за его оздоровление. Вся научная и общественная деятельность покойного является живым примером тесного союза науки и труда, который зародился, растет и крепнет в стране рабочих и крестьян.

Жизнь и труды Владимира Михайловича — лучший венок на его могилу».

В наши дни много делается для сохранения памяти о Бехтереве и развития созданных им направлений неврологической науки, для пропаганды идей выдающегося ученого. Этим занимаются, в частности, в Психоневрологическом (бывшем Патолого-рефлексологическом) институте в Ленинграде, носящем его имя. Сотрудники института бережно хранят и пополняют находящийся в его составе музей Бехтерева. Одному из них, доктору медицинских наук А. М. Шерешевскому, недавно удалось установить, что сохранился принадлежавший Бехтереву дачный домик в поселке Вишневка Лазаревского района Краснодарского края. Решением Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 15 февраля 1977 года в нем организуется музей Бехтерева. Возможно, что мемориальным музеем станет со временем и дом ученого на Каменном острове в Ленинграде, где он жил с 1913 года до самого конца своей жизни. Имя Бехтерева носят улицы в Ленинграде, в Москве, в Казани, в Кирове, село, в котором он родился. Память о Бехтереве чтут советские неврологи, и прежде всего те, кто трудится в учебных и научных учреждениях, в которых работал когда-то выдающийся ученый, — в Военно-медицинской академии, в Казанском университете, в 1-м Ленинградском медицинском (бывшем Женском медицинском) институте, в Ленинградском санитарно-гигиеническом институте (бывшем ГИМЗе). Эту книгу автор рассматривает также как дань памяти выдающемуся ученому, врачу и гражданину, имя которого ему представляется в одном ряду с именами Сеченова и Менделеева, Мечникова и Павлова, Введенского и Ухтомского, Тимирязева и Вернадского.

Заканчивая книгу, автор хотел бы выразить свою признательность всем, кто содействовал ее созданию, и прежде всего директору Психоневрологического института имени Бехтерева профессору М. М. Кабанову, начальнику кафедры нервных болезней Военно-медицинской академии имени Кирова, генерал-майору медицинской службы, профессору Г. А. Акимову,

доктору медицинских наук А. М. Шерешевскому, психологу В. А. Журавелю, сотрудникам Ленинградского государственного исторического архива.

Пусть эта книга напомнит читателю об одном из выдающихся сынов России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наконец-то в созданной М. Горьким серии «Жизнь замечательных людей» появилась книга о выдающемся деятеле отечественной и мировой науки, крупнейшем русском невропатологе Владимире Михайловиче Бехтереве. Это был человек, наделенный необычайными способностями и поистине несравненным трудолюбием. Впрочем, читатель уже и сам, думается, пришел к такому выводу. Бехтерев не побоялся взяться за те именно дисциплины — невропатологию и психиатрию, которые во времена его становления как врача еще не имели достаточно надежного научного фундамента. Невзирая на множество встреченных трудностей и преград, молодой ученый принялся за изучение морфологии и физиологии нервной системы. Длительная, самоотверженная работа привела к тому, что он обогатил эти разделы неврологической науки множеством ценнейших открытий и создал фундаментальные труды, значение которых трудно переоценить. И прежде всего в их числе следует назвать двухтомный труд «Проводящие пути спинного и головного мозга» и семь томов под общим заголовком «Основы учения о функциях мозга». Названные книги стали настольными для нескольких поколений специалистов. Они не потеряли своего значения до настоящего времени.

Читатель, познакомившийся с книгой, несомненно, уже получил представление о характере и содержании деятельности Бехтерева. Здесь же, в заключительном слове, быть может, уместно сказать об этих работах уже несколько ближе к специфическим интересам сегодняшней медицинской науки, поскольку обращенная к самой широкой аудитории книга, естественно, писалась с вполне осознанным стремлением к определенному облегчению ее восприятия людьми, подчас весьма далекими от ее проблем.

Итак, еще раз кратко о главных достижениях, связанных с многолетней плодотворной деятельностью Бехтерева. Прежде всего он уделил много внимания совершенствованию методов обследования больных. Им описано более двадцати рефлексов и симптомов, содействующих выявлению определенных форм патологии нервной системы. Он сконструировал несколько приборов, позволивших расширить возможности уточнения диагноза у неврологических больных. Бехтерев впервые описал некоторые новые клинические формы, и в том числе одеревенелость позвоночника, широко известную сейчас как «анкилозирующий спондилоартрит» — иначе «болезнь

Бехтерева».

Наряду с И. П. Павловым Бехтерева следует считать в числе первооткрывателей метода условных (у Бехтерева — «сочетательных») рефлексов. Основанные на принципе такого рефлекса методы диагностики и лечения нервных болезней впервые в клинических условиях применил именно Бехтерев. Особый интерес у современников и ученых последующих поколений вызвали работы Бехтерева, посвященные влиянию нервной системы, и в том числе коры больших полушарий мозга, на внутренние органы. Эти работы во многом способствовали развитию идей невризма — того научного направления в медицине, у истоков которого стоял один из учителей Бехтерева — великий русский врач С. П. Боткин.

Признавая исключительную важность психологической науки, Бехтерев стремился сблизить ее с нейрофизиологией. Следуя заветам И. М. Сеченова, он главным методом познания психической деятельности признавал рефлекс. И разработанное им направление в психологии он назвал именно рефлексологией, придав ему характер самостоятельной научной дисциплины. Ей он посвятил такие монографии, как «Объективная психология», «Основы рефлексологии», «Коллективная рефлексология» и др. Следует сказать, что с позиций сегодняшней науки в них имеются спорные и даже ошибочные суждения. Но, во-первых, не следует забывать о том, какой немалый промежуток времени отделяет нас от этих книг. А во-вторых — и это самое главное, — в свое время они сыграли, несомненно, положительную роль в развитии науки.

Бехтерева следует считать одним из основоположников такого важного ныне направления психологии, как психология коллективов. Он же одним из первых начал научную разработку воспитания детей раннего возраста; показав, что формирование личности человека начинается буквально с первых месяцев его жизни.

Бехтерева неизменно отличала чуткость ко всему новому. Из массы публикуемых научных фактов он умел выделить наиболее перспективные проблемы и открытия. Яркий тому пример — рентгеновские лучи. Уже через год после их открытия в клинике Бехтерева производились первые рентгенограммы черепа. Тогда же Бехтерев предсказал возможность получения рентгеновского изображения сосудов, то есть то, что сейчас именуется ангиографией.

Создав первую в России нейрохирургическую операционную, а затем и специализированную нейрохирургическую клинику, Бехтерев во многом способствовал становлению нейрохирургической службы, которой в последующем удалось

спасти жизнь и восстановить здоровье многим тысячам людей. С именем Бехтерева связано широкое применение в клиниках нервных и душевных болезней многих наиболее прогрессивных способов лечения. Он внес большой вклад в разработку методов психотерапии, в частности, группового внушения под гипнозом.

Едва ли требует пояснений кипучая организаторская деятельность Бехтерева. Читатель — смею думать, не без некоторого удивления от неуемного трудолюбия ученого — уже знает, как много лечебных, научных, учебных центров страны обязаны ему своим рождением и укреплением. Эти черты натуры Бехтерева нашли особенно благоприятные возможности для своего проявления уже после победы Великого Октября. И потому имя Бехтерева с полным основанием следует назвать в числе основоположников и советской медицинской науки, и всего нашего здравоохранения в целом. Впрочем, едва ли стоит особенно подробно развивать эту тему: ведь читателю уже ясен идейный и моральный облик замечательного ученого, страстного патриота своего Отечества.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об авторе этой книги. Анатолий Сергеевич Никифоров — врач-невропатолог, кандидат медицинских наук, доцент. Он работает доцентом кафедры нервных болезней 2-го Московского медицинского института имени Н. И. Пирогова. Свою научную и лечебную деятельность он успешно сочетает с литературной. Помимо научных монографий, статей и учебника для студентов медвуза, он опубликовал имевшие заслуженный успех в широких читательских кругах научно-популярные книги «Эмоции в нашей жизни» и «Этюды о разуме». Обратившись к биографии Бехтерева, А. С. Никифоров провел кропотливую исследовательскую работу, тщательно и скрупулезно выявляя мельчайшие черточки этой замечательной личности в специальной и мемуарной литературе, в архивах, музеях и т. д. В своем повествовании он строго придерживается достоверных фактов, не оставляя места для вымысла и фантазии. Представляется, что это сильная сторона книги. К тому же она написана ясным литературным языком, читается легко и создает достаточно целостное и полное впечатление о личности и трудах одного из великих русских ученых. Можно надеяться, что книга А. С. Никифорова — первое крупное произведение о Бехтереве — вызовет одобрение ее многочисленных читателей.

Доктор медицинских наук Н. Трубилин.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. М. БЕХТЕРЕВА

1857, 20 января — Родился в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии.

1865 — Смерть отца — Михаила Павловича Бехтерева.

1867 — Принят во второй класс Вятской гимназии.

1873 — Окончил 7 классов гимназии и принят на 1-й курс Медико-хирургической академии.

1877, май — сентябрь — Участвовал в русско-турецкой войне в составе санитарного отряда Рыжовых.

1878 — Закончил Медико-хирургическую академию и зачислен в запас врачей армии при Клиническом военном госпитале.

1879, 9 сентября — Женился на Наталье Петровне Базилевской.

1880 — Родился сын Евгений. В журнале «Вестник Европы» опубликовал очерки «Вотяки, их история и современное состояние».

1881 — Защитил диссертацию на степень доктора медицины. Получил звание приват-доцента.

1883 — Родилась дочь Ольга.

1884 — Назначен младшим врачом Клиники душевных болезней ВМА.

1885 — Назначен заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета. Создал Психофизиологическую лабораторию.

1887 — Родился сын Владимир.

1889 — Родилась дочь Екатерина.

1892 — Первая публикация книги «Проводящие пути мозга». Создание Казанского неврологического общества.

1893 — Создан журнал «Неврологический вестник» (ред. Бехтерев). Назначен начальником кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии.

1896 — Создан журнал «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (ред. Бехтерев). Родился сын Петр.

1897 — Открытие клиники нервных болезней ВМА.

1898 — Умерла мать Мария Михайловна.

1899 — Избран академиком ВМА. Награжден золотой медалью Российской Академии наук.

1900 — За книгу «Проводящие пути спинного и головного

мозга» (2 тома) удостоен премии Вэра Российской АН. Избран председателем Русского общества нормальной и патологической психологии. Избран профессором Женского медицинского института.

1902 — Опубликовал книгу «Психика и жизнь».

1903 — Опубликовал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни».

1904 — Выступил с предложением о создании Психоневрологического института. Родилась дочь Мария.

1905 — Выступил с речью «Личность и условия ее развития и здоровья».

1907 — Получил звание заслуженного ординарного профессора. Утвержден устав Психоневрологического института. Завершена публикация книги «Основы учения о функциях мозга» (7 томов). Избран президентом Психоневрологического института.

1909 — Избран президентом «Общества славянского научного единения».

1910 — Завершена публикация книги «Объективная психология» (3 тома).

1911 — Опубликовал книгу «Гипноз, внушение и гипнотерапия и их лечебное значение».

1912 — Открытие экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма.

1915 — Завершена публикация книги «Общая диагностика болезней нервной системы» (2 тома). Опубликованы работы: «Моральные итоги мировой войны» и «Война и психозы».

1916 — Учебные подразделения Психоневрологического института выделены в частный Второй Петроградский университет.

1917, декабрь — Работа в научно-медицинском отделе Наркомпроса.

1918 — Введен в состав Ученого совета при Наркомздраве. Открытие Института по изучению мозга и психической деятельности (Института мозга). Опубликована книга «Общие основы рефлексологии» (1-е изд.).

1919 — При Психоневрологическом институте созданы курсы по подготовке фельдшеров для Красной Армии.

1920 — Избран в состав Петроградского Совета депутатов. Реорганизация Второго Петроградского университета, создание ГИМЗ.

1921 — Создание Психоневрологической академии и избрание Бехтерева ее президентом. Опубликовал книгу «Коллективная рефлексология».

1923, май — Консультировал В. И. Ленина. Участвовал в I Всероссийском съезде научных работников.

1924, 26 декабря — Публикация статьи о Ленине «Человек железной воли».

1925 — Начал выпускаться научно-популярный журнал «Вестник знаний», редактируемый Бехтеревым. Опубликовал книгу «Психология, рефлексология и марксизм». Торжественно отмечено 40-летие профессорской деятельности Бехтерева.

1926 — Опубликовал книги «Работа головного мозга» и «Рефлексология труда».

1927 — Удостоен звания заслуженного деятеля науки. Опубликована книга «Алкоголь и борьба с ним».

22 декабря — Выступление на I Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров с докладом о коллективной психотерапии.

24 декабря, 23 часа 45 минут — Бехтерев скончался.

1928 — Публикация книги «Мозг и его деятельность».

Иллюстрации

Родители В. М. Бехтерева — Мария Михайловна и Михаил Павлович.

Учителя Вятской гимназии в период обучения в ней Бехтерева.

Владимир Бехтерев — выпускник Медико-хирургической академии (1878 г.).

Жена Бехтерева Наталья Петровна (урожденная Базилевская).

Левое крыло главного здания Медико-хирургической академии, в котором с 1867 по 1892 год находилась клиника душевных болезней.

Профессор Иван Михайлович Балинский.

Профессор Иван Петрович Мержеевский.

ДИПЛОМЪ.

КОНФЕРЕНЦІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

постановила, состоявшимся Апрѣля 4 дня 1881 года,

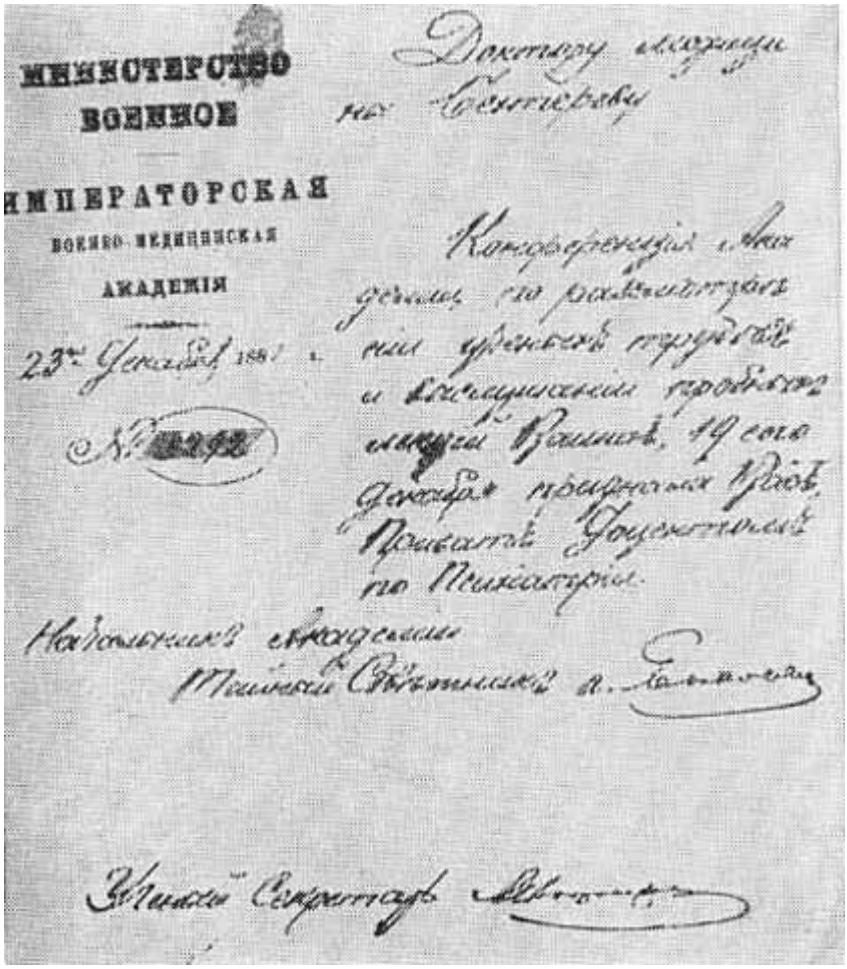
Лекаря Владиміра Михайлова БЕХТЕРЕВА,

удостоенному установленнымъ испытаніемъ и защитительнымъ предъявленіемъ имъ разсужденія подъ заглавіемъ:

„Опытъ Клиническаго изслѣдованія вазомоторовъ при нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ заболѣваній",

удостоить степени Доктора Медицины. Въ удостовѣреніе чего и дать ему настоящій дипломъ, за надлежащими подписями и съ приложеніемъ печати. Въ С.-Петербургѣ Апрѣля 7-го дня 1881 года.

Диплом Бехтерева на степень доктора медицины.


МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ

ИМПЕРАТОРСКАЯ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ
АКАДЕМІЯ

Докторъ медицины
Бехтеревъ

Конференція Академіи
объявляетъ о разсмотрѣніи
его ученыхъ трудовъ
и допущеніи къ пробной
лекціи 5 января, 19 сего
декабря прочитанныхъ имъ
Привать-Доцентомъ
по Психіатріи.

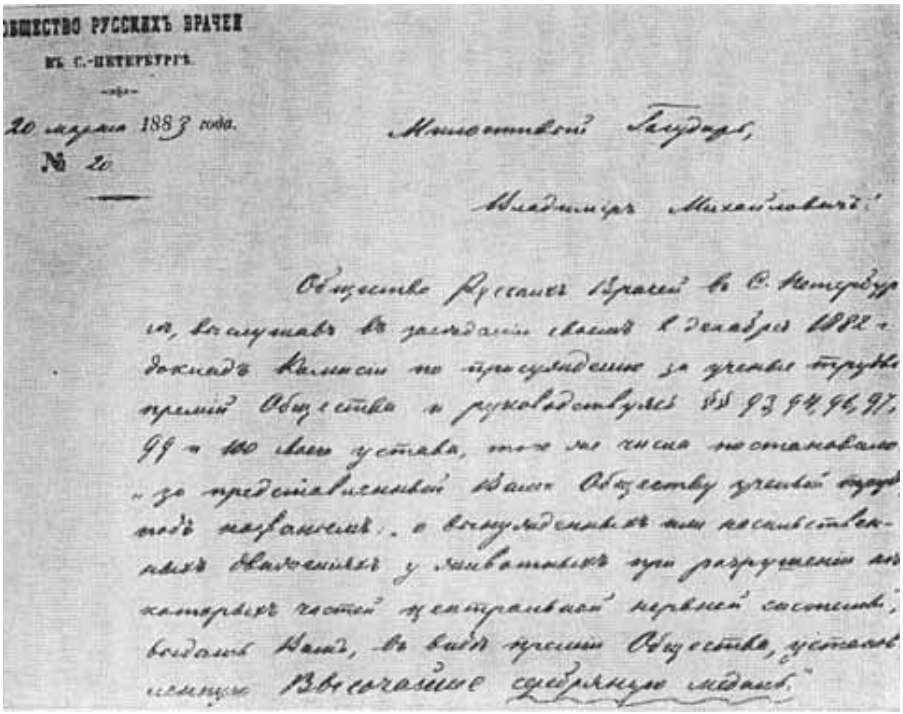
23 Декабря 1881 г.

№ 2192

Начальникъ Академіи
Тайный Совѣтникъ

Ученый Секретарь

Документ о присвоении Бехтереву звания приват-доцента.



ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

20 марта 1883 года.
№ 20

Милостивый Государь,
Владимiръ Михайловичъ!

Общество Русскихъ Врачей въ С. Петербурге, выслушавъ въ заседании своемъ 8 декабря 1882 г. докладъ Комиссiи по присуждению за лучшiе труды премiй Общества и руководствуясь §§ 93, 94, 96, 97, 99 и 100 сего устава, тогда же числа постановило и уведомленiемъ Вашимъ Обществу лучшей отрасли подъ названiемъ, о выслушанiи или засвидетельствованiи извѣстiя у животныхъ при разрушенiи или катарральныхъ частей центральной нервной системы, возданы Вамъ, въ вашей премiи Общества, установленную Высочайше серебряную медаль.

Документ о присуждении Бехтереву серебряной медали Общества русских врачей.

La Società Freniatrica Italiana

A SUO MEMBRO

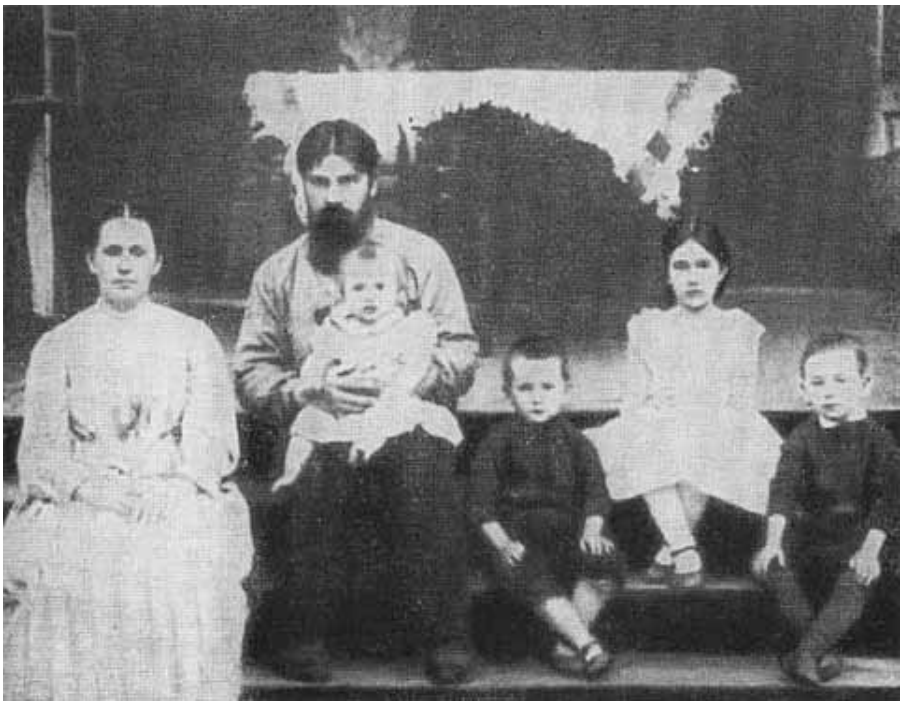
Corrispondente

Диплом члена-корреспондента Итальянского неврологического общества, врученный Бехтереву в 1883 году.

Профессор Казанского университета В. М. Бехтерев с сотрудниками.

Казанская окружная психиатрическая больница.

Владимир Михайлович Бехтерев (1884 г.).



Бехтерев с семьей на даче в период его работы в Казани.

В. М. Бехтерев — начальник кафедры Военно-медицинской академии (1895 г.).

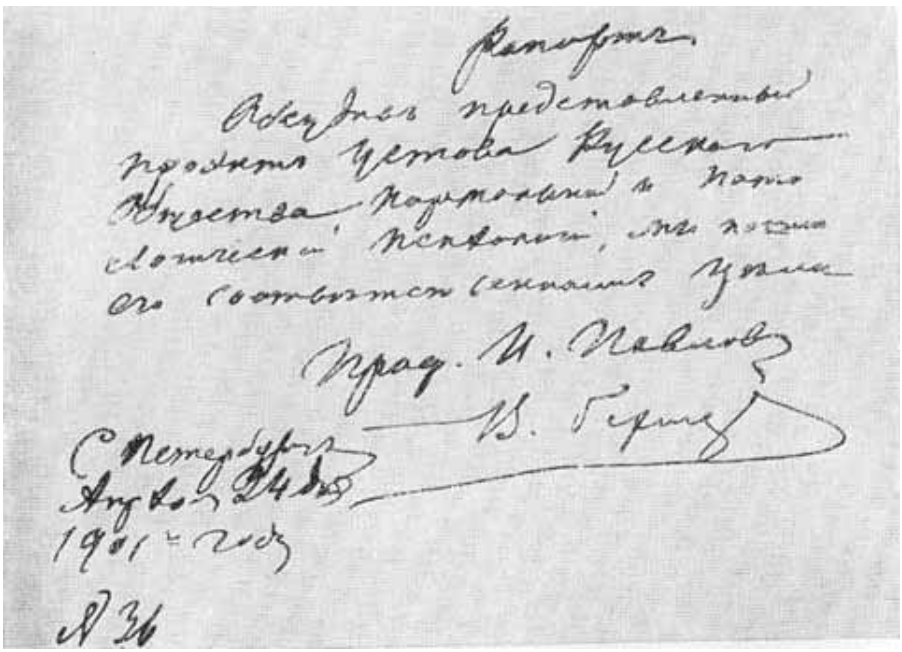
Бехтерев среди сотрудников кафедры и клиники Военно-медицинской академии.

Клиника душевных болезней Военно-медицинской академии, построенная в 1892 году. С 1893 по 1913 год ее директором был Бехтерев. В центральной части здания на втором этаже находилась его квартира.

Клиника нервных болезней Военно-медицинской академии. Построена в 1897 году.

В. М. Бехтерев и Н. А. Вельяминов перед нейрохирургической операцией.

Журналы и другие периодические издания, выходившие под редакцией Бехтерева.



Рапорт.

Обсудивъ представленный
проектъ устава Русскаго
Общества нормальной и патол.
психологіи, мы нашли
его соотвѣтствующимъ цѣли

Проф. И. Павловъ
В. Бехтеревъ

С.Петербургъ
Августа 24 дня
1901 года
№ 36

Совместный рапорт И. П. Павлова и В. М. Бехтерева об одобрении ими устава Русского общества нормальной и патологической психологии при Военно-медицинской академии.

Документ об избрании Бехтерева почетным членом Общества русских врачей.

Бехтерев с семьей на даче «Тихий берег» (начало девятисотых годов).

Свидетельство

Главное Управление Российского Общества Краснаго Креста удостоверяет, что согласно постановления своего отъ 18. Мая 1906 года Высочайше утвержденная въ 19-й день Января 1906 года, медаль Краснаго Креста, въ память участія въ деятельности Общества во время русско-японской войны 1904-1905 г.г. выдана Дѣлопроизводителю Канцеляріи Главнаго Управленія Коллежскому Секретарю

С. Петербургъ, Мая 2 дня 1907 года

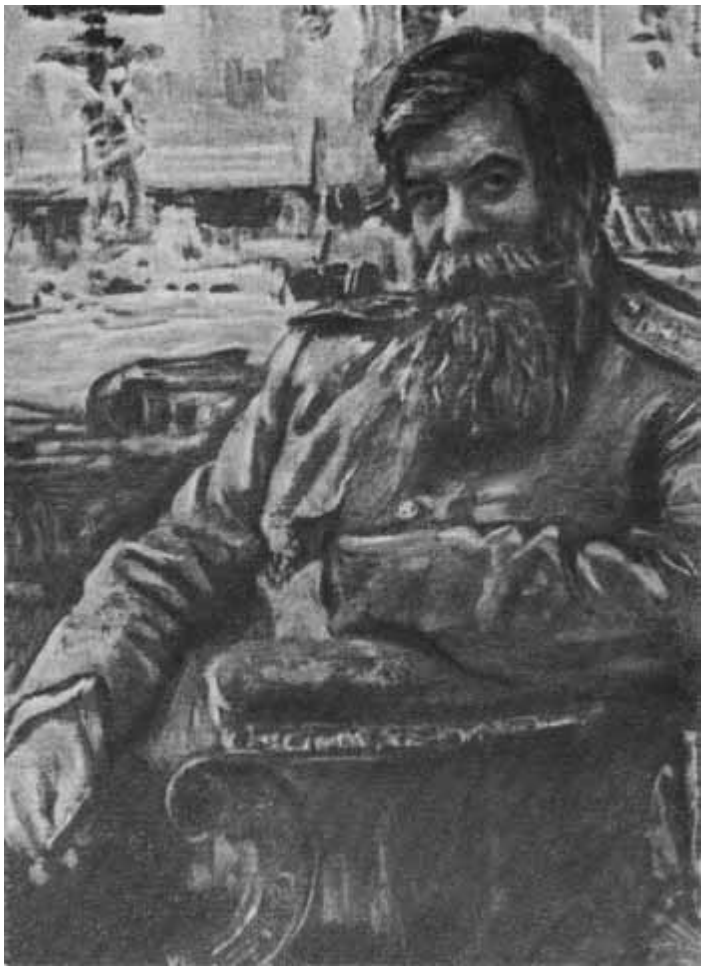
За Председателя Главнаго Управленія

Управляющій Канцеляріею

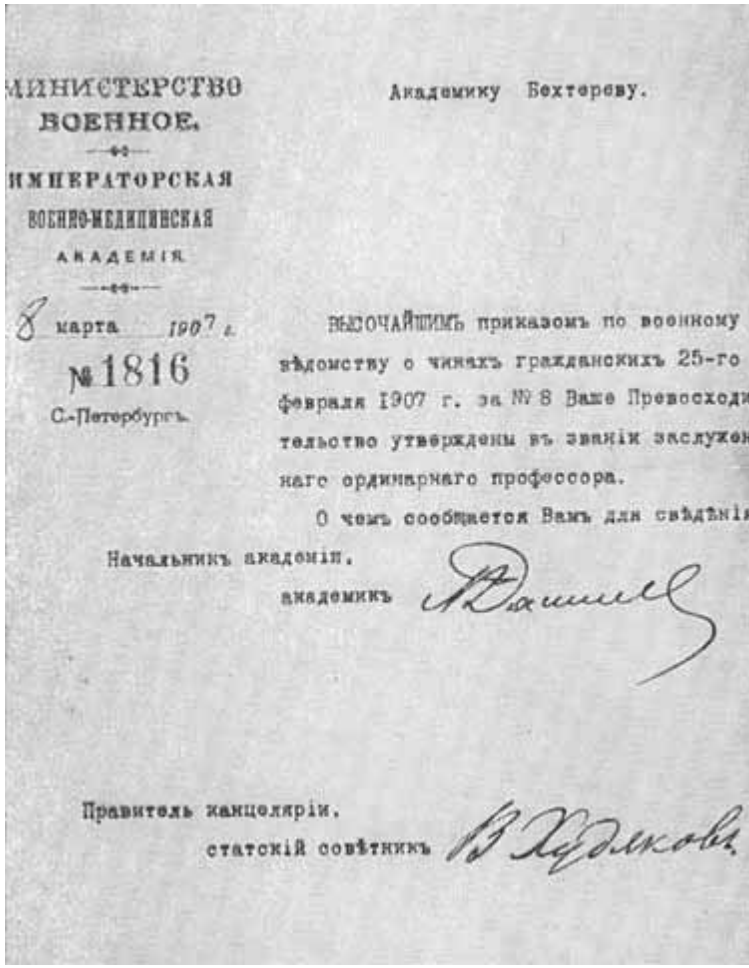
Свидетельство о награждении Бехтерева медалью Общества Красного Креста.

Владимир Михайлович Бехтерев (1905 г.).

Бехтерев в день торжественного чествования его в связи с 35-летием врачебной и научной деятельности 2 мая 1913 года.



Портрет Бехтерева работы И. Е. Репина (1913 г.).



МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ
АКАДЕМІЯ

8 марта 1907 г.
№ 1816
С.-Петербургъ.

Академику Бехтереву.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по военному ведомству о чинахъ гражданскихъ 25-го февраля 1907 г. за № 8 Ваше Превосходительство утверждены въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

О чемъ сообщается Вамъ для свѣдѣнія

Начальникъ академіи,
академикъ

Правитель канцеляріи,
статскій совѣтникъ

Документ об утверждении Бехтерева в звании заслуженного профессора.

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

О психоневрологическомъ институтѣ

Центральный Государственный Архив Революции

ФНД № 102 ОПИСЬ № 100

ЕД. ХР. № 61-5 Ас

1908 г.

146 листовъ

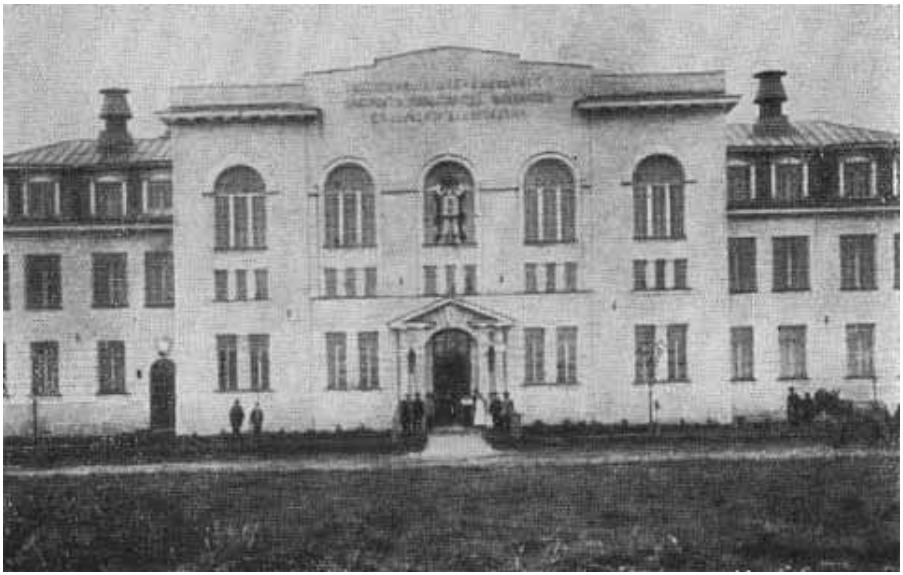
Дело департамента полиции о Психоневрологическом институте.

Бехтерев (*второй слева по кругу*) на заседании оргкомитета III съезда отечественных психиатров (1909 г.).

Бехтерев на закладке одного из зданий Психоневрологического института.

Строительство нейрохирургической клиники Психоневрологического института.

Главное здание Психоневрологического института.



Противоалкогольный институт.

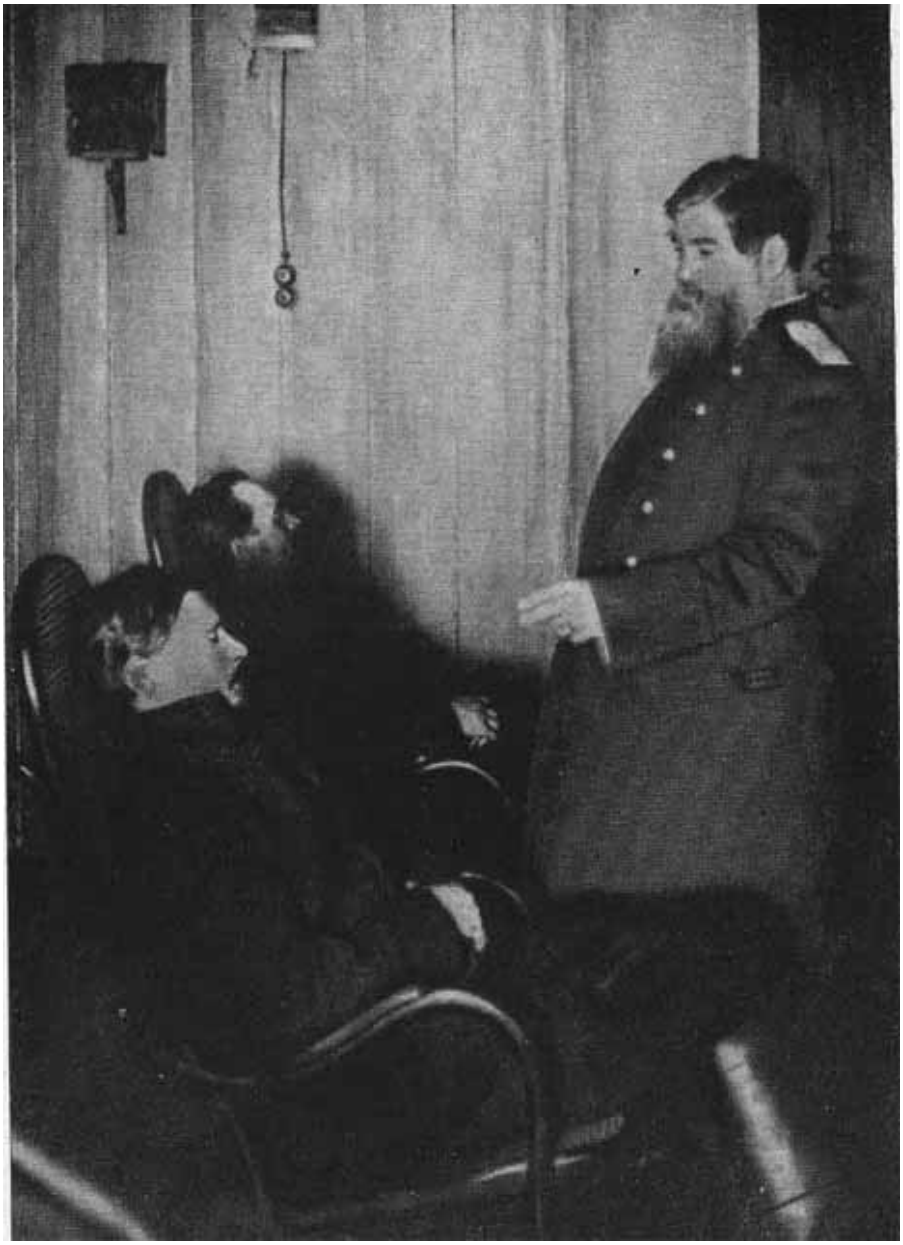
Дом Бехтерева в Петербурге на Каменном острове. Здесь он жил с 1913 по 1927 год.

Бехтерев в Праге среди ученых славянских стран.

Бехтерев за работой на даче «Тихий берег».

Бехтерев среди сотрудников и детей приюта для детей-беженцев.

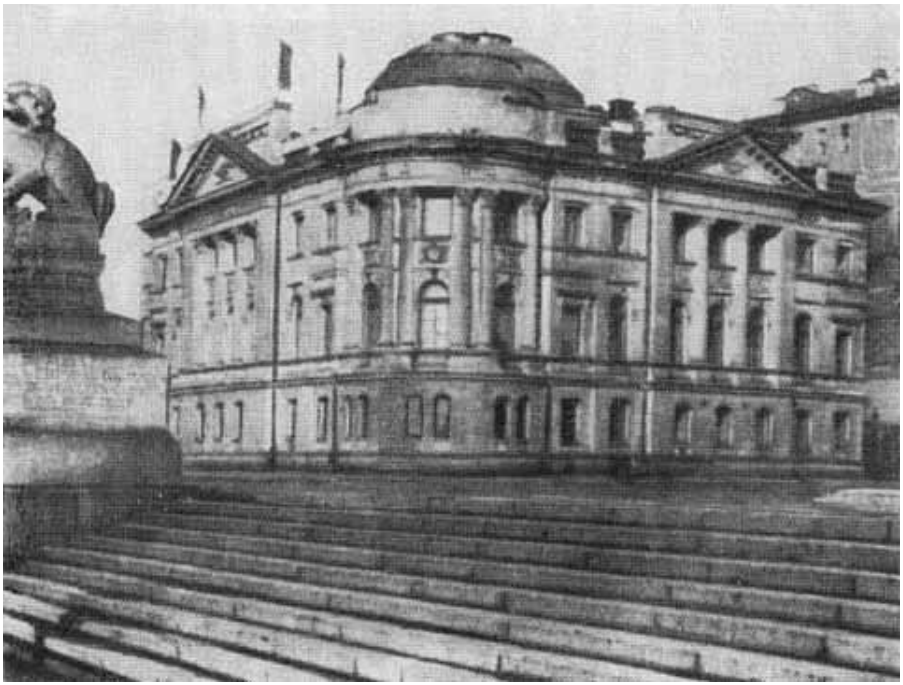
Бехтерев среди сотрудников и пациентов нейрохирургического госпиталя (*в центре снимка* — Л. М. Пуссеп).



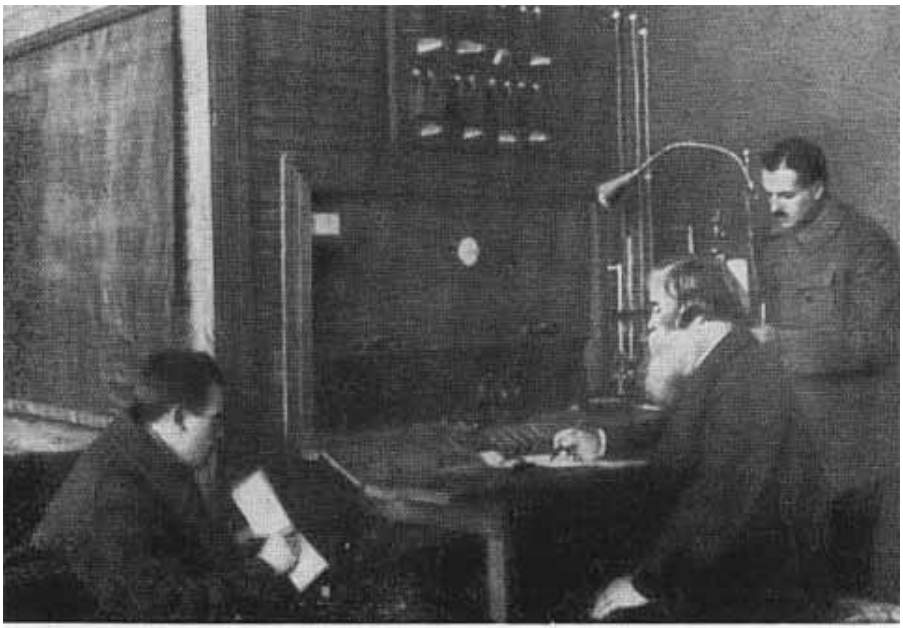
Бехтерев проводит лечение внушением под гипнозом.

Студенты Психоневрологического институте на первомайской демонстрации в 1917 году.

Бехтерев среди сотрудников Института по изучению мозга и психической деятельности (1918 г.)



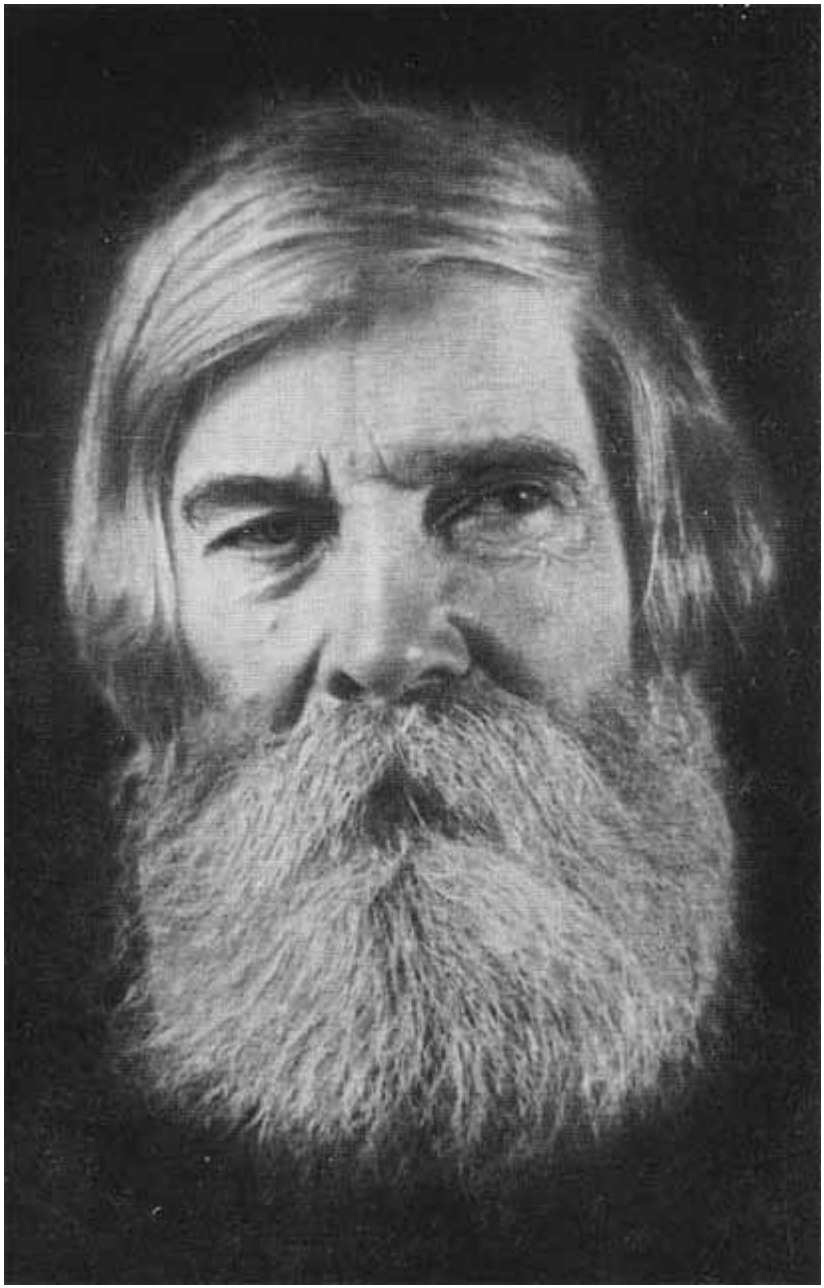
Институт по изучению мозга и психической деятельности (б. дворец одного из великих князей).



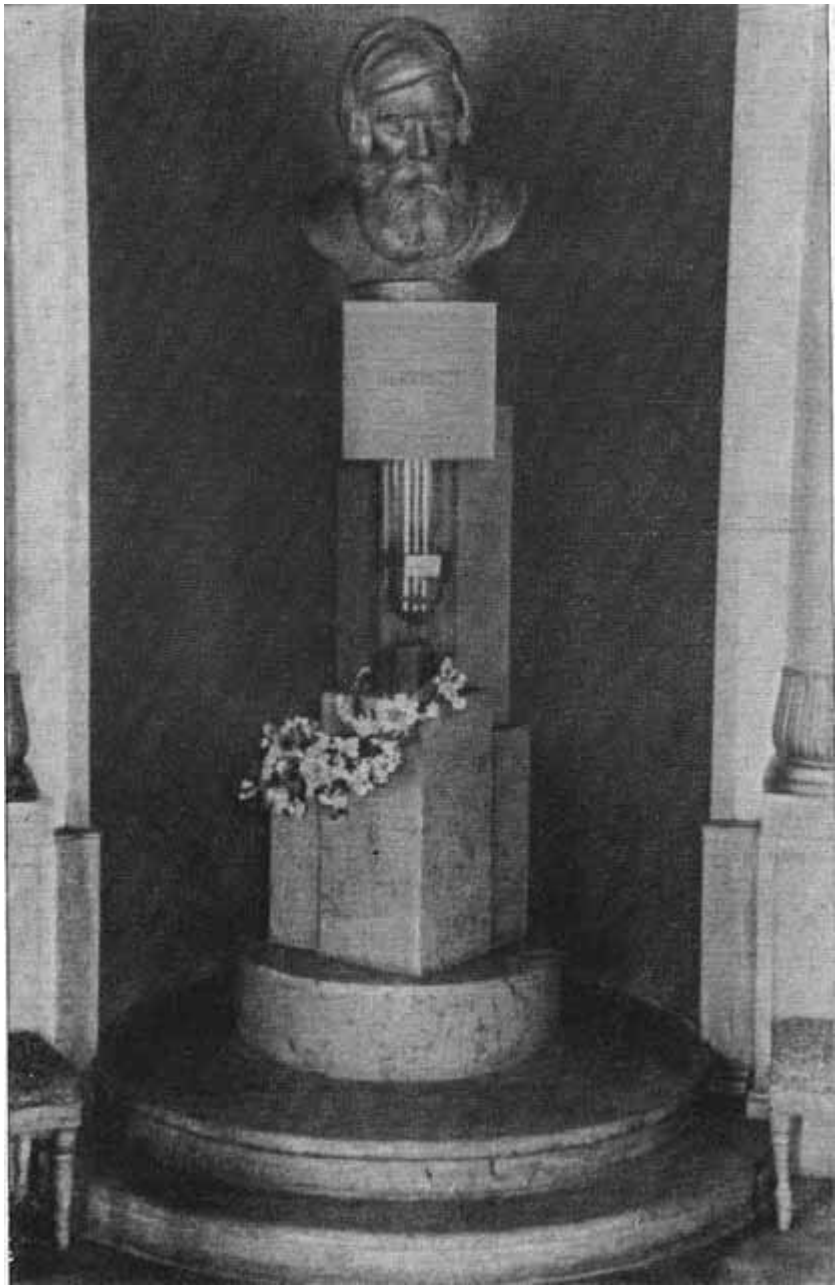
Бехтерев и А. Г. Иванов-Смоленский в рефлексологической лаборатории Института мозга.

Бехтерев с сотрудниками и больными Отофонетического института.

Обследование больной (*третий справа по кругу* — Бехтерев).



Владимир Михайлович Бехтерев (последняя фотография. декабрь 1927 г.).



Бюст Бехтерева работы М. Г. Манизера. В пьедестал вмонтирована урна с прахом ученого.

Памятная медаль в честь 125-летия со дня рождения Владимира Михайловича Бехтерева.

Памятник Бехтереву на Волковом кладбище в Ленинграде работы М. К. Аникушина.

notes

Примечания

1

Чин, равнозначный поручику в армии. Служащие полиции (за исключением жандармов) имели «статские» чины.

2

«Сома» по-гречески — тело. Соматический — телесный, относящийся к телу.

3

Морганатическим называют брак представителя правящей династии с лицом, к подобной же династии не принадлежавшим.

4

Военные врачи получали штатские чины, но носили военную форму с погонами соответствующего армейского чина. Однако, поскольку равнозначный статскому советнику чин бригадира был отменен еще в XVIII веке, врач в этом ранге носил полковничьи погоны. Следующий чин — действительного статского советника — относился уже к генеральским (с полагающимися генералам знаками различия).

5

В царской армии «нижним чинам» (солдатам и унтер-офицерам) при встрече с офицером полагалось не просто прикладывать пальцы к козырьку, а обязательно останавливаться по стойке «смирно». Офицеры же таким образом приветствовали только генералов. Студенты считали унизительным приравнивание их не к офицерам, а к нижним чинам.